
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 14 АПРЕЛЬ 1981

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2803)

4 АПРЕЛЯ 1981

Под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева 1 апреля в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Участники заседания единодушно выразили горячее одобрение ленинскому курсу, получившему дальнейшее развитие в исторических решениях XXVI съезда КПСС, практической деятельности Центрального Комитета партии, направленных на умножение экономического и оборонного могущества нашей Родины, рост благосостояния народа, духовный расцвет общества зрелого социализма, на сохранение и укрепление мира на земле.

С сообщением по первому вопросу повестки дня — о задачах Советов народных депутатов, вытекающих из решений XXVI съезда КПСС,— на заседании выступил Л. И. Брежнев.

Можно с уверенностью сказать, отметил, в частности, он, что даже небольшой промежуток времени, отделяющий нас от съезда, показывает огромное мобилизующее воздействие его решений. Съезд вооружил партию, все звенья нашей политической системы ясной и четкой программой. Теперь главное — наполнить эту программу реальными делами, наладить, как учил Ленин, крепкую и дружную совместную работу миллионов людей.

В принятом постановлении Президиум Верховного Совета СССР отметил, что главнейшей задачей Советов народных депутатов является реализация решений XXVI съезда КПСС, положений, сформулированных в Отчетном докладе ЦК КПСС и в утвержденных съездом Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

Президиум Верховного Совета рекомендовал всем Советам рассмотреть задачи, стоящие перед ними в свете решений XXVI съезда КПСС, и разработать конкретные мероприятия по проведению этих решений в жизнь.

На заседании рассмотрен и одобрен план основных мероприятий, намечаемых для проведения в Верховном Совете СССР на 1981 год.

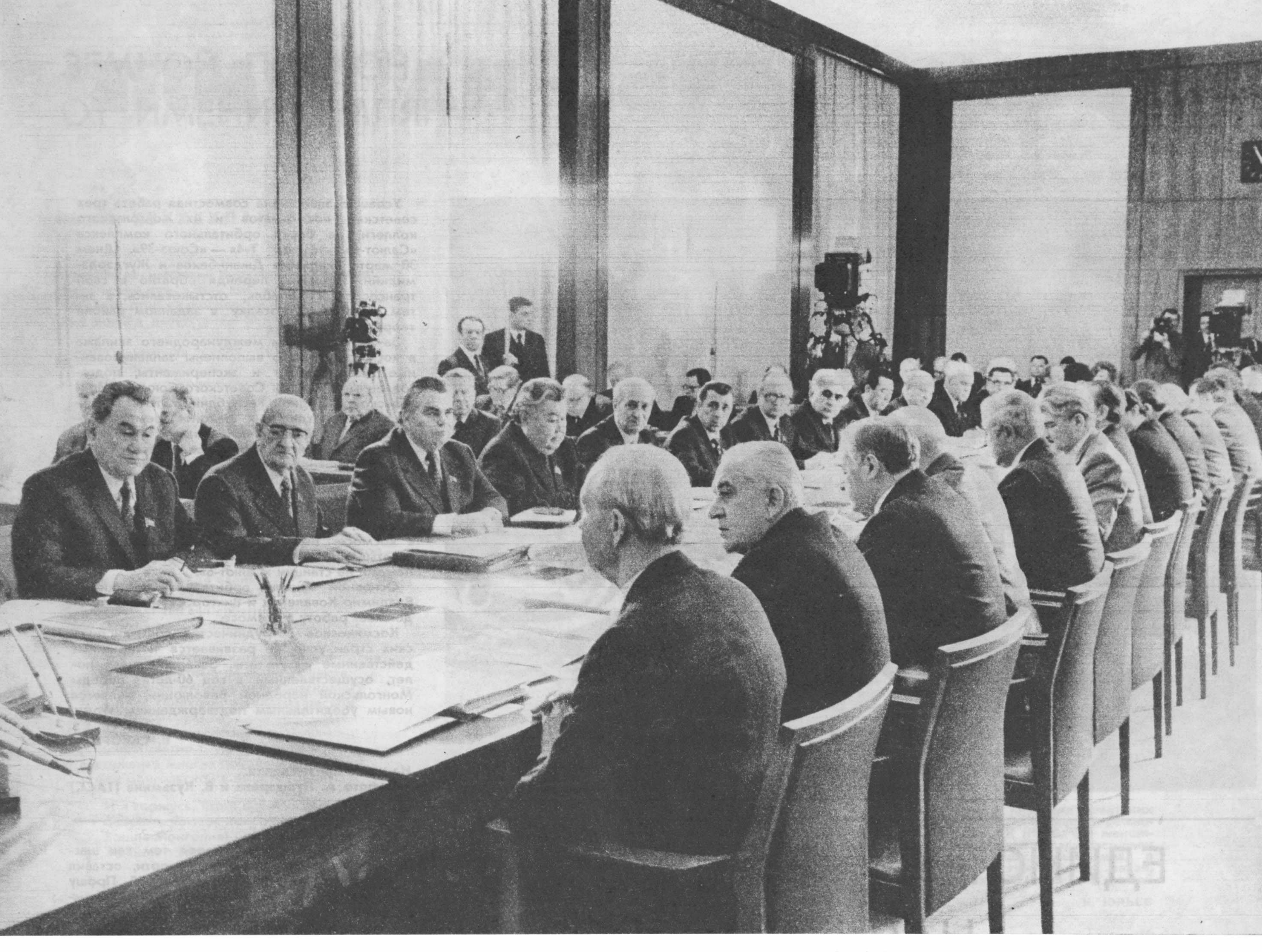

Фото Дм. Бальтерманца

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Президиум Верховного Совета СССР заслушал сообщение члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова о результатах рассмотрения предложений и замечаний Постоянных комиссий палат и депутатов, внесенных на четвертой сессии Верховного Совета СССР при обсуждении плана и бюджета на 1981 год.

В сообщении отмечалось, что во исполнение поручения Верховного Совета СССР правительством принимаются необходимые меры по реализации предложений Постоянных комиссий и депутатов. Большое внимание уделяется вопросам совершенствования управления народным хозяйством, использования резервов повышения эффективности общественного производства, ускорения экономического и социального прогресса нашего общества.

Выступивший по этому вопросу Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

В последние годы мы регулярно заслушиваем, какие меры принимаются Советом Министров СССР по выполнению постановлений Верховного Совета СССР, реализации предложений комиссий палат и отдельных депутатов. Это важное нововведение. Благодаря ему механизм социалистической демократии стал действовать более четко и эффективно.

По данному вопросу Президиум Верховного Совета СССР принял постановление.

Затем на заседании Президиума был рассмотрен вопрос о работе Министерства торговли СССР и Центросоюза по улучшению торгового обслуживания населения. По этому вопросу выступили министр торговли СССР А. И. Струев, председатель правления Центросоюза А. А. Смирнов, член Комиссии по товарам народного потребления и торговле Совета Союза Верховного Совета СССР Н. Ф. Аксенов, председатель Комитета народного контроля СССР А. М. Школьников, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. И. Бодюл.

Выступивший на заседании кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов отметил, что в экономической политике нашей партии вопросы улучшения снабжения населения товарами народного потребления занимают первостепенное место.

По данному вопросу Президиум Верховного Совета СССР принял постановление.

Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел и принял к сведению отчет Комитета народного контроля СССР о его деятельности в 1980 году.

На заседании Президиума рассмотрены некоторые другие вопросы государственной жизни.

В обсуждении вопросов повестки дня приняли участие члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, А. Ф. Ватченко, И. Е. Поляков, И. Б. Усманходжаев, П. Г. Гилашвили, К. А. Халилов, И. П. Калин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, члены Президиума Верховного Совета СССР Р. Г. Гамзатов, Г. Н. Смирнов, председатель Верховного суда СССР Л. Н. Смирнов, Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков.

КОСМОНАВТЫ — НА ЗЕМЛЕ

Успешно завершена совместная работа трех советских космонавтов и их монгольского коллеги на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз Т-4» — «Союз-39». Днем 30 марта Владимир Джанибеков и Жугдэрдэмидийн Гуррагча, перейдя обратно в свой транспортный корабль, отстыковались, а затем совершили посадку в заданном районе территории СССР.

За время работы международного экипажа в космосе успешно выполнены запланированные исследования и эксперименты, подготовленные учеными Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Это фотографирование отдельных районов земной поверхности с целью исследования природных ресурсов Земли и изучения окружающей среды. Это технологические и медико-биологические эксперименты. Это и эксперименты по отработке новых методов записи и передачи голографических изображений объектов для решения различных научно-технических задач в космосе. Были продолжены исследования, начатые предыдущими международными экипажами на станции «Салют-6».

Основной экипаж орбитальной станции — Владимир Коваленок и Виктор Савиных — продолжает работу в космосе.

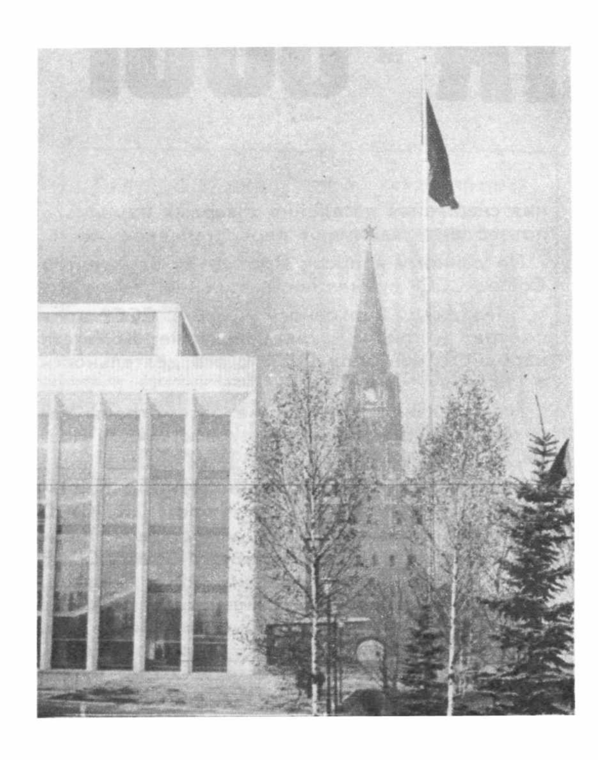
Космическое сотрудничество социалистических стран успешно развивается и приносит действенные результаты. Завершившийся полет, осуществленный в год 60-летия победы Монгольской народной революции, является новым убедительным подтверждением этому.

В. СКВОРЦОВ

На месте приземления.
Телефото А. Пушкарева и В. Кузьмина (ТАСС)

ТВ

ЕДИНСТВО НАШИХ РЯДОВ

«Если спросить любого советского человека — коммуниста или беспартийного, чем отмечен прежде всего путь нашей партии в последние годы, то в ответ услышишь: отмечен этот путь прежде всего тем, что удается сохранить мир». Эти слова, произнесенные с трибуны XXVI съезда КПСС Леонидом Ильичом Брежневым, ныне вошли в историю. Точно так же, как приобрели конкретную историческую значимость, вызвали широкий международный отклик выдвинутые на съезде предложения, направленные на дальнейшее всестороннее развитие советского общества и на сохранение мира во всем мире...

Телевизионный документальный фильм «Во имя человека»[1] позволил нам вновь пережить многие волнующие моменты работы XXVI съезда партии.

Наша партия всегда была крепка своими бойцами— рядовыми коммунистами. И теми, кто сражался на фронтах гражданской войны, и теми, кто получил свой партбилет в трудные, но полные высокой революционной романтики годы первых пятилеток. И теми, кто так и не увидел своих партийных документов, но, перед тем как шагнуть из окопа навстречу смерти, оставил короткую записку: «Ухожу в бой. Прошу считать меня коммунистом...» Лица коммунистов разных поколений появляются перед нами на телеэкране. Кадры полны глубокого гражданского смысла, они напоминают о личной ответственности каждого из нас за судьбу страны и за судьбу всего человечества.

Действие фильма переносит нас в зал заседаний Кремлевского Дворца съездов и в его просторные фойе, позволяет ощутить четкий пульс работы съезда, атмосферу солидарности и сплоченности его участников. За их словами, короткими интервью — жизнь всего нашего многомиллионного народа, наши общие радости и заботы. Ведь каждый делегат — будь то рабочий или колхозник, писатель или ученый — говорит о самом сокровенном, о том, с какими мыслями и чувствами он приехал в Москву. Рассказы о трудовых буднях советских людей и заботы о решении сложнейших глобальных проблем. Итоги прошедшей пятилетки и планы на будущее. Калейдоскоп лиц и событий... Но есть в словах участников съезда основное, главное для всех: «Нам нужен мир!» Слова эти органично сочетаются с ведущей идеей фильма, суть которой точно и емко выражена в самом его названии.

Телевизионная лента зовет к размышлению, к творческому осмыслению международной и внутриполитической деятельности нашей партии. Действие фильма не ограничено стенами Дворца съездов: мы видим колхозные поля, этажи новых жилых кварталов и плотины гидростанций — всю масштабную картину жизни советского народа, его созидательного труда — то, во имя чего и работал в Кремле XXVI съезд советских коммунистов.

А. СОКОЛОВ

[1] Творческое объединение «Экран». Режиссеры — В. Осьминин и А. Алексеев, авторы сценария — Г. Шергова, Е. Синицын, В. Бекетов.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ОТ ИМЕНИ ЗЕМЛЯН

Бэгзийн ЯВУУХУЛАН

Корабль космический прокладывает в небе
Свой яркий путь вдоль Млечного Пути.
Весенних птиц разноголосый щебет
Ему вослед напутствием летит!

Прекрасная судьба объединила
Интернациональный экипаж!
Навек монгола с русским породнила
Дорога общая и звездный марш.

Земля внизу — торжественная чаша,
Наполненная небом до краев!
И где-то там, под кораблем летящим,
Бежит табун среди степных холмов!

Там гражданин Монголии родился,
Из белой юрты вышел на простор
И в космос необъятный устремился,
Чтоб с высоты на Землю бросить взор.

Один виток за время чаепитья
Вокруг планеты делает корабль.
И происходят тысячи событий,
Пока герои в космосе парят!

За три минуты промелькнет Монголия
Сквозь плотные покровы облаков,
Подобная раскрывшейся магнолии
Средь синих гор и золотых песков.

Но не сокрыто краткостью мгновений
Шестидесятилетие труда!
И достиженья многих поколений
С земли монгольской в высоту глядят!

И я горжусь, что в первую десятку
Впервые космос покоривших стран
Вошла Монголия! Отважному десанту —
Земной поклон от имени землян!

Перевела с монгольского
Людмила БУКИНА.

В. В. Николаева-Терешкова среди участников пленума Комитета советских женщин.

Фото А. Годунова

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МИР!

В Москве, на пленуме Комитета советских женщин, с докладом «О задачах советских женщин в свете решений XXVI съезда КПСС» выступила председатель Комитета советских женщин, Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР В. В. Николаева-Терешкова. Речь шла о том, что близко сердцу каждой советской женщины. Как уберечь нашу планету от войны? Какие еще меры необходимо принять для улучшения труда и быта женщин-матерей? Об этом говорили и докладчик и выступающие — женщины самых разных профессий: врач, народный контролер, журналистка, партийный и государственный работники, начальник цеха кожевенного завода.

На пленуме отмечалось, что с каждым годом женщины все активнее участвуют в общественной жизни страны. За прошлый год в комитет поступило более 127 тысяч писем, а на личном приеме побывало свыше десяти тысяч женщин. Постоянно на рассмотрение различных инстанций комитет вносит предложения по дальнейшему улучшению условий труда и быта женщин. Некоторые из этих предложений вошли в «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Выступающие подчеркивали необходимость особого внимания к письмам женщин-матерей, доброго и своевременного рассмотрения их просьб и жалоб.

Два дня продолжался пленум, но работа была проделана немалая. Состоялись встречи, беседы в Комитете советских женщин, шло обсуждение насущных вопросов женского движения, подготовка документа — Обращение к женщинам мира.

— Главное ощущение, которое я здесь испытала, — сказала одна из участниц пленума, Инесса Ильинична Иванова, младший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, — какие прекрасные у нас женщины!

...От имени Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова заверила ЦК КПСС, что женщины нашей страны отдадут все свои силы, внесут достойный вклад в выполнение грандиозных задач, намеченных XXVI съездом нашей партии.

К. ЮРЬЕВ

На месте покушения.

ПОКУШЕНИЕ НА Р. РЕЙГАНА

В Вашингтоне 30 марта совершено покушение на президента Р. Рейгана. Некий Джон Хинкли открыл огонь по президенту из револьвера, когда Р. Рейган выходил из находящейся в центре Вашингтона гостиницы после выступления на профсоюзной конференции.

Президент был тут же доставлен в медицинский центр Университета имени Вашингтона, где ему была сделана операция по извлечению пули из левого легкого. Врачи характеризуют его состояние как «стабильное и хорошее». Он находится в сознании.

Во время покушения тяжело ранен в голову пресс-секретарь Белого дома Дж. Брейди. Получили ранения один из агентов секретной службы и полицейский.

Покушавшийся Джон Хинкли арестован. Согласно сообщению агентства АП, он сын крупного бизнесмена из Эвергрина (штат Колорадо), ранее находившийся под наблюдением психиатров. Агентство ЮПИ сообщает, что Хинкли ранее состоял членом национал-социалистской партии Америки, крупнейшей в США неонацистской группировки.

Получив известие о покушении на Р. Рейгана, вице-президент Дж. Буш, находившийся на пути в Техас, отменил поездку и вернулся в Вашингтон.

Агенты секретной службы помогают раненому президенту сесть в машину.

Телефото АП — ЮПИ — ТАСС

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

Сердца и руки молодых — тебе, Родина! 27 марта Москва проводила на стройки пятилетки участников Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVI съезда КПСС. На снимке: последние минуты перед отъездом. Впереди — большие, славные дела.

Фото Б. Корзина (ТАСС)

1

МОСКВА

ДОБРОГО ПУТИ! 1

Этот день — особенный в биографии пятилетки, в истории Ленинского комсомола. Семь тысяч молодых энтузиастов — бойцов Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVI съезда КПСС по комсомольским путевкам выехали на передний край борьбы за претворение в жизнь исторических решений XXVI съезда КПСС. За ними пойдут новые тысячи юношей и девушек.

Доброго пути пожелали энтузиастам участники торжественного митинга, который состоялся 27 марта в Москве в Колонном зале Дома союзов.

Бурными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие товарища Л. И. Брежнева участникам отряда имени XXVI съезда КПСС. Его огласил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

В новой пятилетке Ленинский комсомол усиливает шефство над важнейшими отраслями народного хозяйства. Весомый вклад в это внесут бойцы Всесоюзного отряда.

В отряде — молодые производственники. Многие за ударный труд в десятой пятилетке, за высокие результаты в социалистическом соревновании удостоены высоких правительственных наград. Большинство бойцов владеет необходимыми на стройках профессиями. Девяносто процентов юношей и девушек — коммунисты и комсомольцы.

От имени старших товарищей-коммунистов на митинге выступил московский строитель, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда партии А. М. Суровцев. Сегодняшнее поколение молодежи, подчеркнул он, верно традициям отцов. Ветераны уверены — юность страны с честью оправдает высокое доверие партии, которая поручает комсомолу решение важнейших государственных задач.

С напутствием к молодым энтузиастам обратились министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР Н. В. Голдин, летчик-космонавт СССР В. Г. Лазарев.

В своих выступлениях бойцы отряда подчеркивали, что высокая оценка, данная комсомолу на съезде партии, обязывает молодежь взять в новой пятилетке высокие рубежи, со всей энергией юности включиться во Всесоюзное социалистическое соревнование. Юноши и девушки заверили, что приложат все силы, чтобы с честью оправдать доверие партии.

Звучит рапорт командира отряда о готовности приступить к выполнению почетного задания.

С воодушевлением принимается письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

ГРУЗИЯ

«КОЛХИДА» И «ЦИКЛОН» 2

Никому неведомо, как выглядел корабль, на котором к берегам Колхиды, к столице царства Фасису, прибыл мифический герой Язон. А вот как выглядит корабль «Комета» — судно на подводных крыльях, — знают во всем мире, на всех теплых морях, потому что стоило «Комете» появиться на свет, как многие зарубежные фирмы начали раскупать ее.

В результате безызвестный доселе судоремонтный завод имени Орджоникидзе, выпускающий «Кометы», в маленьком портовом городе Поти (бывший Фасис) удостоился в конце прошлого года за заслуги в международных торговых связях международной премии «Золотой Меркурий».

Удостоился, но отнюдь не успокоился. Не далее как в январе этого года со стапелей потийского завода сошла новая модель судна на подводных крыльях, более вместительная, быстроходная и изящная, чем «Комета». Потийские судоремонтники назвали ее «Колхидой» и посвятили XXVI съезду КПСС. Они очень старались и сделали головной экземпляр на два года раньше намеченного срока. Сейчас «Колхида» идет в серию и тоже, конечно, будет бороздить моря в разных частях нашей планеты. Тем временем здешние судоремонтники приступают к созданию модели нового семейства теплоходов на подводных крыльях с названием «Циклон». Его салон вместит еще большее число пассажиров. И будет нестись по воде, судя по названию, со скоростью циклона.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»
Фото И. Чохонелидзе

КАЗАХСТАН

ПЛОТИНА-РЕШЕТО 3

Бывают, оказывается, и такие плотины. Только строят их не затем, чтобы воду задерживать, а совсем наоборот, чтобы воду пропускать. Одна из этих плотин возводится в двух километрах выше бывшего горного озера Иссык, которое выплеснула до дна природная стихия около двадцати лет тому назад. Озеро решено восстановить, а для защиты его от селевых потоков построить плотину-решето длиной более ста и высотой восемнадцать метров. Проектировщики еще называют ее сквозной.

— Такое решение, — объяснил директор проектно-конструкторского бюро Казглавселезащиты Виталий Владимирович Хон, — не случайно. Сквозная плотина позволяет во много раз уменьшить напорную силу селевых потоков за счет беспрепятственного пропуска воды. Выше ее будет оставаться только каменная масса селя. Наша плотина на реке Иссык окажется способной остановить не менее полутора миллионов кубометров горной породы...

Получается, в общем, как в народной поговорке: «Чудеса в решете, дыр много, а выскочить некуда».

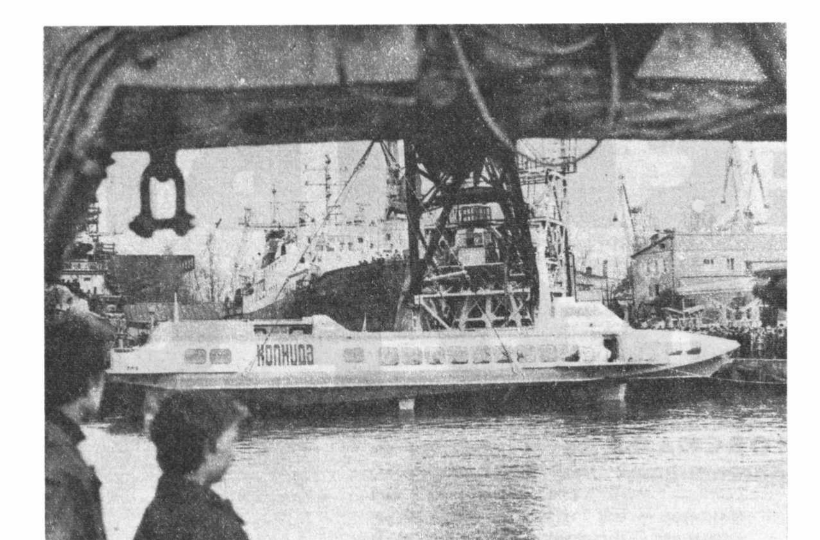
Ю. ВАСИЛЬЕВ
Фото автора

На снимке: В. В. Хон у макета плотины-решета на реке Иссык.

НОВОСТИ

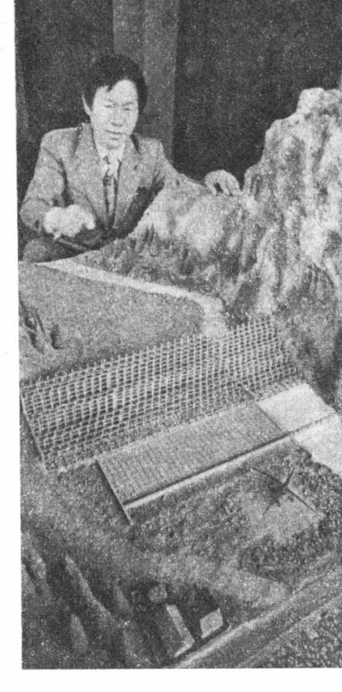
ИНТЕРВЬЮ

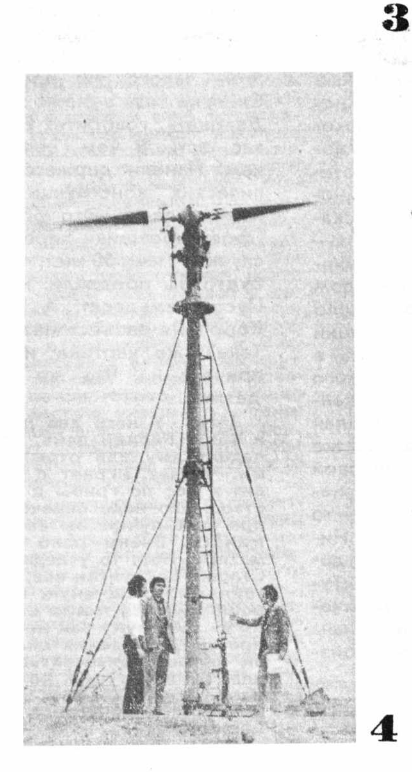
РЕПОРТАЖ

2

3

4

АЗЕРБАЙДЖАН

ВЕТЕР В УПРЯЖКЕ

Когда я поинтересовался у испытателей Бакинского филиала Центрального конструкторского бюро Всесоюзного научно-производственного объединения «Циклон», чем заняты в этот час на полигоне инженеры, они, как мне показалось, с юмором ответили: ловим в поле ветер. Шутка эта, оказывается, не лишена глубокого смысла. Без ветра испытатели действительно как без рук, а точнее — без дела.

Синоптики приняли прогноз погоды. Цифры утешительные: температура воздуха плюс 15 градусов, скорость ветра 4—5 метров в секунду. Руководитель отдела внедрения и испытаний Н. Гусейнов включил ветроэнергетический агрегат «Циклон-6», и трехметровые лопасти закружились в бешеной пляске. В передвижном вагончике, служащем и лабораторией и мастерской, сразу вспыхнули 100-ваттные лампочки, заговорил радиоприемник, заработали измерительные устройства и сверлильный станок, покраснела спираль электропечи. Все эти приборы обеспечивал электричеством ветер в упряжке «Циклона-6».

Как объяснили мне специалисты, установки «Циклон-6» и «Апшерон» не только вырабатывают электроэнергию, но и добывают из шахтных колодцев воду для производственной базы испытателей.

— Апшеронский полуостров, где через два дня на третий привольно гуляет ветер, не случайно выбран для испытания ветроэнергетических агрегатов, которые производятся астраханским заводом «Ветроэнергомаш — Циклон»,— рассказывает директор Бакинского филиала объединения Т. Сафаралиев.— Среднегодовая скорость ветра на полуострове составляет четыре метра в секунду. 4 Именно с этих минимальных параметров и начинают работать под воздействием силы ветра универсальные «Циклоны». Каждый из этих экономичных и эффективных агрегатов может обеспечить питьевой водой две тысячи овец, целую ферму крупного рогатого скота — двести голов, а также снабжать электричеством жилые поселки и насосные станции, поднимающие воду из открытых водоемов, опреснять грунтовые минерализованные воды, орошать культурные пастбища и огороды. И, заметьте, каждый кубометр добываемой ими воды обходится примерно в десять копеек. Но этим не исчерпываются возможности «Циклонов».

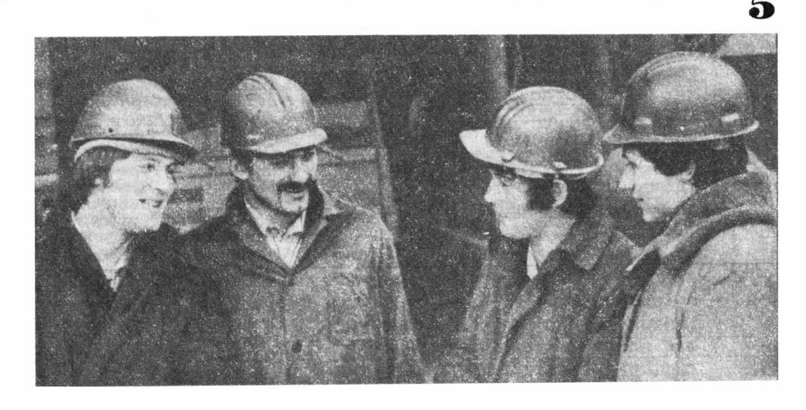
Азербайджан и Армения, Туркмения и Дагестан, Калмыкия и Астраханская область — вот география проектно-изыскательских, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ объединения и его бакинского звена. Специалисты «Циклона» собственными силами ведут в хозяйствах монтаж и наладку ветроэнергетических установок. Первые такие агрегаты уже успешно работают в Азербайджане, Армении, Астраханской области.

Сегодня, когда наша страна ведет рачительный учет воды и электроэнергии, а окружающая среда нуждается в надежной защите, «Циклоны», использующие неисчерпаемые ресурсы ветровой энергии, помогают в решении этих важнейших проблем.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

5

НОВОСИБИРСК

ПЕРВОЕ ЗА УРАЛОМ

Новосибирск постоянно растет, хорошеет, и новыми стройками здесь никого не удивишь. Привыкли. Но это стройка особая, отношение к ней необычное, окончания ее ждут все жители столицы Сибири. А начало было положено в мае 1979 года, когда на будущей станции «Октябрьская» торжественно забили первую сваю будущего метро.

Его строительство должно быть закончено в конце одиннадцатой пятилетки. Под городом пролажет десятикилометровая подземная дорога с семью станциями. Она соединит правый и левый берега Оби и поможет разгрузить общественный транспорт, что для Новосибирска с его суровыми морозами очень важно.

Работы идут полным ходом. Проходчики двигаются все дальше, а художники думают о будущем облике всех семи станций. Для отделки будет использован местный гранит и мрамор. 5

Метростроители трудятся с большим старанием. В канун XXVI съезда партии рапортовали о первой победе — пройдено семьсот метров закрытым способом. Отличились бригады Владимира Царапкина и Владимира Дубровского. Особое внимание уделяется качеству работ, ведь требования предъявляются очень жесткие — 150 лет без капитального ремонта.

Итак, за Уралом строится первое метро. Но не последнее. На очереди — омская подземная дорога.

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»

На снимке: члены комсомольско-молодежного звена проходчиков из бригады Владимира Царапкина.

Фото Г. Плаксина

6

ДОНБАСС

ВОРОТА ВОРОШИЛОВГРАДА

Дважды орденоносный Ворошиловград украсился новым железнодорожным вокзалом. Это комплекс сооружений, в который входят главное здание с пассажирскими залами, административными и техническими помещениями, 12-этажная гостиница, багажный блок...

Быстрое продвижение пассажиров в город и к поездам здесь обеспечивается удобным пешеходным мостом — конкорсом. Он связывает переходами также залы ожидания, рассчитанные на одновременное пребывание полутора тысяч пассажиров, и операционный зал с билетными кассами. На пути движения пассажиров установлен эскалатор. 6

Красива и архитектура вокзала и его интерьер. Это настоящие ворота города.

В. ЛЕСНОЙ

На снимке: новый вокзал.
Фото автора

Адрес указан XXVI съездом КПСС

ВСЕСИЛЬНЫ ПОРОШ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

«...Увеличить производство металлического порошка в 3 раза».

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

Собственно, дорога к тульским порошковикам начинается в Москве, потому что генеральный директор научно-производственного, единственного в стране металлургического объединения «Тулачермет» (в его составе научно-исследовательский институт и завод), член-корреспондент Академии наук СССР Анатолий Иванович Манохин в то же время директор Института металлургии имени А. А. Байкова Академии наук СССР. Такое сочетание чрезвычайно плодотворно и для большой науки и для производства: результаты фундаментальных исследований без лишних препон закладываются в новые технологические процессы. Беседа с генеральным директором происходит в здании на Ленинском проспекте. Стены кабинета помнят И. П. Бардина, основателя этого института, академиков А. М. Самарина, А. А. Байкова...

На маленьком столике трезвонят телефоны, как бы свидетельствуя, что нынешний хозяин их далек от уединения и тишины. Напоминают о предстоящей вечером встрече с секретарем обкома партии, советуются по какой-то научной работе; А. А. Кугушин, начальник технического управления Минчермета, договаривается о дне проведения совещания в связи с переходом на новую систему хозяйствования. Секретарь соединяет с Минском, потом с Новокузнецком. Неожиданно в наш разговор вклинивается Вена. На проводе представитель одной из австрийских фирм, заинтересованных в производстве порошка.

И меня тоже привели в этот особняк порошки... Порошковой металлургией, поднятой за последние десятилетия на гребень важнейших достижений науки и техники, измеряется сегодня во многом технический прогресс государства. Криогенная и атомная энергетика, освоение космоса, прямое преобразование тепловой энергии в электрическую, получение высоких давлений и низких температур, микроэлектроника, полупроводники и диэлектрики требуют создания, или, как принято сейчас говорить, конструирования, принципиально новых материалов с заранее заданными необходимыми свойствами... Не менее важны и проблемы экономного расходования металла, долговечности и антикоррозионной стойкости машин и сооружений. Вот почему за последние двадцать лет темпы развития порошковой металлургии в США, ФРГ, Японии, Швеции, Англии в 6—7 раз превышают рост производства стали и чугуна.

Все большее развитие, однако еще не такое, как хотелось бы, подчеркнул в начале разговора генеральный директор, получает порошковая металлургия и в нашей стране. Кстати, у ее истоков стояли русские ученые и инженеры П. Г. Соболевский и В. В. Любарский. Еще в 1826 году в Петербурге они разработали технологию получения монет и медалей из платины. Техника того времени не позволяла достигнуть температур выше 1770°, необходимых для плавления этого благородного металла. И они применили метод порошковой металлургии. Второй шаг был совершен в конце века в США — когда потребовалось сделать из вольфрама нить накаливания для электрической лампы. Позже, уже в Германии, получили композиции, спеченные из твердых сплавов.

Словом, история порошковой металлургии давняя, но подлинного расцвета она достигла только в наше время. Тула наряду с Киевом, где головной институт этой отрасли — Институт проблем материаловедения АН СССР, стала одним из важнейших ее центров. И в этом немалая заслуга А. И. Манохина, сумевшего привлечь внимание Президиума Академии наук СССР, руководителей министерств и ведомств к решению неотложных проблем новой отрасли.

— Наше НПО молодо: 1 января ему исполнилось всего семь лет, — продолжил нашу беседу А. И. Манохин. — В свое время Иван Павлович Бардин, один из самых блестящих организаторов черной металлургии и науки о ней, мечтал о том, чтобы, широко используя научный потенциал столицы, превратить подмосковный Новотульский завод в крупнейшую экспериментально-промышленную базу. Он много сил и энергии отдал тому, чтобы исподволь подготовить, подвести его к такому переходу.

Перелистывая блокноты давнишних лет, я нашла тому в подтверждение не одну запись. По инициативе Бардина впервые в стране здесь, сначала в доменном, а потом в сталелитейных цехах, был применен кислород. Затем в Туле была создана и пущена при личном участии академика первая в мире опытно-промышленная установка непрерывной разливки стали, а в Сормове — первая промышленная. Ее творцы были удостоены Ленинской премии.

Лауреатами стали и инженеры объединения во главе с генеральным директором А. И. Манохиным, впервые получившие и освоившие производство феррованадия, очень нужного для машиностроения. Порошки — новая глава творческого поиска тульских металлургов.

— Мы конструируем новые материалы и композиции, производим легированные и железные порошки, разрабатываем технологию их производства и применения, наконец, создаем оборудование, кстати, оно все у нас отечественного происхождения; многое разработано нами, — рассказывал генеральный директор.— Получение порошков распылением и кальцийгидридным методом по всем показателям превзошло зарубежные данные. Крупнейший специалист порошкового дела в Туле — заместитель генерального директора по научной части, кандидат технических наук Тамерлан Сосланбекович Шишханов. Что же касается второй ветви порошковой металлургии — разработки и нанесения порошковых покрытий,— то этими вопросами занимается Николай Григорьевич Филатов, директор совершенно нового в «Тулачермете» опытно-технологического производства по защитным покрытиям. Создано это производство совсем недавно.

ЧТО МЫ ОСТАВИМ ДЕТЯМ!

Здание вычислительного центра, который подчиняется Тамерлану Сосланбековичу Шишханову, окрестили тамерлановым дворцом. И уж само собой напрашивается, что порошки, которым он отдал половину своей жизни,— тамерланово царство. Шишханов может говорить о них часами, расхаживая вдоль длинного стола, высокий, прямой, со скрещенными на груди руками.

— Мы выплавляем 148 миллионов тонн стали в год. Кривая выпуска металла неуклонно, хотя и тяжело, с огромным напряжением, но ползет вверх. А линия насыщения сельского хозяйства машинами куда более пологая. Но ведь мы с каждым годом выпускаем все больше и больше тракторов, комбайнов, сеялок и всякой другой техники. А на селе машин все еще не хватает. В чем же дело? Вот в чем: очень быстро выходят из строя валы, плунжеры, оси. В США выпускается стали намного меньше, чем у нас. Но парк машин у них значительно больше. Понятно почему? Экономнее, более совершенными способами приготавливается и используется металл, и он служит людям в несколько раз дольше.

В правой руке папироса, и снова шаги.

— Вот вы в каком доме живете? — Шишханов неожиданно останавливается и смотрит в упор.— В панельном? Прекрасно. — И тут же доказывает, что ничего нет в этом такого уж прекрасного. — Сколько вы в нем живете лет? Двадцать, говорите? Еще время у вас есть. В чем дело? А вот в чем. Панели держатся на металлических конструкциях со сварными швами. Это общеизвестно. Проектировщики определили срок службы им 50 лет. Теперь как будто бы продлили, насчитали 70. Пусть семьдесят. А дальше что? Коррозия разъест металл, вот что. Такая же картина и с мостами, причалами... Что же мы оставим детям?..

Дети... У него две девочки, Юля и Таня. Редкий день, который выпадает ему для отдыха, он с ними. Читает, играет с дочками, ездит в лес по грибы и ягоды... Детство... Его надо беречь, лелеять. А про свое лучше бы ему и не вспоминать. Очень рано остался без матери. Жил то у деда, то у тетки. Старый Гойсултан все, бывало, повторял: «Учись, внук. Старайся хорошо учиться, тогда станешь сильным»... А внуку так не хватало сил, просто физических сил! Здоровьем он не мог похвастаться: часто болел. Температурил, но в школу все равно ходил. Он был очень настойчивым мальчуганом, Тамерлан, цепким.

Десятилетку юноша окончил с медалью. И факультет выбрал такой, где была самая высокая стипендия,— горно-металлургический, еще не очень разбираясь в том, что он ему сулит. Деда уже не было на свете, и он мог рассчитывать только на себя, на свои силы. С порошковой металлургией столкнулся до обидного прозаически, без всякой романтики. Просто послали из Алма-Аты несколько студентов на практику в Москву, в Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии, директором которого был сам Бардин. Тамерлан много слышал об академике, читал его статьи, автобиографические записки, восхищался им, и вот надо же, как повезло: попал в его институт. «Для нас Бардин был тем же, чем Королев для космонавтов, Курчатов — для физиков».

Последние годы своей жизни Бардин много внимания уделял порошкам, предвидя их будущее, добивался того, чтобы было начато их производство, чтоб ученые занимались ими. Еще в 1946 году благодаря ему была создана лаборатория в самом ЦНИИчермете, которая должна была заняться железными порошками. В тот год Тамерлану было всего-навсего одиннадцать лет. И нужно было ему прожить еще ровно столько же, чтоб практикантом прийти в эту самую лабораторию!

В Туле, особо опекаемой Бардиным, к тому времени уже работал цех железных порошков. Их получали в печи методом восстановления окалины сажей. Мне показывали эту печь. Она служит безотказно науке и до сих пор. По этому же принципу работают 15 печей в Броварах, под Киевом. А тогда, в пятьдесят девятом, начинала осуществляться задача получения

заготовок из железного порошка, это очень близко к тому, что лежит сегодня в основе безотходной технологии. За решение этой головоломной задачи взялся Борис Александрович Борок. В его лаборатории разрабатывался гидростатический метод. Подобным образом еще в прошлом веке предприимчивые тульские купцы, взявшие в свои руки самоварное дело, придавали самовару нужную форму с помощью... воды — высокого гидростатического давления.

...Как ни занят вице-президент АН СССР Бардин, но он вырывает минуты, чтобы заглянуть хотя бы раз в неделю в лабораторию, находит часы, чтобы хотя бы раз в месяц побывать, походить по цехам Новотульского завода. Вот и тогда, собираясь в командировку в Англию, спрашивал у Борока, как идут дела. Тот не смог скрыть огорчения: все почти готово, вот только не может достать манометр высокого давления — на 2000 атмосфер. Нигде нет. Бардин сосредоточенно хмурит густые седые брови, что-то неопределенное хмыкает...

А через две недели распахивается в лаборатории дверь, академик кладет на рабочий стол Борока коробку и своим низким, хрипловатым голосом, будто сделал что-то не то, бурчит: «Вот привез тебе»... Растерявшийся Борок только успевает спросить: «На свои деньги?» Вся эта сцена разыгрывается на глазах изумленного Шишханова.

Через год Ивана Павловича Бардина не стало. Но уже несколько лет работал на Новотульском металлургическом заводе опытно-промышленный цех, и здесь получали железный порошок методом электролиза водного раствора сернокислого железа и восстановлением окалины.

Молодой Шишханов благополучно защитил диплом. Темой было: «Электролитическое получение порошков титана», руководил ею А. Б. Сучков, ныне доктор технических наук, профессор, заведует лабораторией в ЦНИИчермете. Назначение получил Шишханов, к своей радости, на Новотульский завод. Он не избегал никакой работы,— помощник мастера, мастер, старший мастер... В общем, прошел все инстанции от рядовой должности до заместителя генерального директора объединения и заместителя директора научно-исследовательского института. Круг его творческих интересов главным образом в порошках, но одновременно он занимался и другими вопросами. Вместе с Манохиным — феррованадием, и тоже был удостоен Ленинской премии. И в то же время углублялся в технологию, памятуя слова Бардина о том, что без умной технологии не пойдет самый великолепный теоретический замысел.

«Шишханов у нас идеолог порошкового дела»,— говорят про него. Со свойственным южанам темпераментом (по национальности Тамерлан Сосланбекович — ингуш, и родился он в городе Орджоникидзе), отстаивает его интересы во всех инстанциях, где только можно. У нас на родине и за границей, читая лекции в крупнейших университетах. Он бывает ершист, несговорчив до нетерпимости. Указывает строителям, которые, как обычно, опаздывают, на их промахи, и это не очень нравится им. Порывистый, динамичный, как сейчас, когда, обшагав стол для заседаний, бросил эту жестокую правду:

— Что же мы оставим детям?— и задумался, будто опомнился.— Я, кажется, нарисовал слишком мрачную картину. Есть средство, если хотите, лекарство, которое может вылечить мосты и причалы, автомобили и комбайны, домны, станы — словом, все, что делается из металла. Порошки! Существует много порошков самой разной рецептуры, в зависимости от потребности. Ими покрывается поверхность вышедшего из строя «органа» машины, и он продолжает работать, живет иногда в пять раз дольше. С домами, конечно, хуже. Их не разберешь. Но на будущее застраховать их от ржавчины, коррозии, разрушения мы обязаны. Это наш святой долг. Способ тот же — заранее при монтаже покрыть специальными порошками сварные узлы, сам металл. Надо создавать оборудование, манипуляторы и роботы, способные обрабатывать поверхности тысяч, миллионов деталей. Это один путь. Второй — конструировать композиции из различных металлических порошков, иногда с минералами, создавать новые материалы. Кстати, в нашем НПО получено свыше ста типов порошков, которые выдерживали бы самые неблагоприятные, экстремальные условия: сверхвысокие температуры и нагрузки, химически агрессивные

Тамерлан Сосланбекович Шишханов.

Фото Л. Шерстенникова

среды, облучение, удары, колебания... Это тоже в компетенции порошковой металлургии. Но нельзя,— тут же оговорился он,— считать ее панацеей. Просто это один из способов сохранения того, что имеем.

И МЕЛЬНИКИ И ПЕКАРИ...

На моей ладони серенький, очень мелкий, ну просто пылинки, очень сухой металлический порошок. Я загребаю его из банки, он ускользает, струится меж пальцев, как ртуть. Это и есть чистейший железный порошок. Про такой говорят — суперметалл. В нем содержится 99,96 процента этого элемента.

Александр Михайлович Жбанов, начальник цеха № 7 по производству железных порошков, показывает так называемую конвейерную машину, сделанную в Туле. Тут окатыши, шарики из рудного концентрата, загружают на конвейер этого внушительного агрегата и продувают горячим газом. Ровно гудят горелки. Получается губчатое железо, пригодное для выплавки стали. А если его перемолоть, то «мука» готова.

Жбанов — главный мельник, как я его мысленно назвала, отрабатывал параметры этого технологического процесса. Им посвящена кандидатская диссертация, которую Жбанов защитил, когда еще не был начальником цеха. Конвейерная машина оказалась весьма экономичной и производительной. Капитальные вложения и себестоимость порошка, полученного таким образом, по данным Гипромеза, самые низкие. Преимущество машины и в том, что ее можно сдвоить, строить, увеличить хоть в сто раз.

— А как быть, если нет хорошей руды и концентрата для окатышей?

— В индукционную печь, вот она,— показал он на устройство, напомнившее большую кухонную плиту, сложенную из кирпича,— загружается что угодно: чугун, сталь, лом. Когда расплав сливают, на него направляется из форсунки струя воды или воздуха. Металл распыляется, дробится на мельчайшие частицы — пылинки, оседающие на металлосборнике. Скребок их перемешивает, и порошок готов. Так получают не только железные, но и многие другие порошки: медные, вольфрамовые, молибденовые... Только вместо воды или воздуха — инертные газы. Способ этот самый распространенный, он достаточно механизирован. У печей, как правило, работают женщины, одна обслуживает десять печей.

Познакомилась я и с «пекарями», в распоряжение которых поступает «мука». На втором этаже у пресса-автомата стоял человек и едва успевал принимать детальки. Сверху на матрицу сыпался порошок, и через несколько секунд тоненький диск готов. Я не удержалась и взяла себе на память. Зеркально-гладкий, со сверкающим ободком, точно его полировали много-много часов. Подумать только: за минуту пятьдесят деталей! Никакому токарю не под силу. Да и вообще из этого материала — а это был кремниевый сплав для полупроводникового выпрямителя — эту детальку невозможно было бы выточить. И никаких отходов. Вот в чем непревзойденное преимущество порошковой металлургии. Деталька хрупка, она легко ломается, но «пекарь» в то время, как продолжает работать пресс, загружает горы дисков в печь, стоящую рядом. Вот теперь порошочек спечется намертво. Один прессовщик-спекальщик пятого разряда способен спокойно, без суеты обслужить 3—4 пресса и две печи.

Есть тут и старшие и главные «пекари», которые задают рецептуру порошков, придумывают новые, неизвестные природе материалы, с совершенно неожиданными свойствами.

Вот, например, железо-медный порошок. Он представляет собой механическую смесь мельчайших частиц двух металлов, так называемый псевдосплав. Колокольчик из него был бы глухим, не звенел. Это его качество оказалось незаменимым достоинством в коронке турбобура. Дело в том, что постоянные сотрясения, ударные нагрузки, которым подвергается буровой инструмент при проходке разведочных скважин, очень плохо действуют на алмазы, они крошатся, быстро выходят из строя. А держатель из железо-медного псевдосплава становится своего рода амортизатором, гасит эти колебания. Так новый порошковый материал принес геологии миллионы рублей экономии. Это лишь частный случай применения порошков. А их множество, и с каждым днем становится все больше.

В этом можно убедиться, заглянув в музей собственной продукции НПО. Тут и фильтры для очень тонкой очистки жидкостей; быстрорежущий инструмент, стойкость которого в два-три раза выше, чем у обычного; сплав, из которого делают корпуса часов, а раньше их штамповали из листа; уплотнительные вставки для лопаток паровых турбин, повышающие их кпд, такие уже стоят на турбинах Конаковской и Черепетской ГРЭС; проволока, обладающая «памятью» — способностью возвращать свою первоначальную форму, тоже из порошка; трубочки для измерения температуры стали в мартене; лента из порошкового сплава, если ее припаять к футеровке домны, то это вдвое увеличит ее век... Это значит, миллионы тонн металла дополнительно.

Отдельно лежат детали и узлы крупных машин, агрегатов, печей, возвращенные к жизни. Их «оживили» порошковые материалы.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ И ПРОФИЛАКТИКА

— Перед вами обыкновенная стальная труба. — Николай Григорьевич Филатов, директор опытно-технологического производства по защитным покрытиям, положил ее на стол. — Идет на сооружение причалов, трапов, нефтяных островов на Каспии. Через три, максимум четыре года выйдет из строя. Ее разъест соленая морская вода. А вот такая же труба, но присмотритесь к ней повнимательнее. Заметили, что матовая, шероховатая? Совершенно верно. Ее ведь покрыли слоем порошка, главный компонент которого алюминий. Простояла уже десять лет, и ничего с ней не произошло. Сколько угодно будет стоять.

— Вероятно, трубу окунают в ванну с расплавом порошка,— высказала я предположение.

Филатов улыбнулся, заметил, что происходит это не столь просто, как кажется, однако в этом что-то есть. У них в Туле действуют законы плазмы, лазерного луча, хотя известно много иных способов нанесения покрытий. Все это в цехе № 22.

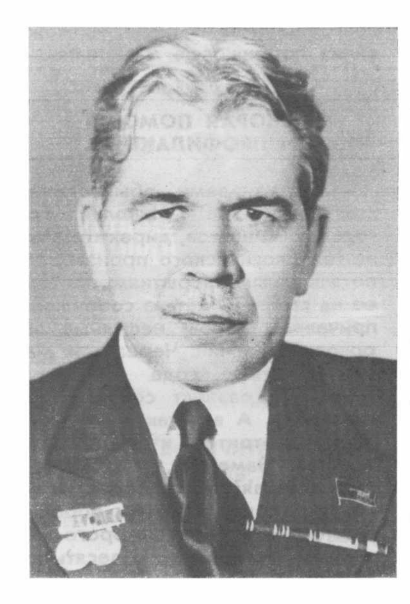
Цех этот так и называется — плазменного напыления и наплавки, он самый молодой, ему нет и четырех лет. Идешь по цеху и читаешь, например, на доске возле плотно притворенной двери: «Опытный участок Института имени Байкова». Что же касается патоновских плазмотронов, то они тут на каждом шагу. Со знаменитым киевским институтом у «Тулачермета» прямая связь. Директор опытного производства не без гордости показывал мне заключение на один из тульских порошков карбидохрома, высоко оцененный академиком Б. Е. Патоном.

Рядом с рабочими, в таких же куртках и касках, стоят научные сотрудники института. Впрочем, и рабочие, особенно если молодые, тут не как везде, — завтрашние инженеры, а может быть, и ученые. Как Николай Цыганков, портрет которого на стенде при входе в цех. Под фотографией крупно: «Лучший молодой рабочий».

А вот и он сам — в наушниках, у залитой голубоватым сиянием камеры-ниши. Колдует, передвигает плазмотрон, будто имеет дело с обыкновенным резцом на суппорте, а не с тугим, слепящим глаза, оглушительно бушующим пламенем. Сквозь темное смотровое стекло видно, как из жгута плазмы, вырывающейся из сопла, сыплются искры на поверхность обрабатываемой детали. Это плунжер насоса, доставленный с далекого грозненского завода. Ему понадобилась скорая помощь. Здесь его основательно «подлечат», упрочнят.

Плунжер оказывается простейшей деталью из тех, которые Цыганков обрабатывал. Долго пришлось возиться металлизаторам, так называется эта профессия, с доменными фурмами, тяжелыми, громоздкими, с криволинейной

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬЕ»

Исполнилось 90 лет со дня рождения Сергея Ивановича Вавилова. Научное наследие его не только не потускнело со временем, но, наоборот, засверкало новыми гранями. В наш быстротекущий век это удел далеко не каждого, даже выдающегося ученого. То же происходит с плодами его деятельности как организатора науки, бывшего последние годы своей жизни президентом Академии наук СССР.

Невольно на ум приходит есенинская строка: «Большое видится на расстоянье».

Сергей Иванович учил личным примером, а не наставлениями. Способ трудный, но наиболее эффективный. Независимо от поста, им занимаемого в тот или иной период времени, все общавшиеся с ним чувствовали его доброжелательное и уважительное отношение. Он охотно делился своими мыслями по поводу самых различных проблем и внимательно выслушивал других. Однако он не терпел пустой болтовни. Большое чувство юмора отражалось зачастую только в выражении его чудесных карих глаз. Помню, однажды, войдя в кабинет Сергея Ивановича, я увидел двух известных ученых, сидевших друг против друга на стульях перед его столом, как два взъерошенных и агрессивно настроенных петуха. Сергей Иванович, со смеющимися глазами, сказал, что мой приход спас его от опасности рассмеяться.

Поражала широта и многогранность его интересов и дел, сочетавшаяся с чрезвычайно основательным подходом к любому вопросу, любой проблеме. Для него не существовало «проклятой» проблемы сочетания узкой специализации, обязательной для плодотворной работы современного ученого, с большой широтой, необходимой для одного из ведущих строителей культуры нашей страны. В его многогранной деятельности чувствовались внутреннее единство и гармония. В блестящих популярных статьях и книгах С. И. Вавилова мы находим оригинальные научные идеи. Особенно много их в книге «Глаз и Солнце». Общественная и государственная деятельность была неотделима у него от чисто научной работы. Будучи замечательным организатором, он всегда учитывал уроки истории науки, которую он глубоко и тонко анализировал в своих работах, посвященных М. В. Ломоносову, Г. Галилею и И. Ньютону.

Облик Сергея Ивановича как ученого лучше всего характеризуется несколько старомодным словом «естествоиспытатель». Для него работа физика-экспериментатора, каким он был, это дружеское, но настойчивое «испытание» природы. Он не был согласен с Гете, провозгласившим знаменитое «природа немеет на пытке» и понимавшим под «пыткой» научный эксперимент.

С. И. Вавилов — основатель современного учения о люминесценции. По его инициативе она нашла важное практическое применение в сотнях миллионов люминесцентных ламп, дающих огромную экономию электроэнергии по сравнению с лампами накаливания.

Ему совместно с академиками П. А. Черенковым, И. М. Франком и И. Е. Таммом принадлежит честь открытия принципиально нового вида свечения. Это открытие в 1958 году было удостоено Нобелевской премии по физике. К сожалению, Сергея Ивановича к тому времени уже не стало, и в число лауреатов он не вошел, однако открытый эффект носит имена и Вавилова и Черенкова. Эффект Черенкова—Вавилова получил самое широкое применение в физике элементарных частиц и космических лучей.

Совместно со своим долголетним сотрудником В. Л. Левшиным Вавилов поставил в 1926 году опыты, в которых был впервые обнаружен новый оптический эффект, принадлежащий к числу так называемых нелинейных. В последние годы нелинейная оптика превратилась в целую область науки. И не случайно всесоюзные конференции по этой науке носят название «вавиловских». Не менее фундаментальное значение имеют опыты С. И. Вавилова по наблюдению статистических колебаний числа частиц света — фотонов.

В книге «Микроструктура света», написанной незадолго до смерти и представляющей как бы научное завещание, подведены итоги работ Сергея Ивановича и намечены некоторые перспективы, частично реализованные в трудах его научной школы.

Еще несколько штрихов, дополняющих портрет Сергея Ивановича. Будучи еще начинающим физиком, он опубликовал две очень интересные статьи об итальянских городах. Постоянным спутником Сергея Ивановича на фронте в первую мировую войну был немецкий оригинал гетевского «Фауста», которого он всю жизнь комментировал. Вспоминается, как Сергей Иванович, выступая на праздновании 2000-летия поэмы Лукреция «О природе вещей», критиковал со знанием дела качество перевода с латинского языка. Сам он уже во время Великой Отечественной войны, выполняя весьма трудные и ответственные обязанности уполномоченного Государственного Комитета Обороны, одновременно завершал перевод с латинского «Лекций по оптике» И. Ньютона. Это был первый перевод «Лекций» на современный язык. В Англии соответствующий перевод был сделан позднее.

Академик Вавилов работал для своей страны, своего народа. Причем народ для него не был неким абстрактным понятием. В речи у памятника А. С. Пушкину он сказал: «Язык Пушкина — это откристаллизовавшаяся народная мудрость, народное остроумие, такт и чувство красоты». Сколько в этих словах уважительной любви к своему народу! Он был одним из инициаторов создания и первым председателем Всесоюзного общества «Знание», рассматривая работу этого общества как своеобразный отчет ученых перед народом.

В. ФАБРИКАНТ,
академик Академии педагогических наук, лауреат золотой медали имени С. И. Вавилова Академии наук СССР и бронзовой медали имени С. И. Вавилова Всесоюзного общества «Знание»

поверхностью. Не имели опыта, неважные были горелки, не те, что сейчас, порошки. Первую фурму обрабатывали несколько смен, теперь нужен всего один час. Особо ответственные покрытия упрочняет лазерная установка. Операторы и инженеры, ее обслуживающие, стажировались в Институте имени Курчатова...

— Интересная работа,— говорит Цыганков,— надо самому шевелить мозгами. Каждый раз что-то новое. Что только и откуда нам не везут!

Мы стояли с Николаем у карты, густо помеченной знаками. Вон как далеко — до Бекабада, Читы и Мирного, до Никополя и Хмельницкого — протянулись связи тульских порошковиков! Угол цеха заставлен реставрированной, спасенной, вылеченной от коррозии, механического износа, забронированной от высоких температур продукцией. Действительно, чего тут только нет! По этим деталям и узлам можно изучать структуру нашей промышленности. А работы с каждым днем прибавляется, и уже строится специальный склад для готовой продукции.

И все больше работы у совсем молодого, ему еще нет и года, конструкторского отдела производства по защитным покрытиям.

— То, что вы видели в цехе,— начало, первые шаги. Наша задача — не столько лечение, сколько профилактика,— говорит главный конструктор производства Борис Александрович Субботин. — Нужны не отдельные плазмотроны и установки, а поточные и автоматические линии с роботами и манипуляторами для нанесения покрытий в массовом производстве деталей и узлов. Уже закончена работа по фурмам, передается в производство. На очереди линия по нанесению жаростойких покрытий на трубы котлов электростанций. Это очень важная проблема. Энергетики нас уже подгоняют. Автомобилестроители требуют поскорее передать опыт и документацию для деталей автомобиля. Кировский завод наседает со своим «К-700». А недавно звонили от президента Академии наук СССР: стоят текстильные машины в Иванове и Новосибирске. Надо заняться нитеводами, петлями и другими деталями текстильных машин. Не дают покоя минчане. В БССР создан опорный пункт по нанесению покрытий на металлические конструкции при Межколхозстрое...

Над столом Субботина таблица хоздоговорных работ на ближайшие два года. Адреса громкие: Магнитка, Воскресенский химкомбинат, Московский трубный...

— Много ли коллег по научному поиску? — переспрашивает Субботин.— Сто тридцать академических и отраслевых институтов. А вы знаете,— говорит он, уже прощаясь,— ведь красить дома дороже, чем покрывать кирпич алюминиевым или каким-либо другим металлическим порошком. Это же будет несмываемая краска!

...Издавна славилась Тула добрым русским оружием, ароматными рассыпчатыми пряниками, традиционными, непременными атрибутами хлебосольства—самоварами. Теперь из Тулы отправляются по всей стране отменные порошки... Из металла, ради металла.

Смуглолицый мальчуган стоит по колено в воде. Взгляд его строг и печален. Грусть и разочарование написаны на лице. Наверное, отец вернулся с моря с пустыми сетями, и опять в доме будет нечего есть. На небе ни облачка, вокруг много солнца и света. Вода насквозь прозрачна, и до мельчайших подробностей просматривается дно. «Прозрачность»...

Этот кадр из жизни подсмотрел поэт Евгений Евтушенко, фотовернисажи которого прошли в последнее время во многих городах страны. Экспозиция его работ состоялась в Лондоне, а в мае с фотографиями известного поэта познакомятся москвичи.

Первое профессиональное задание как фоторепортер он получил в журнале «Огонек», уезжая в Японию и на Филиппины. Именно оттуда привез «Прозрачность», один из любимых своих снимков. С тех пор фотоаппарат — постоянный спутник Е. Евтушенко.

Старинный Дворец истории Латвии стал свидетелем заметного события в культурной жизни республики. Его стены как бы раздвинулись и вобрали в себя весь мир: древний Рим и заповедные уголки сибирской станции Зима, тесноту токийских кварталов и лица ораторов лондонского Гайд-парка, усталые глаза японских жемчужниц, портреты писателей — здесь и Кобо Абэ и Евгений Винокуров. Вся человеческая жизнь вместилась в двести отпечатков, сделанных человеком с острым глазом и неравнодушным сердцем.

...Красная площадь, праздник Победы. Седая величественная женщина. Она была фронтовой летчицей. В фигуре и облике что-то могучее, царственное. А в кадре метафорически увидены все русские женщины, наравне с мужчинами вынесшие на своих плечах тяжесть Великой Отечественной войны.

Внимательно вглядываясь в экспозицию, слежу за реакцией публики. Отношение к выставке различно, она вызывает споры. Но чувствуешь главное: здесь нет равнодушных, ибо снимки сделаны талантливо, репортерски. Перехожу от стенда к стенду: «Зубы динозавра», «Весло», «Самаркандский сюжет», «Линия гривы», «Башни Сванетии»...

Вот фотография «Розы и сигара» (она воспроизводится на цветной вкладке сегодняшнего номера «Огонька»). Изможденное лицо японской торговки, уличная толчея. Мимо идут покупатели, их много, но роскошный букет все еще в руках старой женщины, готовой дешево отдать цветы. Сколько ей предстоит ждать? Фотография трогает нелегкой судьбой человека.

— Кроме всего прочего,— рассказывает Евгений Александрович,— фотоаппарат — надежный товарищ, который в момент твоего собственного одиночества всегда поможет преодолеть чувство некоммуникабельности, впустив в себя тысячи лиц, красоту полей и облаков. Человек с объективом не одинок, если его объектив не равнодушен. Тогда фотоаппарат отражает душу человека, а его фотоискусство свидетельствует о красоте и страданиях мира...

Хожу по необычной выставке, разместившейся во Дворце истории Латвии, и думаю о том, что в каждом из нас заложены самые разнообразные возможности проявления личности. Надо только решиться однажды распечатать одну из тех семи печатей, за которыми скрыты дарования. Только вот как решиться на это, если подчас поразительно не хватает времени на главное, основное дело жизни?

Евгений Александрович считает, что каждый, если захочет, может выявлять свои творческие возможности за счет «расширения» времени, отпущенного на жизнь, точнее — за счет его уплотнения. Как это ему самому удалось, могут судить читатели, впервые знакомящиеся сегодня с фотомузой известного поэта.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Рига — Москва.

Прозрачность. (Малайзия.) ▶

Фото Е. ЕВТУШЕНКО

Петр ПРОСКУРИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. Пинкисевича

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ

С тем же чувством глубокого внутреннего покоя, приходящего в душу лишь в случае полного, безоговорочного счастья, она заранее попросила свою старую приятельницу заменить ее на занятиях в среду. Нужно было успеть отдохнуть и подготовиться к концерту; ей нужно было и хотелось быть красивой. Она выбрала свое лучшее темно-вишневое тонкого бархата платье с закрытым воротом; две бриллиантовые капли в ушах подчеркивали строгую изысканность линий фигуры, начинавшей уже чуть-чуть полнеть. Александр Евгеньевич был занят, и она приехала к консерватории одна; она обрадовалась нарядной толпе у входа, заинтересованно отметив, что многие пришли с цветами, и Тамаре Иннокентьевне постепенно вспомнилось приятное ощущение праздничной приподнятости и своей сопричастности к предстоящему событию, приятно было ощущать на себе пристальные, просто любопытные и восхищенные взгляды; последнее время их с Александром Евгеньевичем часто видели вместе, и общественное мнение уже прочно связало их имена; на концерт пришло много общих знакомых, ей то и дело приходилось раскланиваться; заранее поздравляли с успехом, обменивались дежурными, расхожими любезностями и похвалами в адрес таланта Александра Евгеньевича и ее внешности, как это водится в подобных случаях. Она едва отвязалась от невесть откуда взявшегося Демьяна Андреевича Солоницына — популярного песенника, к тому же еще и поэта. Солоницын был преданным сторонником Сани в его делах, и поэтому они сближались все больше; часто, обсуждая предстоящие дела, они любили спокойно посидеть за чашкой кофе или бутылкой вина, но Солоницын обладал удивительным и редким качеством. Он всегда умел остаться где-то на втором плане, он был незаметен, тогда как Саня главенствовал, был старшим, в присутствии Солоницына Саня казался всегда более талантливым, значительным, чем на самом деле, Тамара Иннокентьевна была убеждена в том, что Солоницын своим поклонением портит Саню, но ничего не могла поделать с его влиянием; податливый во всех других случаях, Саня становился ужасно грубым и нетерпимым, как только она упоминала о Солоницыне, он начинал кричать, ругаться, выходить из себя. Тамара Иннокентьевна в конце концов научилась переносить присутствие Солоницына и раз и навсегда не принимать его всерьез. Вот и теперь она с ничего не выражающей, остраненной улыбкой повернула к нему голову и приготовилась слушать; улыбка ее относилась не к Солоницыну, а скорее к необходимости ей слушать, а ему говорить слова, в которые оба не верили, но принуждали себя слушать и говорить. Густо-красная, почти черная роза в суховатых руках Солоницына только подчеркивала это несоответствие, и, почувствовав взаимную неловкость, Солоницын поспешил отдать розу Тамаре Иннокентьевне.

— Вам, Тамара Иннокентьевна,— сказал Солоницын с легким полупоклоном, в котором, однако, проступало неоскорбительное лукавство, как бы указывающее на то, что он отлично все чувствует и понимает, знает также и о ее отношении к нему, но ничего сделать не может, и что она со временем поймет свою ошибку и переменит свое мнение о нем.

Тамара Иннокентьевна взяла розу, молча поблагодарила; глаза ее и в самом деле потеплели.

— Если вы не возражаете, я к вам в ложу пристроюсь,— сказал Солоницын,— мне место там указано... но если...

— Что вы, Демьян Андреевич. — Тамара Иннокентьевна невольно засмотрелась в его широкое, выражавшее сейчас предельное благодушие лицо и опять не удержалась от улыбки.— Конечно, садитесь, конечно, буду рада...

— Сегодня все недруги Александра Евгеньевича будут повержены к ногам его дарования,— не стесняясь, громко сказал Солоницын, пытаясь вызвать ее на разговор; Тамара Иннокентьевна не стала ему отвечать, сделала вид, что заинтересовалась кем-то в зале. Она хорошо знала цену этим любезностям и похвалам; все дело в высоком положении Сани, а следовательно, в зависимости от него по многим и многим вопросам многих людей, и, когда прозвенел первый звонок, Тамара Иннокентьевна с облегчением оставила гудящее фойе и с напряженным, не допускавшим ничего постороннего в свой мир взглядом прошла в ложу. Она любила именно эти недолгие минуты перед началом: настраивался оркестр, публика неторопливо рассаживалась, люди сбрасывали с себя груз дневных, мелких, житейских забот и готовились приобщиться к высокому и прекрасному. Тамара Иннокентьевна любила наблюдать за людьми в эти недолгие затаенные минуты, за их размягченными лицами, заранее настроенными на сосредоточенность и внутреннюю тишину. Вот идет девочка с огромными распахнутыми глазами, рядом с ней тоже несколько непривычное в своей сосредоточенности юношеское лицо; мальчишеская, изо всех сил сдерживаемая улыбка счастья; а вот знакомый, музыковед Парьев, живой, как ртуть, с вечной озабоченностью в лице, быстрыми движениями и невнятной речью. Тамара Иннокентьевна не знала, какой он критик, хороший или плохой, но что его присутствием всегда определялась степень значимости концерта или любого другого события, было известно всей музыкальной Москве. Наблюдая со стороны взвинченное оживление Парьева, обладавшего почти женской способностью самовозбуждаться, словно весталка, и особенно проявлявшего это свое качество в присутствии рядом нужного и важного человека, Тамара Иннокентьевна постаралась, сколько могла, притушить собственную раздерганность и успокоить лицо; она тоже готовилась к должному свершиться таинству. С наслаждением вслушиваясь в узнаваемый звук настраиваемых инструментов, возвращавший ее в далекие годы юности, в годы недолгой, шумной славы Глеба, она загоревшейся кожей лица и шеи чувствовала на себе пристальные взгляды оркестрантов, в директорской ложе было просто некуда деться от этого липкого въедливого интереса к ее особе — люди оставались людьми. Каким-то непостижимым образом у нее за спиной почти тотчас оказался Солоницын; он словно прошел сквозь стену: не было его — и есть. Тамара Иннокентьевна этой его поразительной особенности боялась и, ощутив у себя за спиной его присутствие, с трудом заставила себя не думать о нем. Солоницын, словно почувствовав ее состояние, сидел спокойно, отдыхая после утомительной работы в фойе, где пришлось рассчитывать каждое движение и слово. Он подумал, что стал подозрительно быстро уставать, что, очевидно, пора на два-три месяца исчезнуть из Москвы. Он старался не смотреть на тяжелый узел волос, на высокую и чистую шею Тамары Иннокентьевны, чтобы не будить в себе застарелое неприязненное чувство к этой женщине, неизвестно за что его презиравшей и даже ненавидевшей. Он никогда не позволял себе обижаться, тем более высказывать каким-либо образом свою обиду, это было ему не по карману, а следовательно, не существовало для него, но вот сейчас он не узнавал себя, проснулось что-то мальчишеское, ненужное, и он никак не мог с этим сладить. «Тоже мне, строит из себя первозданный кристалл, непорочная дева да и только, из подмышки рожать думает, без зачатия,— раздраженно и грубо думал он, в то же время ничего не выпуская из виду и сохраняя на лице любезное выражение.— Что же ее Санечка, не знает что ли она, по каким гекатомбам он бодро шагает вверх? Что за непостижимое ханжество, какое уважение к своей особе! Посмотрел бы, смогла бы она сохранить вот такое царственное спокойствие, не будь рядом с ее наполеончиком таких вот, как я, незаметных, сереньких, не замечающих оскорблений и все прощающих, ведь ее-то наполеончик только на таких и держится; такие, как он, всегда были, есть и должны быть. Мы ему делаем славу, мы его подножие, а он нас соответственно подкармливает, бросает нам время от времени кусок, другой! Мы сила, потому что мы умеем организоваться, подчиняться, мы умеем постоять друг за друга, а все те, мыслящие себя гениями, вроде Горского, надеются лишь на божью искру, один другого, как черта, сторонятся. Фу-у-у, и нету такой искры: сколько их уже погасло, достаточно кое-кому подуть или вовремя не подбросить самого примитивного горючего: дровишек там или солярочки... Хе-хе-хе!»— с удовольствием мысленно потер руки Солоницын, ощущая свое могущество в единении с тем же Александром Евгеньевичем и восхищаясь именно неизвестно откуда взявшимся ласковым словом «солярочки».

Тут появился ловкий, с широкой лысиной знаменитый дирижер Лолий Вайксберг, снискавший себе славу не без деятельного участия и покровительства Александра Евгеньевича, и это тоже было сделано не без дальнего прицела — последние годы Лолий Вайксберг широко пропагандировал музыку Александра Евгеньевича в своих частых поездках и гастролях за границей...

Солоницын стал смотреть, как прославленный дирижер незряче и привычно поклонился в зал, выпрямился, повернулся, напружинил жирный затылок и демонически вознес руки над ждущим оркестром. Программу Солоницын знал наизусть, он сам составлял ее по указаниям Александра Евгеньевича, и поэтому мог себе позволить сейчас как бы отключиться от концерта, сплошь составленного из произведений Александра Евгеньевича, отрывков из его патриотической оперы «Высокое небо», получившей самую лестную оценку на самых высших уровнях, музыки из кинофильма «Великий путь»; сюда Александр Евгеньевич умело пустил в дело отходы от оперы,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—13.

◀ Весло и простор. (Сибирь, Вилюй.) * В гримерной клоуна. (Москва.) * Линия гривы. (Австралия.)

затем шло несколько народных песен в обработке Александра Евгеньевича и его же романсы на стихи современных поэтов. Одним словом, Солоницын мог позволить себе заниматься все тем же блестящим анализом; он довел до логического конца мысль о полной своей правоте и на примере Тамары Иннокентьевны пришел к неопровержимому выводу, что сейчас люди их круга живут как бы в двух главных измерениях. В одном приходится приспосабливаться, многого не замечать, со многим соглашаться, оправдывая это все тем же старым утверждением, что такова жизнь и против нее не попрешь; в другом же горизонте совсем иной тон, необъяснимая мораль некоей разграничительной линии в одном и том же вопросе. То, что допустимо по одну сторону этой линии, по другую встречает удивление и даже негодование, вот он сам, Солоницын, сколько угодно может прислуживать, подличать во имя того же Александра Евгеньевича, но это лишь по одну, определенную сторону черты... Стоит же ему ступить на неположенную половину, и ему тут же дадут понять, что он переборщил, что от него дурно пахнет; что каждый должен знать свое место, и все это будет оправдано сложностью, даже диалектичностью жизни. А вся мораль здесь на ладони и выражается двумя словами — делают одно, а говорят другое и, очевидно, для этого в мире есть свои причины.

За подобными рассуждениями Солоницын совершенно забыл проследить, как раньше хотел, за Тамарой Иннокентьевной, за ее восприятием концерта, а когда вспомнил об этом, было уже поздно. Первая часть закончилась, прогремели аплодисменты (Солоницын не без тайного удовлетворения отметил, что особого энтузиазма слушатели не проявили), дирижеру принесли огромный букет алых роз. Начался антракт.

Тамара Иннокентьевна, задумчиво улыбаясь, занятая какими-то своими мыслями, вышла из ложи; Солоницын не стал ей навязываться, но, скользнув вслед за ней в фойе, некоторое время продолжал думать о ней. Впрочем, и для Тамары Иннокентьевны ничего нового или неожиданного не было, все, что исполнялось, она знала, исполнение могло быть лучше или хуже, но существенно перемениться ничего не могло. Это был Саня, это была его музыка, ничего другого никто, и тем более она сама, ожидать, а тем более требовать не могли. Нужно было прогнать чувство неловкости и растерянности, пришедшее к ней вроде бы ни с того, ни с сего, ниоткуда.

Она пожалела, что не пригласила кого-нибудь из подруг,— все сложности отступили бы, растаяли, а то ведь обязательно кто-нибудь привяжется со своими фальшивыми восторгами и будет совсем неловко. Саню же видеть тоже сейчас ни к чему; биологически он удивительно чуткий, сразу поймет, что она далеко не в восторге...

Едва она успела пожалеть о своей неосмотрительности, перед ней оказался Парьев, сказал какую-то плоскую любезность, сощурил умные, плутовские, все понимающие глаза, взял ее руку, осторожно поцеловал.

— Хорошо, хорошо, я давно хочу познакомить с вами свою жену, что-то все никак не складывается. У нее сегодня защита... Хорошо, очень хорошо!— сказал он почему-то значительным шепотом и осторожно исчез. К чему относились его слова, к Сане ли, к ней самой, Тамара Иннокентьевна не поняла; Парьев, вероятно, просто еще раз напомнил о себе, о своем присутствии на концерте. Тамара Иннокентьевна направилась к широкой мраморной лестнице с намерением выйти на улицу и побыть под темными деревьями в одиночестве, но тут же почувствовала на себе чей-то взгляд; она даже вздрогнула, но заставила себя идти прямо и не оглядываться. Она знала, что человек, неотступно следивший за нею, пошел следом. Тамара Иннокентьевна хотела обернуться и как следует отчитать наглеца, но вместо этого лишь прибавила шаг и, оказавшись в знакомом скверике перед консерваторией, облегченно вздохнула; выбирая затененные места, она медленно прохаживалась, наслаждаясь привычным слитным шумом города, одиночеством, какой-то внезапно охватившей душу легкой грустью. Ей больше не хотелось никаких перемен, то, что дано судьбой, ее вполне устраивает, большего ей и не надо, хотя в юности, в молодости, когда рядом был Глеб, все это представлялось иначе, как-то больше, возвышеннее, грознее. Но что не грезится в юности, уж такая крылатая пора, затем все получается иначе, начинаются неизбежные потери, душевная усталость, приходится мириться со многим, нужно держать себя в руках. Что же, Саня есть Саня, это не Глеб, и при всем желании и изворотливости он не может подняться до него, но он же в этом не волен, а значит, не виноват. Столько ему отпущено от бога, не всем же быть высокими творцами, он хороший человек, любит ее, что же еще надо? Мужчины вообще честолюбивы, со своим тайным дном: на этого противного Солоницына нечего особенно сердиться. Везде своя борьба, а она всего лишь женщина — не ей переделывать мир! Смешно... Стать на площади и проповедовать? А какое у нее право учить? Что она знает?

Совершенно теперь успокоившись, Тамара Иннокентьевна озабоченно подумала о предстоящем после концерта банкете и нашла просчеты в своем туалете. Нужно было одеться построже, здесь к месту был бы ее зеленый костюм без всяких украшений, но теперь уж ничего не поделаешь.

Кто-то стремительно шагнул и стал перед нею; она вздрогнула, невольно оглядываясь, как бы собираясь позвать на помощь, но тут же, различив знакомые черты лица, облегченно перевела дыхание. Меньше всего она хотела встретиться в этот вечер именно с ним, с Димой Горским, всегдашним соперником Глеба, в последнее время что-то замолчавшим,— те же странные, словно раз-навсегда изумленные жизнью глаза, то же длинное, асимметричное лицо, тот же знакомый отсвет доброй улыбки на губах — и в то же время что-то новое, страдающее, какое-то отсутствующее выражение на этом знакомом, дорогом и оттого желанном сейчас лице, заставили сжаться сердце. Тамара Иннокентьевна почувствовала легкий запах вина и сдержала неожиданный порыв, — она готова была обнять, расцеловать этого человека за то, что он есть, что он был как бы вестником Глеба, тех, грозных и прекрасных раз и навсегда отшумевших лет.

— Здравствуй, Дима... Оказывается, это ты меня преследуешь,— она протянула руку, еще и еще раз жадно окидывая его взглядом и отмечая про себя сизые, нездоровые мешки под глазами.— Вот никак не думала, что ты придешь на концерт Сани...

— Слишком много о нем говорили... любопытно,— ответил Горский.— Прости, Тома, если я допустил бестактность. Мне просто хотелось увидеть тебя.

— Что ты, Дима!— горячо возразила она.— Я понимаю, сложно все в жизни, но ведь что делать... Так уж получилось.

— Я ни в чем тебя не виню, Тома.

— Ты все такой же... Ничего не умеешь скрыть,— с еле уловимой горечью вслух подумала Тамара Иннокентьевна. Близко и как-то до неловкости доверительно поглядев ей в глаза, он не стал возражать; в свое время, когда она еще была тоненькой девушкой, он любил смотреть на нее; она была божественно красива, и у него даже в мыслях не могло возникнуть нечто плотское, грубое. Он хорошо знал, что это не было любовью и она являлась для него просто существом из иного, сказочного мира, и он ей посвятил свою самую любимую сюиту и скрипичный концерт. Он наслаждался, что он один знал об этом, и теперь, неожиданно вспомнив те давно минувшие времена, мысленно улыбнулся своей наивности; Тамара Иннокентьевна видела, как вздрогнули, напряглись его густые, торчавшие в разные стороны брови. Она обрадовалась этой незабытой его особенности.

— Расскажи о себе, Дима, что нового у тебя,— попросила она, беря его под руку и отводя подальше в сторону в густую тень, ей показалось, что где-то неподалеку мелькнуло широкое лицо Солоницына.

— Во сне сегодня тебя видел,— растерянно улыбнулся Горский, не замечая ее маленькой хитрости.— Неожиданно... давно ведь и не встречались, и не думал. Ты изумительно пела... Какая-то белая-белая гора, солнце... ветерок, а я боюсь шевельнуться... Как же ты пела, Тома... не сон, а праздник. Я сегодня весь день под очарованием этого сна! Спасибо, Тома... Я пришел тебя увидеть...

— Спасибо,— с трудом шевельнула она губами.— Я понимаю, Дима... Но я знаю, ты не за этим пришел.

— Подожди, подожди,— поспешно сказал Горский, опять близко заглядывая ей в глаза, и опять она уловила запах чужой, посторонней жизни — горечь вина, табака. Появилась какая-то обида, что эта настоящая, терпкая, в муках жизнь проносится мимо.

— Ох, Дима, Дима,— сказала Тамара Иннокентьевна все с той же горечью в душе, начинавшей перерастать в досаду.— Вот от тебя не ждала жалости.

— Тома, Тома, что ты это напридумала?— совсем смешался Горский, но глаза его выдали — вдруг заблестели, засияли.

— Вот, вот!— торжествующе обрадовалась Тамара Иннокентьевна.— Вот теперь ты настоящий, Дима! Хотел надуть... и кого? Меня! И не стыдно, до чего же люди переменились, даже самые лучшие...

— Преувеличиваешь, как всегда,— со сложным чувством досады и восхищения попытался несколько притушить неожиданную остроту Горский; ему сейчас достаточно было видеть ее и быть рядом.— А у меня сейчас доброе, доброе настроение, сам себе не верю. А что мы друг другу не все говорим, это же в порядке вещей, иначе невозможно было бы никакое общение. Ты же умная женщина.

— Умная еще не значит счастливая,— в Тамару Иннокентьевну словно вселился неведомый бес.— Но ты ведь пришел посмотреть на меня и определить, что же произошло со мной. Откуда у вас у всех право судить? Кто вам его дал?

— Тома, Тома...

— Нет, выслушай!

— Да мне уже достаточно! Не мучай ты себя, ты же не виновата, так уж сложилась жизнь...

— Вот, вот! Не мучай! Не виновата! Вот теперь, Дима, ты прежний, тот, которого я раньше знала, и который всегда был мне дорог.— Тамара Иннокентьевна с холодным ужасом чувствовала, что ее словно подхватила и безостановочно несет черная волна; она приказывала себе остановиться и не могла и, когда увидела жестко напрягшиеся складки на лице Горского, резко и зло обозначившие сжатые, слегка кривящиеся губы, ей стало легче. Когда-нибудь это должно было произойти, такова плата и такова мера за прошлое.

— Знаешь, Тома, ты все равно останешься для меня прежней,— тихо сказал Горский.— Так оно и будет, я ведь тебя когда опять увижу... А то и совсем не увижу... Вот если бог даст, я напишу твою душу, вероятно, это поможет мне... еще раз подняться... Слышишь, я заставлю звучать твою душу!

— Я же другая, Дима! Я совсем переменилась!— забывшись, с ненавистью почти закричала Тамара Иннокентьевна.— Я просто женщина, я жить хочу. Почему же вы все так безжалостны? Только потому, что был Глеб и была война? У многих все это тоже было... Все ведь живут...

— Прости, я не хотел сделать тебе больно,— Горский теперь смотрел на нее как бы издалека и думал о чем-то своем.— Ты же сама виновата, что ты на меня-то накинулась? Если я даже показался тебе призраком из прошлого... нет, виноват... такие, как я, остались где-то за роковой чертой, не смогли ее переступить. Что же на нас сердиться?

— Если бы вы только не винили в своих бедах других...

— Тебя? Саню?— быстро спросил Горский.— Ты это хочешь сказать?

— За что вы его так ненавидите?— глухо пожаловалась Тамара Иннокентьевна.— Господи, отчего люди так жестоки? Он ведь ни у кого не отнял, делает, что может и как может... Не смей на меня так смотреть, Дима!— слегка повысила она голос, но Горский, начиная подпадать под ее настроение, отвернувшись, покусывая губы, молчал. Он жалел ее, и ему не хотелось говорить ей грубых, унижающих слов; он видел, что для себя она уже давно все оправдала, но теперь ей хотелось, чтобы он, он, именно он (он улыбнулся), давний друг и соперник Глеба, всегда слывший прямым, бескомпромиссным человеком,

чтобы именно он подтвердил ее правоту и еще больше укрепил ее в этой мысли. Пытаясь пробудить в себе давнее, светлое чувство в отношении Тамары Иннокентьевны, он с какой-то мучительной настороженностью попытался прислушаться к себе; ну что же, подумал он, все меняется, переменилась и она. Почему я должен был ожидать другого? В молодости многие талантливы, это особая пора, а вот начинается повседневность, и многое меняется. Проступает и утверждается истинная суть человека. Что же на нее сердиться? Если ей хорошо и удобно рядом с Саней, кто же имеет право мешать? Зачем?

Все, вероятно, кончилось бы миром, сдержись Тамара Иннокентьевна и переведи разговор на другое. Но она чувствовала, что, если она сейчас уступит, пошатнется и рассыплется прахом весь ее с таким трудом созданный порядок, в душе у нее все сломается. Сейчас в лице этого, когда-то талантливого, одаренного молодого человека, а сейчас, по всему видно, разочаровавшегося, пьющего, в ее душу опять постучалось прошлое. Саня прав, нельзя ни на минуту поддаваться слабости.

— Вот видишь, Дима,— сухо усмехнулась Тамара Иннокентьевна,— по существу, сказать и нечего. Так уж устроена жизнь, один состоялся, другой нет... вот и завидуют успеху Сани, ненавидят за это...

— Ты имеешь в виду меня?

— Все люди одинаковы, Дима,— все так же сухо ответила она, выбирая момент попрощаться и поскорее уйти, но ее поразил и удержал его смех, какой-то захлебывающийся, больной — она никогда раньше не слышала, чтобы так смеялись. Горский хохотал, время от времени с каким-то неприятным фырканьем, с трудом произносимым в перерывах хохота на разные лады одним-единственным словом «ненависть»; глаза его, попадая в свет фонаря, влажно и дико поблескивали.

— Кажется, ничего смешного я не сказала,— неприятно удивилась Тамара Иннокентьевна.

— Ненависть? К твоему Сане? Зависть? Нет, Тома, нет.— Как бы в один момент стряхивая с себя нервный неестественный смех, Горский стал подтянутее, суше; Тамара Иннокентьевна почему-то испугалась этой перемены в нем, внутренне вся сжалась, похолодела.

— Я пойду, пойду, Дима,— заторопилась она, но Горский не пустил, схватил ее за плечо и повернул к себе.

— Не торопись, я скажу всего несколько слов, Тома. Мне жаль, но твой Саня всего лишь удобная посредственность. Всему миру удобная! Таков миропорядок! У него никогда не прорвется святой бунт страждущего духа, ни одно сердце он никогда не заставит вздрогнуть от сладкой тоски исчезновения. От его бескрылой музыки никто не захочет броситься сломя голову в огонь! Никогда бы не поверил, что ты когда-нибудь станешь защитницей посредственности! И тебе не стыдно! Ты была рядом с Глебом — рядом с вулканом, с очистительной грозой, и вот тебе — Саня! Разумеется, какая теплая сырость, как сытно!

— Молчи, молчи, ты пьян!— попыталась остановить его Тамара Иннокентьевна.— Замолчи, ради бога... Как ты можешь, ведь Саня говорит о тебе только хорошо, он так высоко отзывается о твоем таланте... Я всегда радовалась...

— Ты еще больше порадуешься, если спросишь Саню, почему я вот уже третий год не могу получить ни одного концерта, не могу записать пластинки, а в издательстве вот уже третий год без движения лежит мой сборник. И почему у самого Сани всю его серятину выхватывают, не дожидаясь, пока просохнут чернила? Знаешь, Тома, мне думается, что твой Саня одержим новой разновидностью гуманизма, знаешь, как его характеризует между собой наша братия?

— Как же?

— Постно-справедливый Саня Воробьев. Правда, здорово?

— Боже мой, какой ты стал злой, Дима!— прошептала Тамара Иннокентьевна, не прощаясь, резко повернулась и пошла.

Горский посмотрел ей вслед, воздел руки то ли к небу, то ли к приглашающему москвичей в волшебный мир музыки Чайковскому.

— Благослови заблудших, возврати их на путь праведный!— пробормотал он, не обращая никакого внимания на изумленно отшатнувшуюся от него длинноволосую девицу, проходившую в этот момент мимо.

IV

Пропустив последний звонок, Тамара Иннокентьевна едва успела занять свое место в ложе; вместе со вспыхнувшими аплодисментами она увидела Саню с бледным красивым лицом, стремительно пробиравшегося между пюпитрами к дирижерскому пульту. Он поклонился залу, и, слегка повернувшись в сторону ложи, сразу нашел глазами Тамару Иннокентьевну, словно испрашивая благословения. Бледная, еще не пришедшая в себя после неожиданного разговора, Тамара Иннокентьевна все же ответила улыбкой, и вся его высокая, резко очерченная фраком фигура, слегка начинавшая полнеть, стала законченнее и резче. Саня умел и любил дирижировать, у него была исключительная память, он часто дирижировал наизусть; с двух, трех репетиций он безошибочно исполнял любое трудное произведение. Сегодня, как и всегда, впрочем, во время авторских концертов, вся атмосфера зала была наэлектризована нетерпеливым ожиданием успеха или неуспеха, и это теперь не зависело ни от положения, ни от протекций, а зависело только от таланта.

Внутренне подобравшись, Тамара Иннокентьевна ждала начала; она не выносила дисонирующей музыки, она вызывала у нее ощущение физической боли, хаоса, распада; мир и без того был страшен, жесток и разъят. В музыке она искала утешения и надежды и была твердо убеждена, что музыка без гармонии не нужна; не боясь показаться старомодной, Тамара Иннокентьевна находила в музыке то, что искала, и ни за какие новации не собиралась расставаться с мелодией.

Начало ей показалось резким и разочаровало, она отодвинулась в глубь ложи и, полузатененная бархатной портьерой, напряженно ждала продолжения. Понемногу в разлаженном, разбегающемся хаосе разъедающих, враждующих, наталкивающихся друг на друга звуков стало восстанавливаться равновесие; время от времени все настойчивее вступала партия скрипок и легкой волной смывала с души тревогу и усталость. «Ничего,— говорили скрипки,— еще будет радость, еще не все потеряно, и это пройдет, ты узнаешь радость, потерпи». Тамара Иннокентьевна не узнавала Александра Евгеньевича; его руки, обычно изнеженные, вялые, сейчас царили над оркестром, над залом. Она не ошиблась, что поверила, и вот награда, от неожиданности тем более дорогая,— как она могла хоть на миг усомниться... Дима Горский хороший, добрый, талантливый, ему не хватило немного везения, вот он и стал скептиком. Не надо на него обижаться.

Глубже погружаясь во что-то привычное, необходимое ей, к чему все больше прирастала душа, Тамара Иннокентьевна попыталась вспомнить, когда же, где, где? Она точно знала, что такое ощущение бесконечности, продленности своего «я» она уже испытывала однажды, когда вот также все исчезло в сумасшедшем стремительном потоке, подхватившем и понесшем ее в знакомые родные дали... Каким-то подсознательным судорожным усилием пытаясь остановить этот неудержимый поток, стараясь оборвать его, она едва удержала готовый вырваться крик — случилось невозможное, она узнала тяжелую лобастую голову Глеба, резкий, юношеский профиль его лица, его характерные движения, даже его характерную манеру напевать сквозь сомкнутые зубы во время исполнения его вещей с оркестром.

Тамара Иннокентьевна боялась шевельнуться, чтобы не спугнуть мгновение, и в то же время не находила в себе сил прекратить эту муку. Теперь она знала, что испытывает человек, умирая; она сама была сейчас где-то именно на этой грани, сердце остановилось, оркестр отдалился, глухая пелена затянула все перед глазами, внезапно ее накрыла с головой непроницаемая оглушительная тишина.

Продолжение следует.

«Ленин», «Арктика», «Сибирь» — имена этих атомоходов, построенных ленинградцами, стали символом научно-технического прогресса, грандиозных успехов нашей страны в развитии отдаленных северных районов. Главным заказом одиннадцатой пятилетки для корабелов Балтийского завода имени С. Орджоникидзе будет новый корабль этой серии — атомоход «Россия».

«РОССИЯ» НА СТАПЕЛЕ

...Кажется, это было совсем недавно: в тумане Финского залива растаял золотой купол Исаакия, остались позади уютные огоньки Кронштадта и со скоростью в 21 узел «Сибирь» устремилась в осеннюю штормовую Балтику. Почти две недели изматывающая качка, снежные заряды и ливни испытывали новый советский атомоход. А потом мы пришли в порт, и всех находившихся на борту журналистов пригласили на последнюю пресс-конференцию. Только что был подписан акт, подтверждавший успешное завершение испытаний, и капитан В. К. Кочетков от имени экипажа выразил свою благодарность ученым, инженерам, рабочим — всем, кто принимал участие в создании удивительного полярного богатыря. «Особо хочу отметить,— подчеркнул он,— перспективность конструкции корабля. Вслед за «Арктикой», успешно выдержавшей самые суровые единоборства со льдами, он подтвердил смелость и верность технических идей, решений, на годы вперед определивших основные принципы создания нового поколения советских атомоходов. А значит, недалек тот день, когда будет заложен очередной корабль этой серии...»

И вот этот день настал. Выдался он холодным и ветреным, но стал по-настоящему праздничным. И для судостроителей-балтийцев и для всех ленинградцев, в социалистических обязательствах которых на первый год новой пятилетки есть строка: «...заложить на стапеле новый атомный ледокол «Россия».

Быть ледоколу гигантом! Но это в будущем. А пока над его стальной колыбелью раскинули могучие крылья краны и самые первые секции взмывают в воздух, чтобы, заняв отведенное им место, стать фундаментом напряженной и сложной стройки. Сложной, потому что ответственностью своей сравнима она с возведением целого города, оснащенного всем необходимым для автономного существования в экстремальных условиях высоких широт.

— Мы открываем сегодня новую страницу в советском судостроении,— сказал, начиная митинг, директор завода В. Н. Шершнев.— Освоение энергии мирного атома — одно из проявлений постоянной заботы партии об экономическом могуществе Родины, о мире и процветании советских людей. Балтийцы приложат все силы для выполнения нового почетного задания Родины. Мы уверены, что вслед за старшими собратьями —«Арктикой» и «Сибирью» — атомоход «Россия» своими плаваниями внесет достойный вклад в транспортное и экономическое освоение Севера.

Напомню: ледоколы, о которых говорил директор, рождались здесь же, на заводе, где еще в 1936 году был построен самый первый советский ледокол «Сибирь». Это было совершеннейшее по меркам своего времени судно мощностью почти в 11 тысяч лошадиных сил.

Так что не случайно именно балтийцам доверена уникальная серия. Опыт коллектива, его традиции стали конкретной экономической категорией, вносящей поправки в расчеты проектировщиков.

Поэтому с первых шагов столь энергично пишется биография «России», которой суждено заметно превзойти своих предшественников по многим технико-экономическим показателям.

...Еще полтора месяца назад на стапеле, украшенном сейчас алым кумачом праздничных транспарантов, высился корпус «Премница» — отмеченного Знаком качества сухогруза, сооруженного по заказу ГДР. Заказ, как принято здесь, был выполнен досрочно, и на освободившийся после спуска стапель сразу же пришли плотники. Бригада А. И. Леонтьева начала замену его основания — отслужившего свое деревянного бруса. Вес будущего ледокола значительно превышает спусковой вес сухогруза, и дерево для него требуется особо прочное — вымоченный, выдержанный при определенной температуре дуб. Напряженная работа шла и в цехах: опять-таки досрочно, с хорошим качеством собирали секции бригады, возглавляемые А. А. Кутыевым, В. Н. Черновым, И. Т. Шпиталенко, И. С. Рыбаковым. Продолжая традицию, идущую еще с тридцатых годов, шефство над важнейшим заказом пятилетки взяли комсомольцы завода, его базового профтехучилища.

Более ста предприятий и научно-исследовательских институтов участвовали в разработке проекта нового атомохода. Не страшны будут ему никакие вьюги и туманы: установленная на борту современнейшая навигационная аппаратура поможет легко сориентироваться в любой неблагоприятной метеорологической обстановке. Отступят перед ним самые крепкие льды. Новшества можно перечислять очень долго — в общей сложности существенной модернизации подвергнутся свыше тысячи узлов и установок. И все-таки еще об одном хочется сказать особо — о гидропонной системе для выращивания овощей.

Даже тому, кто испытал на себе тяготы бесконечной полярной ночи на берегу, трудно представить, насколько суровей кажется она в океане, на борту грохочущего дробящимся льдом, сотрясаемого постоянной неистовой схваткой с ним корабля. В студеном царстве вечной зимы душа человеческая особенно тоскует по земле, солнцу, зелени, и великим чудом кажется каждый тянущийся к свету листок.

Вот почему невозможно переоценить психологическое значение будущего огорода. И, конечно же, своя, собственноручно выращенная у самого полюса планеты зелень явно не будет лишней в рационе экипажа.

Вообще забота о моряках — это, пожалуй, основное в атомоходе. Салоны живой природы, искусственное солнце профилактория, бассейн, прекрасно оборудованный спортзал — все служит единой цели: создать наиболее благоприятные, комфортные условия для людей, бросивших вызов Ледовитому океану.

...И вот звучит долгожданная команда. Подчиняясь ей, поворачиваются краны, и тугой колокольный звон соприкоснувшихся листов стали становится как бы стартовым сигналом для бригады В. А. Васильева, которой доверена закладка. Вспыхивают голубые огоньки электросварки, в специальный металлический карман на одном из шпангоутов опускается и заваривается памятная доска. На лицевой стороне ее контуры кормы, лопасти винта, название атомохода, дата, место его закладки и гордое посвящение: «В честь XXVI съезда КПСС». А на обратной стороне — строки из Основных направлений: «Обеспечить круглогодичную навигацию в западной части Северного морского пути и своевременную доставку необходимых грузов в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока».

В этих словах — рабочая судьба атомохода «Россия».

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

...И ТЕ ОГНЕВЫЕ РАСКАТЫ

Юрий МЕЛЬНИКОВ

В ТОТ ДЕНЬ

Со всех сторон,
с Дуная и со Шпрее,
Мы ехали в Москву издалека...
И, шаг чеканя, мимо Мавзолея
По площади все шли и шли войска.
Я помню, дождик крапал
с небосклона
В тот теплый день,
В том памятном году...
Со свастикой фашистские знамена
Бросали мы с презреньем
на ходу.
Разделались
С жестокой силой вражьей
В сражениях
мы много лет назад...
Мне кажется,
что помнят камни даже
На площади
Победный тот Парад.

ПОЛКОВОЕ ЗНАМЯ

Под ним, пробитым,
помню, на войне
Я принимал крещенье боевое.
Теперь давно
В музейной тишине
Развернуто
то знамя полковое.
Хранит надежно, бережно
музей
Его,
Что всюду было рядом с нами.
И отблески боев
тех жарких дней
Не меркнут на полотнище с годами.

ШАГИ В ИСТОРИЮ

Мимо деревень спасенных,
мимо
Поредевших рощиц,
из дали́
Москвичи, уральцы...
Побратимы,
Молодыми мы на запад шли.
Продвигались
в глубь метели жуткой
Снова к фронту по степи седой.
В валенках, в дубленых полушубках
И в ушанках с красною звездой.
Перед боем на привалах стыли
И врывались с ходу в города...
И совсем не знали,
что входили
Мы уже в историю
тогда.

СРЕДИ ВЬЮГ

Сбитый жгучим свинцом,
Я земле поклонился
И на запад лицом
На сугроб повалился.

И в воронке, у пня
От огня заслоняя,
Бинтовала меня
Медсестра молодая.

Где она?
Среди вьюг
Уцелела ль, не знаю.
Я тепло ее рук
До сих пор ощущаю.

ВИД

Блещет море красотой от века,
Переливов солнечных полно.
Но когда нет рядом человека,
То пустынным кажется оно.

●

Приморский вечер.
Тишина вокруг.
Лишь где-то поезд прогремел некстати.
Я вдаль смотрю
и вижу пятна вдруг
На солнце на вечернем, на закате.

Но даже и светилу не дано
Топить в моря,
как эти пятна, горе,
И в волны опускается оно,
И пенится,
и закипает море.

●

Запамятовать не могу,
Как в море
волны нас качали.
Как на траве, на берегу
Мы с ней вдвоем
рассвет встречали.

...Под крышей неба голубой
Армада волн
о берег бьется.
Вдали шумит морской прибой,
И гул тот
В сердце отдается.

О СЧАСТЬЕ

Живу на свете клеткой каждой
Вблизи полей,
лугов,
берез...
А счастлив ли?
Мне не однажды
Подобный задан был вопрос.

— Да, — говорю. —
Под русским небом
Я русской женщиной рожден.
Живу,
и не единым хлебом,
С далеких, кажется, времен.

И счастлив тем,
что мну сугробы,
Усталым падаю в траву...
Пройдя с боями пол-Европы,
До сей поры еще живу.

●

Я никогда не позабуду,
Какой бы память ни была,—
Избу, сожженную дотла,
И кирпичей разбитых груду.

Как подходили, наконец,
Мы к рубежу,
а на полянке,
Со звездочкою на ушанке,
Лежал, на снег упав, боец.
И даже мертвый,
верный долгу,
К чужим окопам за рекой
Он нам указывал дорогу
Окоченевшею рукой.

●

Синеет день передо мной,
И я шагаю по тропинке.
Где небо сходится с землей —
Едва видна полоска дымки.
Иду по взгорью в тишине
В краю холмистом, незнакомом.
И хочется увидеть мне,
А что же там,
за окоемом.

Простор вмещается в груди,
Иду —
и все идти охота!
Мне видится —
там, впереди
Еще неведомое что-то.

НАД ПУШКИНСКОЙ СОРОТЬЮ

И. Ю

1

Сквозь полдень,
сквозь ясную осень,
От суетных дел вдалеке,
Мы плыли на лодке
без весел
По Сороти — светлой реке.

Нас вниз уносило теченье
Туда,
Где оставил свой след,
Где черпал свое вдохновенье
Для новых творений поэт.

...Мы к берегу
все же приплыли —
Без весел,
и этим горды...
И рады, что не замутили
Лазурно-хрустальной воды.

2

Стоим высоко на опушке,
Тригорское видим вдали...
Когда-то отсюда вот
пушки
Огонь по фашистам вели.

Встревожило душу былое
На резком ветру-сквозняке,
Но теплой пахнуло смолою
В узнавшем меня сосняке.

Как ветви дрожали,
мохнаты,
Я помню, у сосен тогда...
И те огневые раскаты
Мне слышатся здесь
Сквозь года.

От залпов горячими были
Стволы
В тот решительный час...
И, может, они растопили
Смолу,
Что тепла и сейчас.

4 АПРЕЛЯ — ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИЗМА

БАБОЛНА - ВЧЕРА,

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

На географической карте Венгрии не сразу отыщешь Баболну. И неудивительно — ведь всего-то в этом городке не более пяти тысяч жителей. Но спросите любого венгра о Баболне, и вы непременно услышите имя Роберта Бургерта и рассказ о том, в какие далекие страны летают нынче цыплята из Баболны.

Еще в Будапеште знакомые журналисты, не раз бывавшие у Бургерта, объясняли, что Баболна знаменует нечто новое не только в стиле работы, но и в форме быта. Ведь совсем еще недавно население городка едва превышало тысячу человек, теперь — впятеро больше, и комбинат стремится устроить, удержать каждого работника, который сюда приехал. Перво-наперво тут заботятся о том, чтобы у человека было жилье по душе: хочешь свой дом построить — помогут, а хочешь — вот тебе квартира! Зимой все без исключения работники комбината три недели «ходят в школу». Что это за школа? Рабочие и руководители разных служб встречаются на занятиях, знакомятся с передовым опытом, обучаются эффективным приемам и методам труда. В летнее время каждый работник получает уведомление, в котором сообщается: за последние четыре года заработная плата сложилась таким-то образом, в этом году ожидается столько-то... А в конце письма — краткая характеристика его работы. Причем чаще всего письмо завершается предложением закончить курсы, чтобы можно было получить в дальнейшем более сложную и более высокооплачиваемую работу. И, познакомившись с этим мощным хозяйством, понимаешь, что приписка эта не просто стремление подтянуть человека к знаниям, а необходимость, продиктованная развитием современного, высокорентабельного сельскохозяйственного предприятия.

Птицефабрика Баболны входит в число пяти ведущих фирм мира. Ее племенной материал возрос за последние пять лет вдвое, а база для разведения — около трех миллионов голов — одна из крупнейших в мире! Комбинат «Баболна» ежегодно выпускает около 350 миллионов суточных цыплят, что вдвое превышает потребность Венгрии. Комбинат поставляет бройлерных цыплят более чем в 30 стран Европы, Азии и Африки.

...Чтобы увидеть все хозяйство, расположенное на площади более чем одиннадцать тысяч гектаров, не хватило бы целого дня. Еще задолго до въезда в аллею, ведущую к трехсотлетнему зданию, где расположено правление, мы увидели фермы. Длинными рядами протянулись они вдоль дороги. Кстати сказать, территория комбината пронизана во всех направлениях первоклассными асфальтированными дорогами. Фермы — это бесконечно длинный ряд корпусов, обитых алюминиевыми пластинами. Рядом с корпусами ферм — водонапорные башни. Мы проезжаем кормосмесительные башни. Нас обгоняют крытые фургоны с надписью «Тетра. Баболна» — это фабричная марка, товарный знак Баболны. Комбинат занимается разведением и выращиванием племенных птиц для производства яиц и бройлерного мяса. Ключевой вопрос — корма. Здесь выращивают кукурузу с применением механизации всех производственных процессов и на высоком агротехническом уровне, получая высокий урожай с каждого гектара! В сотрудничестве с опытными в биологических исследованиях химико-фармацевтическими заводами «Гедеон Рихтер» и «Хиноин» комбинат организовал межотраслевое предприятие «БЦР», один из цехов которого вырабатывает премиксы, необходимые для более полного усваивания кормов. Таким образом, сельскохозяйственный комбинат «Баболна», возглавляемый членом ЦК ВСРП Робертом Бургертом, представляет собой одновременно крупнотоварное предприятие, научно-исследовательский институт и селекционную базу.

...Завершая путешествие по безлюдной территории комбината, мой коллега-фоторепортер был недоволен: ему так и не удалось сделать хоть один кадр с рабочими. Подымаемся по лестнице с затейливой, кованой решеткой на второй этаж, где нас ожидала встреча с директором. Мы опередили Роберта Бургерта всего на несколько минут.

В комнату стремительно вошел коренастый седоголовый человек. Дружелюбно вглядываясь в лица гостей, он сразу поинтересовался, что мы сумели увидеть. И, узнав о том, что фоторепортеру не удалось снять на улице ни одного работника комбината, весело рассмеялся.

— Так это же замечательно! Плохо, если бы кто-то без дела слонялся.

— Скажите, сколько же сейчас работает у вас людей?

— Четыре с половиной тысячи. Причем восемьдесят процентов — молодежь.

— Конечно, Баболна — очень симпатичный городок. Но все-таки это провинция. Почему сюда так стремятся молодые специалисты, которые окончили вузы в крупных городах страны? Чем, на ваш взгляд, привлекает их Баболна?

— Знаете, о чем я чаще всего размышляю, сидя за этим столом? Как увлечь и воодушевить людей? Как разбудить в каждом из них талант? Я знаю: если сумею этого добиться, значит, новое дело, за которое я взялся, осуществимо. Нужно, чтобы люди мои доводы воспринимали как свои собственные, только тогда они пойдут за мной. Ведь у каждого человека есть к чему-то талант, только далеко не каждый знает, а в чем он, этот талант. Моя задача — найти, непременно найти его и поставить на благо общего дела! Сегодня в Венгрии, говоря о производственных планах, часто употребляют такое выражение — «человеческий фактор». А это значит выявить в каждом работнике потенциал его возможностей. У нас работают четыре с половиной тысячи человек. Значит, я, директор, должен знать каждого? Выходит, что да! А иначе как направить их в дело с максимумом пользы? Как выращивать цыплят, как ухаживать за арабскими скакунами, как торговать с иностранными фирмами нашим товаром — всему этому учат специальные институты. А как открыть у людей талант к этому, увы, не учат. Чем же должен руководитель пробудить интерес к делу у работника? Денежными поощрениями? Дело хорошее. Но я уверен, что порой гораздо больше значит вовремя произнесенное слово похвалы и также умение поставить человека на ту работу, которую он сам хочет, очень хочет делать. Несколько лет назад я собрал нескольких молодых техников и попросил их написать, не называя своих фамилий, кто чем хотел бы заниматься и кто считает, что сидит не на своем месте. И что же? Выяснилось — все 30 человек делали не то, что могли бы делать и, главное, чем хотели бы заниматься. Потому я работаю с оглядкой на молодежь и стремлюсь, чтобы она меня понимала. Приспосабливаюсь к их интересам? Да, и не стесняюсь в этом признаться, так как убежден — только тогда я буду идти в ногу со временем, если меня примут молодые!

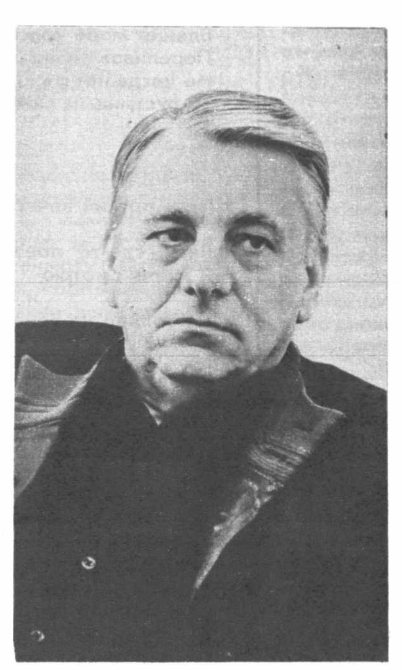

Фото А. Награльяна

«...Что мне больше всего нравится в Роберте Бургерте? Я сразу же поверил в то, что этот человек умеет работать интересно, творчески, ново, даже чуть-чуть забегая вперед. Мне нравятся руководители, которые не призывают: «Все вперед!», оставаясь позади, а первыми идут туда, где трудно. Наш директор всегда впереди нас, и нам, молодым, это очень нравилось. Помню, при первой нашей встрече он сказал: «Вы, кажется, товаровед?» «Да, у меня диплом товароведа!» «Так вот — забудьте о своем дипломе! Чтобы вы могли торговать продукцией Баболны, надо знать многое из ветеринарного дела и технологии производства. Только тогда вы сможете осмысленно вести торговые переговоры, когда слова «селекционный отбор» будут для вас не пустым звуком, а делом, в котором вы хотя бы мало-мальски разбираетесь!» Не скрою, я растерялся: как же так? Зачем мне изучать ветеринарное дело, если я не собираюсь лечить кур и поросят, а торговать ими? Но оказалось, Роберт Бургерт был прав, тысячу раз прав! Эти знания мне очень помогли, когда я стал самостоятельно вести переговоры с зарубежными фирмами».

Эти строки появились в моем рабочем блокноте позднее, когда, вернувшись в Москву, я познакомилась с Карои Берци. Он вот уже два года возглавляет координационный центр фирмы «Баболна» при Бюро торгового советника венгерского посольства. С интересом выслушав мои впечатления от встречи с Робертом Бургертом, он рассказал мне о перспективах сотрудничества с нашей страной. Десять лет назад начала работать Ужгородская птицефабрика из 59 птичников, поставленных комбинатом. С той поры она снабжается суточными цыплятами, что обеспечивает выпуск 1,2 миллиона бройлеров и 50 миллионов яиц ежегодно. Согласно подписанному в 1978 году соглашению строятся в Советском Союзе еще четыре больших птицефабрики, что позволит через несколько лет ежегодно выпускать на этих четырех птицефабриках 150 миллионов суточных цыплят!

...Когда я спросила у Роберта Бургерта, как он оценивает соглашение, согласно которому крупнейшим покупателем продукции комбината стал Советский Союз, он ответил:

— Это гораздо больше, чем обычное торговое соглашение. Это новый этап в сотрудничестве стран СЭВ. Ведь по соглашению передается вся производственная система и технология по выращиванию птицы: мы передаем также результаты десятилетних научных изысканий коллектива нашего комбината.

— Скажите, а почему все-таки вы сделали ставку именно на цыплят?

— Мы еще в конце сороковых годов знали, что рано или поздно нам придется создавать сельскохозяйственное производство на индустриальной основе. Когда я занялся цыплятами, я был уверен, что это единственный путь «скоростного» производства мяса. Ни одна отрасль в Венгрии не способна производить мясо быстрее, чем эта. Мы постепенно набирали опыт, порой расшибая себе лоб. Мы познакомились, как работают фирмы с мировым именем, и теперь наши белые и коричневые несушки не хуже, чем у крупнейших американских фирм!

— Вот уже много лет вы возглавляете одно из самых богатых, масштабных сельскохозяйственных предприятий страны. Ведь нет секрета, что Баболна опередила во многом венгерское сельское хозяйство! А прежде, в юные годы, вы твердо знали, чего хотели бы достичь в жизни? О чем вы мечтали в детстве?

— Я родился и вырос в деревне. Отец был батраком, беднее нас, пожалуй, не было семьи в нашей деревне. А мечтал я стать пастухом, чтобы заработать деньги и купить сапоги! Отец тем временем решил отдать меня в ученики к пекарю и отвез в город Печ к знакомому. Прошло несколько месяцев, и я не чаял, как удрать: пекарь и его жена с утра до вечера «угощали» меня затрещинами. Однажды собрал я свою котомку, перебросил ее через забор — и был таков! Устроился мальчиком на побегушках в харчевне за 8 пенге в неделю. Это были самые первые мои самостоятельно заработанные деньги. Пошел в магазин, купил брюки, ботинки, рубаху и не сообразил оставить денег на еду и ночлег. Голодный бродил по улицам и ночевал несколько ночей под мостом, благо лето теплое было. Тут меня и нашли цыгане: «Пошли, парень, с нами, у нас вольная и сытая жизнь!» В таборе пробыл недолго, меня заставляли красть, а такое было мне не по душе, убежал, вернулся к хозяину харчевни, все ему рассказал. Снова стал я у него работать, и тут меня отыскали родители. Боялся я тяжелой руки отца и согласился пойти работать к лавочнику, куда отец определил. Обязанность у меня была противная — открывать и закрывать двери с поклонами и говорить: «целую руки». В общем, не выдержал, убежал и устроился на завод, где делали сыры. Днями сидел в подвале и мыл сыры, пока меня мать из подвала не вытащила, побоялась, что я заболею туберкулезом. Так я вернулся домой и стал, как и отец, батрачить. У нас был крохотный земельный клочок и единственная корова, но отец решил пожертвовать коровой, чтобы я смог учиться в сельхозучилище. Год проучился, а дальше не осталось денег. Собрали в долг у деревенских соседей, взяли ссуду, и я продолжал учебу. Окончил в сорок втором году. Война. Отца забрали в армию. Появилось постановление о досрочном призыве. Узнав, что я попал в список призывников, я убежал из деревни и укрылся в подвале дома, брошенного хозяевами. Там я не один прятался, а еще несколько таких, как я, ребят... Мы сидели в подвале и гадали — когда войдут русские и что будет? Прижмусь, бывало, ухом к стене и вслушиваюсь в канонаду. Однажды ночью нам принесли еду и сказали: «Русские уже тут!» Я вышел на улицу и впервые в жизни увидел русского солдата. Я пошел к нему навстречу, улыбаюсь и говорю: «Наконец-то вы тут!»

...Звонок из Будапешта прервал рассказ Роберта Бургерта. Яркие проспекты, разложенные на столе, возвращали из прошлого в настоящее. День директора расписан по минутам. В таком огромном и сложном хозяйстве руководитель, каким бы талантливым и энергичным он ни был, один не управится со всей этой сложной машиной. Тут многое решает правильный подбор компетентных, увлеченных людей на решающих местах производства.

Один из таких специалистов сказал мне: «Что меня привлекает в Роберте Бургерте? У него нет для подчиненных специального приемного часа! Он при всей своей фантастической занятости всегда доступен для тех, кому есть что сказать по делу! Нет барьера, который порой специально воздвигают между собой и подчиненными иные начальники. Директору интересно мнение любого сотрудника, даже самого молодого, и он не стесняется сказать: «А вот этого я не знал прежде!» Ну и, конечно, привлекают увлеченность делом и хозяйский подход. По утрам шеф всегда на фермах. Он в курсе всего, что происходит в хозяйстве».

— Ну как, перейдем к делам сегодняшним?— возвращаясь к беседе, спрашивает директор.

— Что такое современный деловой человек социалистического мира в вашем представлении?

— Это прежде всего очень грамотный человек, хорошо разбирающийся в проблемах, которыми он занимается. Он должен иметь знания на уровне не одной, а нескольких диссертаций! И все-таки из своего жизненного опыта могу сказать: главное — быть агитатором, чтобы своими идеями увлечь подчиненных, не навязывать свою волю, а вызывать в них потребность осуществить эту идею самостоятельно! Важно заботиться в первую очередь не о себе, не о своем престиже, а о деле. Я читал Калинина, его беседы о важности агитационной работы. Сам он был, как известно, очень хорошим агитатором. Товарищ Янош Кадар — вот кто первоклассный агитатор! Мне не раз приходилось с ним встречаться, и что в нем не может не восхищать — это его человечность. Я редко встречал таких людей, которые, как он, могли бы заниматься и мелкими и крупными проблемами. Он точен, конкретен, пунктуален, во всем любит и ценит систему. Слушая его, всякий раз поражался умению найти для самой сложной проблемы удивительно простое и целесообразное решение! Оглядываясь на свою жизнь, могу признаться, что сегодня скорее чувствую себя агитатором, чем агрономом!

— А любовь к земле? Разве не сыграла эта любовь большую роль в вашей жизни?

— Тут вы верно заметили. В моей жизни были разные дни — светлые и черные. И вот из всех счастливых, пожалуй, самыми светлыми были те послевоенные дни, когда мне поручили ответственнейшее дело — я ходил из деревни в деревню и от имени народной власти распределял помещичью землю среди крестьян и батраков. Мне было двадцать лет, и я ничего не боялся — мне нравилась моя новая жизнь: вот оно, то дело, которое мне по душе. Но люди вокруг были разные. Одни шептали: «Ты еще поплатишься, вернутся хозяева, и ты ответишь за самоуправство»! Другие, бедняки, не решались взять бывшую помещичью землю: «Так ведь она чужая...» Все лето сорок пятого года ходил я по деревням и делил землю. Урожай мы в тот год могли собрать большой, а как это сделать? Были в нашей деревне у кулака трактор и сеялка, но он нарочно поломал их. Решили отправиться в Будапешт и там раздобыть детали вместо сломанных. Сели мы на велосипед и покатили с дружком. Как обратно добрались — за спинами был прилажен тяжеленный груз,— ума не приложу!

...Убрать урожай мы убрали, но поняли: дальше без коллективной жизни не поднять хозяйство. Тут пошли разговоры про колхозы. Всколыхнулись люди, спрашивают, а я толком не знаю, не могу объяснить, что такое колхоз! А детишки на деревенской улице, как увидят меня, так кричат вслед: «Эй! Колхоз!» Я получил назначение из района быть уполномоченным по созданию колхозов. Приятель по сельхозшколе привел меня к своему отцу — учителю, у которого была библиотека. Взял я книгу на венгерском языке, она подходяще называлась — «Первая борозда» Шолохова (так называлась здесь «Поднятая целина»). Начал читать, так возликовал — вот оно, то, что мне нужно! Увез книгу домой, читал ее, а по вечерам отцу рассказывал о прочитанном. «Смотри, какой этот Шолохов молодец, как он здорово про наших кулаков написал!» — удивлялся отец.

А через год я отправился в Будапешт на курсы по организации кооперативных хозяйств. С деревянным баулом в руках появился в Будапеште, и началась моя учеба в столице. Потом мне дали удостоверение, что я могу работать «организатором кооперативного движения». Это был серьезный документ — мандат на создание новой жизни. Я ездил из села в село, помогал создавать первые коллективные хозяйства. Это было трудное время. Нелегко было психологию крестьян сломать, агитаторов проклинали священники в церкви, в них стреляли. Однажды вечером в корчме я собрал народ, чтобы рассказать, как они будут жить по-новому. Священник, узнав об этом, уговорился с врагами новой власти, что со мной расправятся. Кто-то разбил лампу, но в темноте мне удалось выскочить в окно, и пуля, которую мне послали вслед, меня не догнала. Назавтра я вернулся и снова собрал людей в той же самой корчме! В области Баранья я организовал за год 173 кооператива и храню по сей день об этом памятные для меня свидетельства.

— Ваше будущее, каким вы его себе представляете?

— Я отношусь к числу тех, которые вечно собой недовольны. Быть довольным — значит остановиться на месте, а это мне не интересно. Главное — искать новое в любом деле и сражаться за него! То, что я делаю в Баболне, приносит мне радость. Да, мне выпало большое счастье делать то, что я люблю. Я хотел бы увидеть, какие плоды принесет то, что сделано нашим поколением, каково будет мышление человека социализма на пороге нового века!

Будапешт — Москва.

СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ВАСИЛИЙ НЕЧИТАЙЛО

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Как неотвратимо безжалостна судьба! Еще вчера ты говорил с другом, слушал его горячие слова об искусстве, спорил, постигал степень его взволнованности, удивлялся не по возрасту беспокойному сердцу, поражался мечтам, одолевавшим художника, узнавал сокровенное, порою далеко затаенное... Товарищ рассказывал о последней своей картине, которая вот наконец готова, и завтра, завтра он оденет ее в раму.

— Ох эта рама,— подчеркнул живописец,— ну, и намучился я с ней, пока мне ее сделали. Ну теперь, слава богу, смастерили.

А через день с утра меня разбудил тревожный звонок телефона. Тихий, горький голос старого однокашника по Изоинституту проговорил:

— Ты знаешь, Вася Нечитайло вчера ушел от нас...

«Как?— мгновенно пронеслось в мыслях.— Ведь только день тому назад мы беседовали с ним. Василий был полон энергии. Жил целиком своей новой картиной. Уже приготовил раму...»

— Да, вот рама,— прошептал в трубку голос.— Поднял один этот огромный, тяжелый багет, ты ведь знаешь, упрямый он, решил не ждать никого, и... сердце не выдержало. Мгновенный удар — и...— Голос оборвался.

Василий Нечитайло... Все ждали от него, как и от его сотоварищей по институту Виктора Цыплакова, Константина Китайки, Юрия Кугача, Степана Дудника, Николая Горлова, Макса Бирштейна, Анатолия Никича и многих других студентов, полотен своеобычных, ярких. Это был выпуск молодых станковистов начала сороковых годов, ребят, прошедших суровую школу жизни, много сил отдавших на изучение нелегкого мастерства. Их было почти сто человек. Свои дипломы они защищали в всенную суровую пору. Многие из выпускников сражались в народном ополчении, рыли окопы, работали в плакатных бригадах. Помню, как писали они дипломные картины, сколько надежд, заветных чаяний было связано с этим первым словом, сказанным на пороге выхода в свет.

Ровесники. Святая, незабываемая пора молодости. Как забыть гулкие коридоры института на Соколе, запах краски, масла... Само дыхание юности. Разве можно все это вычеркнуть из памяти? Строгие и веселые лица Игоря Эммануиловича Грабаря, Сергея Васильевича Герасимова, Александра Александровича Дейнеки, Бориса Владимировича Иогансона, Георгия Георгиевича Ряжского, Григория Михайловича Шегаля, Александра Александровича Осмеркина, других учителей. Сколько волнений, тревог, радости, самого высокого счастья связано с этими невозвратно далекими годами! Шутка ли сказать — сорок с лишним лет. Каких лет!

Мастерская художника. Вглядись в нее попристальней, и ты увидишь лицо живописца, его привязанности, узнаешь сокровенную суть его дара, познакомишься с манерой работы, с ритмом его труда, труда нелегкого.

Большая студия на Верхней Масловке. Огромное синее вечернее окно. Антресоли. Ведущая вверх узкая лесенка. Длинный, во всю стену стеллаж, битком уставленный картинами. Высоко у потолка висящая гроздь пустых подрамников. Они ждут новых холстов. Но их не будет...

Мастер ушел. Ушел навсегда.

Стоит посреди осиротелой мастерской массивный мольберт. На нем полотно.

«Автопортрет» Василия Кирилловича Нечитайло.

Строго, немного грустно глядит на нас этот уже немолодой, но сильный, кряжистый человек. Открытое, широкое лицо задумчиво. Крутой лоб, массивные, резко очерченные надбровья, упрямые скулы, прямой взгляд. Все эти заметы рисуют образ мастера, обладающего волей могучей, характером недюжинным... Крестьянский сын, пришел он в Москву с далекого Дона. Принес с собой цельность и широту сына степей, росшего в трудные годы становления нашей Отчизны. И сполохи буревых двадцатых годов, казалось, мерцали в его глазах. Вася еще мальчонкой воспринял всю сложность столкновения старого с новью. Он с ребячьей поры увидел рядом смерть, огонь пожарищ, услыхал визг пуль. Все это заставило будущего художника почуять и попытаться осознать неспокойное, неповторимое время, в котором ему суждено было родиться и жить. С юных лет он горячо полюбил своих земляков, просторы ковыльных степей, донское раздолье. И когда в шумных коридорах Всехсвятского появился этот крепко сбитый парень, чернобровый, с веселым прищуром светлых огненных глаз, студенты Московского института изобразительных искусств сразу нашли ему прозвище, которое он носил с гордостью,—«казак».

Рисунок Ю. Кугача. 1939 год.

В. Нечитайло.

И вот его нет.

...Вспоминаю тридцать девятый год. Зачетную сессию. Большие мастерские сплошь увешаны работами студентов. Двери распахнуты. Шумная ватага бродит по комнатам, выглядывает яркие, талантливые рисунки, холсты.

Особо людно в мастерской Сергея Васильевича Герасимова. Молодежь столпилась у полотна Василия Нечитайло «Цыганка». Из уст в уста передают слова Иогансона, который сказал об этой картине: «Вот вам и диплом!»

Молчаливая, печальная девушка. Смуглая, с иссиня-черными косами, обрамляющими строгое красивое лицо, стоит она, устало опершись на стол узкой, нежной рукой... Живопись этого большого этюда-картины — валерная, тонкая — хранит в себе лучшие традиции русской реалистической школы, давшей Василия Сурикова, Валентина Серова, Константина Коровина.

Сейчас холст в старой позолоченной раме висит в мастерской Василия Нечитайло. Когда я увидел его, то немедля перед глазами встала юность, конец тридцатых годов, удивительное время, когда в самом воздухе института жил дух творчества, беспокойного радостного труда, всеми владела жажда познания красоты природы, человека. Ребята работали в мастерских, на пленэре, копировали в музеях шедевры старых мастеров. В утлых комнатенках общежитий висели репродукции с картин Веласкеса, Рембрандта, Александра Иванова... Студенты мечтали стать настоящими станковистами, истинными мастерами. Для этого стоило трудиться, трудиться, трудиться. И в этом благородном порыве молодежи помогали Грабарь и его товарищи — корифеи отечественной школы.

Учитель... Сколько вложено в это короткое слово! Только сейчас можно осмыслить все благородство, подвиг этих прекрасных художников, чье время было так драгоценно. И все же они отдавали годы жизни своим беспокойным, порою непокорным, иногда не очень серьезным подопечным, вкладывали в них всю душу, опыт, любовь к искусству. Игорем Грабарем и его соратниками владела мечта восстановить вновь полновесную станковую живопись.

Что греха таить, только в наши дни со всей очевидностью стало ясно, что в шумное «авангардистское» начало двадцатого века «новаторы» успели изрядно расшатать традиции реалистического искусства, и в угаре формотворчества оставалось мало места для школы, мастерства, а это привело к тому, что многие художники потом всю жизнь прохромали недоучками, с трудом рисуя и пытаясь наверстать упущенное время.

Тихо, очень тихо в студии. Горький густой запах полыни напоминает нам о родине мастера. Татарник, чебрец, бессмертник, ковыль, полынь... Степные цветы и травы. Они любовно собирались и привозились художником из Сальских степей, куда он, невзирая ни на какие заботы, уезжал каждое лето черпать новые силы из родника русской природы.

— Какой Вася был непоседа,— тихо говорит вдова живописца Мария Владимировна Савченкова — Марийка, как зовут ее до сих пор друзья по институту. И действительно, когда глядишь в карие, подернутые печалью глаза этой верной подруги Василия Кирилловича, то невольно перед тобою предстает долгий, порою нелегкий, почти полувековой путь, который они прошли рука об руку. Сдружились в институте, вместе окончили его, рядом работали, бродили по степи, ездили по свету, писали. Ведь Савченкова сама прекрасный художник.

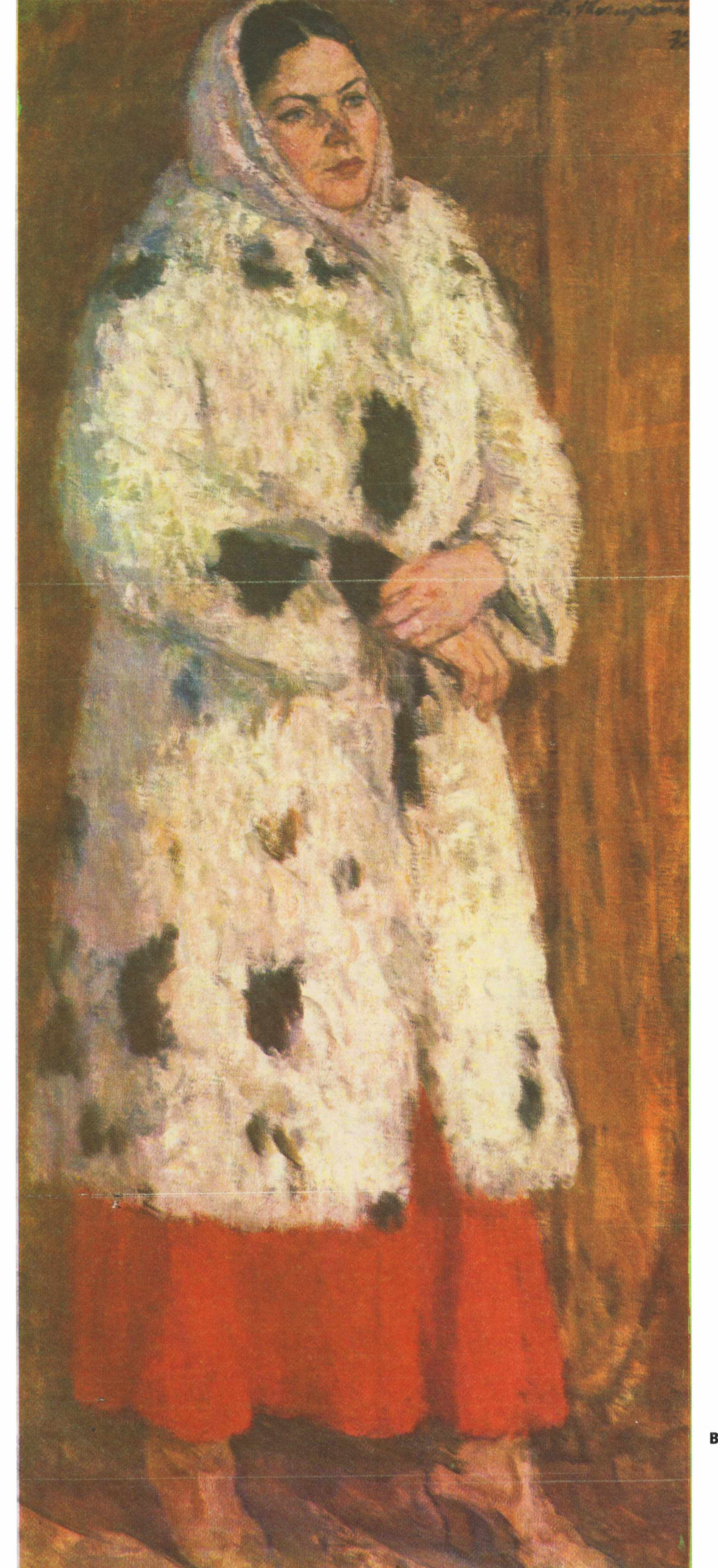

В. Нечитайло. 1915—1980. УТРО. 1962.

В. Нечитайло. КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ. 1977—1980.

В. Нечитайло. КСЕНИЯ. 1979.

— Не углядела я,— грустно промолвила Мария Владимировна,— как перетрудился, надорвался Василий. Ведь он никогда не жаловался на свои хвори... Вспоминаю лишь теперь с особым значением: когда он окончил свое последнее большое полотно «Красные партизаны», то взял меня за руку, отвел подальше от холста... Долго, долго молча стоял. Потом сказал: «Маша, запомни, это моя самая лучшая картина»,— и как-то ясно и пристально посмотрел мне в глаза.

Март 1981 года. Центральный выставочный зал Москвы.

«Красные партизаны».

На заре ветер прогнал туман. Первые лучи рассвета зажгли улыбчивую сиреневую марь на меловом отроге далекого кряжа, и, казалось, само небо, повитое нежной розовой дымкой, слилось там, за сизыми горбами бугров, с седой ковыльной степью. В глубокой, просторной балке повеяло родниковой свежестью, горько и приторно запахло полынью. Загорелись малиновые макушки татарника, в утренней тишине раздался конский храп, прозвучали негромкие отрывистые слова боевого приказа. Партизаны...

Холст Василия Нечитайло — проникновенное слово о земляках, суровых буднях гражданской войны на Придонщине, о своем отце-красногвардейце. Взволнованный рассказ о сыновней любви к земле, народу, о своей причастности, приверженности к судьбе Отчизны. И в страстной открытости — неодолимая сила этого большого полотна, искреннего, глубоко правдивого.

Вглядываюсь в предрассветную рань «Красных партизан», а в памяти вдруг встал другой холст.

«Последнее утро Кочубея»— так можно было бы назвать эскиз, написанный студентом-дипломником Нечитайло ровно за сорок лет до создания «Красных партизан».

...Горит последняя заря. Сверкающая прорезь в хмуром небе. Страшная ночь позади. Палачи ведут легендарного героя на казнь. Худой и обритый после перенесенного тифа, истерзанный, изможденный Иван Кочубей гордо несет непокорную голову. Он не польстился на посулы врага, не предал товарищей. Предпочел смерть.

Былинная, эпическая тема гражданской войны недаром была близка живописцу. Ведь его отец Кирилл Никитович Нечитайло, бедняк, работавший по найму у помещика, одним из первых ушел в партизаны. Рядом с родной станицей Воронцово-Николаевской была глубокая степная Янина балка, где стоял его отряд... Высокий, почти в человечий рост ковыль скрывал бойцов, коней. Эту вот именно балку изобразил Василий Нечитайло на картине.

Мария Владимировна раскрывает старую картонную папку. Достает коричневую выгоревшую фотографию.

1931 год. Ровно полвека отделяют нас от того хмурого весеннего дня, когда группа крестьян, вступивших в колхоз, решила «сняться на карточку». Оставить себе на память облик товарищей, собравшихся у красного колхозного знамени. Более ста человек, молодых и старых, мужиков и баб, в папахах, кубанках, фуражках, буденовках, в пестрых платках, поддевках, шубах, чекменях, кто налегке, в плаще, кто в тулупе — все такие разные, тесно прижавшись друг к другу, внимательно глядят на нас из далекого прошлого. Во втором ряду третий справа — Кирилл Никитович Нечитайло. Он снял шапку. На высокий чистый лоб упала непокорная прядь. Его светлое лицо озарено улыбкой. Чуть прищурясь, смотрит красногвардеец в объектив фотокамеры. Эту старую фотографию можно рассматривать долго — столько здесь характеров, типов, состояний, настроений, так по-особому проходит через все образы тема радости, ожидания, весны.

Но наступил миг, которого я не ждал.

Вдруг Мария Владимировна спросила меня, показав на фигуру парнишки в огромной, нахлобученной на уши кепке, робко выглядывавшего из-за спин взрослых мужчин:

— А это кто?

Я молчал.

— Это Вася,— прошептала Мария...

Тишина мастерской. Березовая кора на стене. Гипсовые маски-слепки портретов Гоголя, Пушкина, Бетховена. Репродукции с полотен Рембрандта, Веласкеса, Ренуара, Валентина Серова. Маленький этюд, написанный в Венеции. Жостовский расписной поднос. В хохломской узорчатой деревянной вазе лиловые сухие цветы бессмертника.

Бледное, осунувшееся лицо Марии Владимировны.

...И снова я увидел рассвет на давнем преддипломном эскизе. Холст стоял на полу студии, окруженный десятком этюдов, портретов, пейзажей, но эта пронзительная заря горела ярче всех красок. И эту юную зарю пронес Василий Нечитайло через всю свою творческую жизнь.

В руках у Марии Владимировны маленькая статуэтка работы знаменитого французского скульптора Аристида Майоля. Фигура женщины.

— Это подарок Василия Васильевича Почиталова, который, как ты знаешь, дружил с нами. Вася очень ценил этот дар, потому что очень любил искусство Франции второй половины XIX века.

Помню, как мы неспешно бродили по ночному Парижу, это было в 1961 году,— продолжала Марийка.— Моросил летний дождик. Подошли к Лувру и вдруг увидели поставленные рядом с музеем мокрые от дождя, мерцающие в свете фонарей скульптуры Майоля. Они казались живее живых. Это ощущение вечной жизни искусства никогда не покидало Василия.

Он всегда восхищался подвигом жизни Ван Гога, и когда мы приехали в Арль, то сразу стали искать места, связанные с его биографией. Нам показали кафе, в котором он часто бывал. Смешные старые белые стулья, открытая веранда, пологий спуск к реке. Мы присели за столик; жаркое, обжигающее солнце Прованса, черные тополя, белые курчавые облака в тусклой мгле летнего марева — все это так напоминало о холстах Винсента Ван Гога, о его страшной и прекрасной судьбе.

...Немало стран посетил Василий Кириллович, много повидал шедевров искусства. Но истинным своим кумиром в живописи он почитал Рембрандта ван Рейна... Как сейчас вижу я взволнованное лицо Нечитайло, слышу его рассказ о городе, где жил великий голландец, — Амстердаме, улице Брестраат, что рядом со шлюзом святого Антония, и о доме, где когда-то обитал и трудился Рембрандт, где испытал радость славы и горечь неудач.

— Пойми, — говорил Василий, — когда я услыхал, как скрипят те старые, ветхие деревянные ступени, у меня холодок пробежал по спине: ведь по этой лестнице уходил из своего гнезда Рембрандт. Покидал свою обитель разоренный, оплеванный. Шагал навстречу лишениям, страданиям, нищете... и бессмертию. Свои лучшие полотна ван Рейн создал в последние, страшные годы своей жизни. Этот сын простого мельника показал всему миру, как негасим свет гения.

Слушая Василия, я думал: несмотря на разницу во времени, разделявшую их, на огромное отличие масштабов художников, невзирая на несходство живописи, сколько главного, непреходящего объединяет настоящих художников-реалистов всех эпох и народов. Это их внутренняя правда, честность, любовь к прекрасному, своему народу... Эта мысль как-то особенно четко обозначилась в сознании, когда мне довелось прочесть объемный и интересный очерк «Рембрандт», опубликованный Василием Нечитайло в 1969 году. Что отличало статью? Глубокое профессиональное проникновение и анализ мастерства великого голландца, его замечательных полотен. Язык публикации был ясен и доступен.

Написав эти строки, я немедля представил себе кислые физиономии некоторых наших искусствоведов, считающих подобные публикации пустой тратой бумаги... Позволю себе посоветовать этим строгим судиям вспомнить слова, написанные о них полтора века тому назад великим французским художником Эженом Делакруа и не лишенные остроты и в наши дни:

«Критические статьи об изящном искусстве, публикуемые с незапамятных времен, почти всегда имеют неустранимые недостатки: с одной стороны, они наводят скуку на людей непосвященных, потому что всегда кажутся им полными непонятных терминов, запутанными и утомительными. С другой стороны — они вызывают неприязнь художников, ибо не только не способствуют прогрессу искусства, но запутывают самые простые вопросы и искажают любую идею». И далее Делакруа пишет, что участь этих искусствоведов все же «одна из самых завидных. Им долго еще позволят блуждать по ниве искусств, которую они считают своей собственностью (разрядка моя.— И. Д.), они долго еще смогут находить удовольствие в теориях, выдуманных ими самими, и придумывать себе возражения, на которые у них готовы весьма красноречивые ответы».

Как современны эти строки! Нет сомнения, что искусствоведение весьма нужная, сложная наука, но, думается, она стала бы особенно полезна людям, если бы некоторые искусствоведы пытались иногда глубже вникнуть в существо самого искусства как рода деятельности талантливых людей, призванных быть гуманистами, воспеть красоту природы, прекрасный образ человека, раскрыть всю социальную сложность времени, отразить драматургию своей эпохи.

Современное искусствоведение Запада окончательно заблудилось в определении «художественности» в творениях живописцев и скульпторов, тенденциозно замечая и признавая в них лишь проявление «авангарда» как формы протеста против традиционного реалистического видения мира, кстати, свойственного любому нормальному человеку. Подобного рода оценки заводят нас в дебри наукообразных, придуманных формул, смещают представления и понятия о красоте и уродстве, правде и лжи, свете и тьме. Они ставят барьер из сложных, неудобных для прочтения умствований, отгораживающих зрителя от произведения, созданного художником, вместо того чтобы внятно дать возможность понять мысль, заложенную в произведении искусства, рассказать людям о творческом пути того или иного мастера.

...Внезапно Мария Владимировна протянула мне тоненькую ученическую тетрадку. Я открыл ее и увидел страницы, исписанные твердым, четким почерком.

— Это дневник, который вел Василий, — услыхал я.

«Чувствую, что в живописании я многословен, — размышляет тридцатилетний мастер, — слишком дробен. Хочется много сказать, а получается перегрузка деталями, мелкота, нет большой формы».

«Надо, — пишет Василий Нечитайло 25 ноября 1945 года, — безжалостно выбрасывать подчас привлекательно-соблазнительные мелочи ради большой выразительной формы. Пожалуй, мне не стоит сейчас бояться упрощения, я слишком натуралист, чтобы дойти до схемы».

«Не бояться, не бояться, — говорит он в другом месте, — писать только смело и решительно!»

И тут же рядом мы читаем заметки:

«Изживать недостатки: излишнюю самоуверенность, торопливость, изобилие деталей в живописи, непоследовательность, робость в работе...»

Какое надо иметь чистое сердце, чтобы так резко и честно сказать самому себе о самом главном — живописи. Вот это качество — правдивость и страстность в искусстве — Василий Нечитайло сохранил до последних дней своей жизни. Он был бескомпромиссен в своих исканиях истины в выработке мастерства, он был беспощаден к дилетантству, позерству, всякому проявлению фальши, позы в искусстве.

Вчитайтесь в строки, написанные накануне 1946 года:

«Ни к черту не гожусь! Никуда... Сколько раз я говорил себе: смелее, смелее! Писать окончательно, без всяких «пока», потом, дескать, кончу. Так и не кончишь, а только испортишь начатое... Наносить на холст только живые впечатления, окончательно. Писать ярче!.. Как огня бояться штампа, ибо он удел посредственности.

Чувство меры... С прискорбием должен сознаться, что оно редко посещает. Валентин Александрович Серов обладал великолепнейшим чувством меры и ощущением нового... Быть все время робким уче-

ником с пламенем в сердце. Каждый раз в каждой работе надо начинать как будто в первый раз... Все любят указывать на прошлое прекрасное искусство, не понимая того, что сильно и прекрасно оно потому, что ни на что до этого не похоже!».

«Ни на что не похоже»... В памяти предстал Кузнецкий мост, московская выставка молодых художников. Вернисаж. Толчея. Счастливые взволнованные лица. И вдруг встречаю Василия Нечитайло. Мы подходим к большому холсту: на картине молодая женщина, две маленькие девочки с цветами и книгами, на фоне — конный красногвардеец как символ героического прошлого...

— Это полотно написала моя дочь Ксения,— проговорил Василий Кириллович,— вот она на картине стоит с дочками, моими внучками, Настей и Машей. За ними на коне их прадед, мой отец Кирилл Никитович...

Я глядел на своеобычный, интересно решенный холст «Воспоминание о революции» и сразу понял гордость большого мастера за свою дочь-художника, талантливую, со своеобразным, ни на кого не похожим голосом... Пристально вглядываясь в картину и видя радость в глазах Нечитайло, я еще крепче уверовал в значимость и современность реалистической живописи, обладающей древним и вечно юным ликом.

«Писать ярче» — этот завет отца не забывают и стараются исполнить дочь Ксения и сыновья Дмитрий и Сергей — молодые художники, уже по-разному заявившие о себе как дарования свежие, разные. Такова постоянная преемственность поколений.

Молодые... Ведь им создавать искусство XXI века.

Как важно в судьбе каждого большого мастера чувствовать рядом с собою плечо верного друга, единомышленника. Таким товарищем был у Василия Нечитайло еще с юности, с институтской скамьи Юрий Кугач. Вместе они учились, защищали свои дипломы, показывали из года в год новые полотна на больших выставках. Конечно, их искусство, как, впрочем, творчество всех художников-реалистов, было разным, но приверженность к станковой живописи, любовь к природе, человеку, к сочному, полнозвучному языку русской живописной школы были общими.

Вечерние сумерки... Тишина. Голубой призрачный свет обволакивает студию, и кажется, что вот сейчас войдет хозяин мастерской, и ты услышишь его ядреный, веселый смех, задорную шутку... Но дверь закрыта, звонок молчит, никто не нарушает безмолвия. Только холсты, холсты художника говорят, рассказывают, поют. И в этой немой песне вечная жизнь искусства...

Сколько надо прочесть книг, чтобы понять атмосферу Ренессанса, Флоренцию эпохи Медичи. Но взгляните на «Весну» Боттичелли, и вы мгновенно окажетесь в плену немеркнущей красоты итальянского Возрождения, услышите сонеты Петрарки, звуки лютни, шорох ветвей пиний на вилле Лоренцо Великолепного. Словом, всего лишь один взгляд на шедевр живописи немедля перенесет вас в ту эпоху, в то время, в котором жил и творил художник. Но для этого мастер должен целиком принадлежать своему времени. И чем цельнее и мощнее эта его приверженность, тем великолепнее и бессмертнее его творения.

Так было, и так будет.

...На крытом пестрой тканью старинном массивном диване, стоящем в углу, лежит ярко-желтый медвежонок — плюшевая кукла. Ее забыла Настя, внучка художника. Рядом на стене мастерской мы видим ее портрет, сияющий радостью бытия, свежестью, улыбкой.

— Василий любил жизнь,— говорит Юрий Кугач.

Мы сидим за столом. Десятки фотографий, письма, дневники Нечитайло рассказывают нам об ушедшем художнике. Рядом Марийка и ее подруга Ольга Светличная, тоже художник.

— Тема последней картины Василия «Красные партизаны» — кардинальная тема всей его живописи,— продолжает Кугач.— А если сказать точнее — лейтмотив всей его жизни. Ведь придя в институт, он предстал перед ребятами как сын донских степей. Мы узнали из его рассказов о годах гражданской войны на Дону, о поднятой целине в Сальских степях, и он казался нам иногда парнем из легенды, о которой мы читали только в романах или стихах. А потом мы вместе с ним в годы Великой Отечественной войны с восторгом перечитывали письма отца Васи — Кирилла Никитовича, который в составе кавалерийского корпуса Плиева сражался с нацистами и писал сыну в Москву:

«...Ты, Вася, был в ополчении, когда фашисты наступали, а теперь посмотри, как мы наступаем!»

И Василий, молодой человек, переживший страшные дни лета 1941 года, прочтя эти строки, вспомнил Смоленщину, когда он вместе со своими однокурсниками был в ополчении, выходил из окружения, видел сожженные города и села, испытал всю горечь отступления. Он снова ощутил грозную пустоту улиц фронтовой Москвы, стылую зыбь тревожных ночей, тишину осиротевших мастерских, щемящую боль расставаний с близкими, друзьями... Теперь все это было позади. Студент Нечитайло защитил диплом в 1942 году, а художник Василий Нечитайло обратился с просьбой откомандировать его на фронт. Вскоре нагруженный этюдником, холстами, альбомами, он продвигался вместе с войсками, создавая десятки этюдов, рисунков, композиций. Он догнал отца уже в 1944 году, когда кавалерийское соединение стремительно рвалось на запад, к логову фашистов.

— Вся его жизнь с самых юных лет как бы осенена темой подвига, борьбы,— сказал Кугач.— Особо зрима была в Василии неуемная любовь к коням, к степи. Он не мыслил себя без донского раздолья. Горячая кровь бурлила в нем, и хотя он с годами стал по сути москвичом, все же ностальгия гнала его каждый год на родину, к Дону.

Юрий Петрович Кугач задумался.

— В Василии будто жили два человека. Внешне он был могуч, упрям, напорист, а в душе мягок, нежен, порою раним. У него была поистине деликатная, тонкая натура.

Он чудесно пел. Да, в нем было много от скифов, которые с незапамятных времен кочевали в степи.

Синие сумерки сгустились. За большими окнами мастерской сияли теплые огни ночной Москвы.

— Вечерами,— вспоминает Марийка,— бродили по степи. Огромное багровое солнце садилось в лиловую мглу. Ветер гнал седые волны ковыля, по закатному небу неспешно плыли громады янтарных кучевых облаков. Казалось, степь жила. Пронзительно стрекотали кузнечики, где-то высоко в поднебесье пел жаворонок. В косых лучах вечерней зари бугры курганов будто пробуждались ото сна, и чудилось, что они дышат... Неотразимо манили Васю курганы. Сколько раз он писал их.

Просыпался он рано. Бывало, только забрезжит заря, а он уже на ногах. Идет слушать птиц. В небе догорает последняя звезда, где-то вдали у самого края степи алеет рассвет, а Василий с этюдником, холстом спешит уловить это состояние, запечатлеть неповторимый миг рождения дня.

Я слушал рассказ Марии Владимировны и вдруг машинально взял лежащую передо мной на столе уже знакомую старую фотографию начала тридцатых годов. Молодой паренек в нелепой, неуклюжей кепке пристально глядел на меня из полувекового далека. И я с какой-то неотразимой ясностью ощутил еще раз все великое значение слов «почва» и «корни». Казалось, что можно было ждать от этого немудреного мальчишки, гонявшего, как и все, голубей и любившего ходить в ночное пасти коней?

Однако именно эта вот почва, цельность натуры паренька из глубинки, жадно потянувшегося к красоте, к знанию, и дали такие ощутимые для всей нашей национальной культуры плоды. Не скольжение возле искусства, не всеядная псевдохудожественность, не имеющая адреса, не формотворческие выкрутасы, не попытка оригинальничать во имя оригинальности. Нет! Глубоко традиционная по манере станковая живопись Нечитайло приобрела великолепное современное звучание, опираясь на страстную любовь художника к своей теме, своей песне. Таково именно было творчество Василия Кирилловича, художника самобытного, глубокого. В его полотнах вечно будет жить юная душа современности, ибо он был сыном своего времени, своего народа и принадлежал ему всем честным и горячим сердцем.

Я вышел из мастерской Нечитайло с каким-то светлым ощущением непрерывности поступи реализма в искусстве, из века в век приобретающего все новые и новые грани в творчестве различных живописцев... По какому-то таинственному внутреннему сигналу я вспомнил с щемящей контрастностью свое давнее посещение венецианской Биеннале и то странное, тягостное чувство, которое тогда овладело мною при посещении этой коллекции «авангардистских» вывертов.

Был день, когда потрясенный шедеврами Тициана, Веронезе, Тинторетто, переполненный музыкой дивного города, будто впитавшего в себя всю радугу человеческой мечты о красоте, я вдруг попал в удивительно пустынные, геометрически скучные залы международной выставки. Стекло, бетон, сталь, алюминий в идеально стыкованных блоках создавали интерьеры экспозиции. Я шел, а гулкое эхо брело за мной. Анфилада была безлюдной. Но не это обескураживало. Плакаты, указатели, этикетки обозначали наименование различных стран, целых континентов. Невозможно было отличить друг от друга груды мятой жести, битого кирпича, витков стальной проволоки, осколков мрамора. Со стен глядели квадраты, кляксы, запятые, ромбы, ореолы, спирали. Косые, кривые, безголовые, безрукие чудища пугали зрителя. Что-то вертелось, скрежетало, попискивало, шипело. И все это называлось искусством. Я брел ошалело по этому страшному кладбищу, где была похоронена красота, и пытался разобраться в принадлежности экспонатов к той или иной стране по характеру, композиции, цвету... Напрасно. Искусство «авангарда» не имело адреса. Его цель — всесветный эпатаж, бессмыслица, абсурд, возведенный в ранг мудрости эквилибристами буржуазного искусствоведения.

Неужели безумие надолго покорило Запад? Такая мысль не покидала меня, хотя я верил, что это лишь результат временного смятения, охватившего художников, от ощущения тьмы, цинизма, наживы и зла, которыми переполнено их бытие. Но чем больше я вспоминал рождение «авангардизма» и могущественную поддержку, оказываемую этому движению золотым тельцом, тем яснее становилась зловещая роль, отведенная этому «наднациональному» типу изопродукции, которая заполонила современные музеи и галереи западного мира. Разрушить прекрасное, ниспровергнуть понятие о красоте, воспитать в людях «пренебрежение к традиционным культурным ценностям» — такие слова увидел я на днях в одном из последних номеров одного из американских журналов. Правда, одно становилось ясным после прочтения материала — это глядело между строчек — «авангард» устарел! Мало того, он надоел людям, опостылел и осточертел.

К счастью, сегодня в мире искусства происходит удивительный процесс, отражающий неумолимый ход развития новой цивилизации. В ответ на быстро сокращающиеся пространства, разделяющие континенты и отдельные государства за счет невероятного прогресса техники, радио, телевидения, авиации, как ни странно, все большую и большую ценность обретают произведения национальных, ярко очерченных культур. Не стертые грани «всесветных» модернистских «опусов», а ясные, глубоко традиционные, имеющие могучие корни, взращенные на родной почве, реалистические творения вновь обретают истинную ценность и предстают перед нами во всей своей силе и красоте. И только в обмене этими сокровищами, в мирном развитии, в обмене духовным наследием народов мира — залог дальнейшего прогресса искусства, призванного нести людям земли свет, правду и любовь к прекрасному.

Лидером в этом всесветном противоборстве реализма с формализмом, в этой битве за восстановление гуманистической значимости искусства выступает наша великая Родина, тщательно оберегавшая, сохранившая и развивающая замечательные традиции своей многонациональной и мировой культуры.

В РАБОЧЕЙ НЕДЕЛЕ — 20 ЧАСОВ

Ия МЕСХИ

На столе директора руставского завода «Химволокно» Ивана Михайловича Грдзелидзе громадная катушка с намотанным на нее белым жгутом. Это сноповязальный жгут полипропиленового происхождения. Оказывается, металлическая проволока, которой вяжут на поле тюки соломы и сена, дурно влияет на здоровье коров. Теперь проволоку будут заменять вот этим самым жгутом. Не говоря уже о том, что он в десять раз дешевле металлического собрата, и о большой экономии металла, корм наших буренушек будет избавлен от вредных примесей.

Нежно поглаживая катушку, Иван Михайлович говорит о пусконаладочных работах в новом цехе, который впервые в стране будет выпускать эту важную для сельского хозяйства продукцию. Конечно, на заводе трудно с кадрами квалифицированных рабочих, придется перебрасывать их из других цехов, хотя и там не густо рабочей силы. Вот о нехватке рабочей силы и идет сейчас разговор. И поскольку предприятие на две трети женское — о нехватке женской рабочей силы.

В 1977 году по городу Рустави было расклеено объявление, в коем «Химволокно» приглашало женщин, занятых домашним хозяйством, на завод: рабочий день — четыре часа. Кое-кто откликнулся, пришел. Но завод совершенно к этому не подготовился. Хорошее начинание не дало ожидаемого эффекта. Поэтому в прошлом году, когда второй крутильный цех потока корда остро переживал нехватку рабочих рук, здесь, учтя ошибки прошлого, взялись за новое дело куда более продуманно.

— Мы наметили ряд улиц,— рассказывают секретарь парторганизации цеха Нанули Мозаидзе и председатель цехкома Мери Ломидзе,— составили списки домашних хозяек и пошли по квартирам. Объявление — это хорошо, но человеческий разговор — лучше. И вот только у нас в цехе уже пятьдесят две съемщицы работают половину рабочего дня — четыре часа. 52 «половинки» — это 26 «целых». Как будто не так уж много для цеха, но оборудование теперь не простаивает, продукция выпускается исправно.

Хорошо приготовились к приему «четырехчасовиков» и на потоке шелка во втором крутильном цехе. Хоть сто женщин придут — для всех будет работа. Но вот где найти этих женщин, готовых работать по четыре часа? Значит, надо терпеливо и настойчиво, как Мозаидзе и Ломидзе, ходить из дома в дом, из семьи в семью. Есть, конечно, принципиальные домоседки: «муж не разрешает работать...», «не хочу разрываться между домом и работой: лучше одно дело делать хорошо...», «много буду работать — рано состарюсь...». С ними разговор особый, трудный. Но ведь есть много женщин, которые были бы не прочь от домашних хлопот на четыре часа в день перенестись в другой мир. Мир, который даст им чувство общественной нужности и изрядную толику денег в общую копилку семьи. В этом самом объявлении, которым и сейчас пользуются кадровики «Химволокна», сказано: «На лиц, принятых на работу с четырехчасовым рабочим днем, распространяются льготы, которыми пользуются рабочие завода, работающие полный рабочий день».

И вот любопытная тенденция, которую подметил директор завода:

— Придет домашняя хозяйка на завод. Ее, кажется, очень устраивает четырехчасовой рабочий день. Но, поработав месяц-другой, она подает заявление: «Хочу работать полный рабочий день. Появились новые возможности». Таких из них в нашем коллективе уже около тридцати процентов. Но бывает и другое. В семье внезапно какие-то сложности остро дали знать о себе. Раньше работница, не задумываясь, уходила с завода. А теперь не спешит с таким решением, просит перевести на четырехчасовой рабочий день. Что и говорить, это осложняет работу администрации, но я считаю, что мы должны идти на такое...

По-разному решается эта непростая проблема. Года два назад, вникая в ее суть на тбилисской швейной фабрике имени 1 Мая, я познакомилась там с одной небольшой бригадой четырехчасовиков. Сейчас у первомайцев 180 таких работниц. Значит, пошло тут это дело, жизненным оказалось?

Пошло оно даже на таком архиблагополучном в смысле кадров тбилисском предприятии, как трикотажная фабрика № 3 производственного объединения «Бахтриони» (работает в одну смену — желающих хоть отбавляй!). Но ведь дело не в том, что кадров вдоволь. И тут у кого-то из работниц обстоятельства (дети, учеба) сложились так, что не может она отдать фабрике восемь часов. И переводят ее без ущерба для производства на четырехчасовой рабочий день.

А вот в Гори, на хлопчатобумажном комбинате, простаивают в среднем 60 прядильных машин и 150 ткацких станков. Это равносильно потере двух тысяч метров ткани в день. Не хватает рабочих рук. Не хватает, потому что очень высок процент невыхода на работу по семейным обстоятельствам.

Что же предлагают горийцы? «На крупных предприятиях, при объектах общественного питания создать бюро заказов, чтобы перед началом смены работницы могли заказать домашний обед, а возвращаясь с работы, забрать его.

Помимо групп продленного дня в школах, организовать при домоуправлениях детские кружки по интересам, комнаты для приготовления уроков для детей, чьи матери работают во вторую смену.

Надо изменить режим деятельности поликлиник, где часы приема больных совпадают с часами работы на предприятиях».

Это я уже цитирую выступление секретаря парткома Горийского хлопчатобумажного комбината Н. Г. Гелашвили на XXVI съезде Компартии Грузии, состоявшемся в конце января этого года, вернее, на одном из заседаний рабочих групп съезда.

Одна из рабочих групп съезда обсуждала проблему: как лучше использовать в республике трудовые ресурсы. Присоединимся к ней и увидим, сколько тут самых разных аспектов.

Из выступления кутаисского делегата М. Г. Чхиладзе выясняется, что детских садов-яслей в городе вдвое меньше, чем это предусмотрено общесоюзными нормами. А город в связи с расширением двух промышленных предприятий потребует значительного количества рабочих рук.

Но промышленность ныне нуждается не просто в рабочей силе, а в рабочих-специалистах. И вот делегат С. Т. Ригвава, председатель Госкомитета республики по профтехобразованию, большую часть своего выступления посвящает увеличению притока девушек в ПТУ. «Мы уже сейчас готовим кадры,— говорит он,— для завода цветных телевизоров, который строится в Тбилиси. Трудиться на нем главным образом будут девушки».

Особенно остро проблема женской занятости стоит в горных и высокогорных районах республики. Здесь для женщин открыты филиалы швейных, обувных, ткацких предприятий, но делегаты съезда Компартии Грузии обращают внимание на то, что таких филиалов пока мало, их надо увеличить в два-три раза. А в таких районах, как, например, Местийский (Верхняя Сванетия) или Казбегский (близ Крестового перевала), возродить с помощью надомничества народные промыслы, наладить производство национальных изделий из шерсти...

А разве не вызывает беспокойства проблема занятости женщин-специалистов с высшим образованием? Кстати, их в республике на два процента больше, чем мужчин. Получив дипломы и обзаведясь семьей, они порой оседают в городах: тысячи педагогов, врачей, агрономов. А в селах их не хватает... Об этом говорил делегат из Абхазии Г. К. Начкебия.

И, конечно же, с трибуны съезда раздавались голоса в защиту «четырехчасовиков». Помощник мастера Тбилисского камвольно-суконного комбината делегат Н. В. Полканова, рассказав, как работают ее подруги по сокращенному рабочему графику, настойчиво призывала руководителей предприятий расширить подобную практику.

К сожалению, призыв этот не всеми был правильно воспринят. По-разному реагировали хозяйственники. Вот два мнения:

— Работница, занятая на производстве полный рабочий день, имеет, как говорится, разгон во времени, чтобы выйти затем на высокий рубеж, перевыполнить плановое задание. А от тех, кто работает по сокращенному графику, особого перевыполнения не жди. Поэтому я их не очень-то жалую, хотя и терплю.

А вот и второе:

— Да, женщина, работающая четыре часа, приходит в цех ненадолго. Но зато сразу принимается за работу, зная, что времени у нее немного. И не успевает почувствовать усталости. Перемена обстановки ее нередко даже бодрит.

Своя точка зрения на эти проблемы у Русуданы Александровны Джапаридзе, председателя республиканского Госкомитета по труду (прежде она прошла школу мастера на Руставском металлургическом заводе, работала секретарем Руставского горкома партии):

— Позиция второго товарища мне более симпатична, потому что она гуманна. Но даже если оставить в стороне эмоции и проанализировать заработки работниц, занятых на производстве только четыре часа, то мы увидим, что эти люди приходят в цех не для того, чтобы покрутиться несколько часов и уйти. В ведомостях на зарплату у многих из них отнюдь не половинный, а гораздо больший заработок. Но главное в том, что они вовлечены в общественно полезный труд. Может быть, это наше будущее — женщины, работающие лишь четыре часа в день, но непременно работающие.

Д. ИВАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

РЕКА С БЫСТРЫМ ТЕЧЕНИЕМ

1

Каждый новый прожитый день являет нам примеры великих свершений советских людей. Еще более величественны планы, которые ставит перед народом наша партия. Задача литературы — вдохновенно воплотить дела и чаяния современников, становление характеров смелых, высоких, всей душою устремленных к благу страны, ведущих в бой за наши идеалы, за торжество справедливости и добра. Вот почему именно нравственный облик современника все решительнее выходит в искусстве на передний план. Глубоко и проникновенно прозвучали в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии слова о растущем внимании нашего общества к вопросам морали. «Человеческие отношения на производстве и в быту, сложный внутренний мир личности, ее место на нашей неспокойной планете,— подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев,— все это неисчерпаемая область художественных поисков».

Действительно, литература и искусство — это всегда поиск, всегда попытка выявить в действительности, в человеке характерное, определяющее. Одна из наиболее существенных примет сегодняшней жизни — возросшая ответственность человека перед временем, перед другими, перед самим собою. Это — насущное требование дня, и человек знает, сознает свое новое положение, стремится ему соответствовать, — но дается это непросто, в борьбе, в которой возможны не только приобретения, но и утраты человеческого в человеке. Писатель не вправе закрывать здесь глаза, его дело — правдиво, художественно полнокровно воплотить и дать верную оценку явлению, к которому он обратился.

...В одном из рассказов Владимира Маканина — писателя, чей роман «Прямая линия» по справедливости привлек внимание еще в середине 60-х годов, но сделавшегося вдруг (да, вдруг, ибо до этого он упрямо, ищуще, прозревая, в ы п и с ы в а л с я) на устах у многих лишь в самые последние годы, — герой внезапно постигает: «Эхая быстрая река — жизнь. Сносит течением, и все тут дела...»

Метафора — из обыкновеннейших, но тогда она нечаянно, что ли, как иголочкой, кольнула в сердце... Вот река, а вон другой, и д е а л ь н ы й берег, — надо только п е р е п л ы т ь. А жизнь с н о с и т...

Да, вот течет она перед всяким, и в какой-то миг едва ли не каждый начинает различать, что на другом берегу, реже — прямо по курсу, чаще — уже, к сожалению, выше, так что надо выгребать и выгребать, — самые простые, обыкновенные, но и самые необходимые человеческие идеалы (или жизненные ценности, как их теперь зачем-то оценивающе именуют): добро, любовь, правда — те самые, вечные, к которым во все времена тянулись людские души, во имя которых пускались в жизненное плавание и коих достигали, если ставили своей целью идеалы еще более возвышенные, идеалы социальной справедливости,— те, что и лежат выше по течению реки жизни, и если к ним стремиться, то, даже не справившись с жизненным потоком, будешь приближаться к разумному, доброму, вечному.

Ныне, как никогда, думается, непреходящие смысл и значение этих первооснов нравственности сделались понятнее, яснее, конкретнее — другой, идеальный берег как бы приблизился, стал, как кажется, достижимее, до него чуть ли не рукой подать. Но — сошлись берега, и течение жизни сразу усилилось, и сносит, ой как многих сносит...

«Текучая» эта ассоциация всплыла в памяти не случайно, но в связи с «водостихийным» же названием заинтересовавшего нас критического выступления писателя Анатолия Курчаткина — «Бремя штиля» («Литературное обозрение» № 12, 1980), в котором он ведет речь о «писателях последнего по времени вхождения в литературу поколения (не такого уж молодого по возрасту)» и одним из первых называет имя В. Маканина. Да и на заключительной странице прозаического произведения А. Курчаткина — его новой повести «Гамлет из поселка Уш» («Октябрь» № 8, 1980) мы также встречаемся с близким образом:

«Куда несет меня в этом мощном, обвально грохочущем от собственного движения, закручивающемся воронками, взбухающем буграми волн потоке, где исток его, и где устье, где берега его — и есть ли они? — ничего не видно и ничего не слышно, и не за что уцепиться, чтоб оглядеться; тащит тебя, ломает и крутит, только-то и хватает сил — не захлебнуться, работать, работать, работать руками и ногами, чтоб не утянуло вниз, не захлестнуло, не накрыло бы с головой...»

Странное, а лучше сказать — двойственное впечатление произвели на нас эти строки. Не ожидали мы подобного всплеска чувств от Виталия Вылегжанина, героя курчаткинской повести. И то, ч т о мы узнали об этом мужчине в зените жизни, тридцатитрехлетнем «сменном электрике ремонтно-механического цеха горно-обогатительного комбината», и то, к а к это написано, не обещало такой силы переживаний.

Вот вернулся он из отпуска с теплого моря, «завтра на работу — в прежние постромки», а сегодня он еще на отдыхе, встал в очередь за пивом, задрался на мужика, нечаянно наступившего ему на ногу, потом зачем-то вскочил в автобус, зачем-то выскочил посреди дороги, там его окликнул приятель, но Виталий не захотел распить с ним бутылку красного, снова залез в автобус, приехал к показавшейся желанной любовнице, но та его спровадила — ждала «соперника», Виталий его усмотрел, «потом стоял и стоял, глядя вниз, на голубевшее новой крышей крыльцо — сам делал нынешней весной...», потом пошел в кино, проспал весь сеанс, вернулся в общежитие...

Скука, если представить, действительно страшная. Действительно, пропадает ведь человек... Почему же раньше мы этого не почувствовали, не заметили, не представили себе?

Да потому, что так это представлено в повести: не задевает, не волнует, не впечатляет. Надо долго самому, за писателя, напрягать воображение, чтобы исполненная им картина о ж и л а, перестала быть дряблой и невыразительной, плоской и односторонней. И не след думать, что всему здесь виною мелкотемье, бытописательство, прозаичность происходящего. Мелкотемье в искусстве — реальный факт, однако гораздо чаще случается мелкое исполнение выбранной темы. Это — с одной стороны.

А с другой — картина у А. Курчаткина получилась плоской, односторонней не оттого, что изображена она исключительно с точки зрения героя с опустошенной душой, а потому, что односторонне, схематично выведен сам этот характер.

Начнем заново — пропадает ли Виталий?

То, что он неблагополучен, не вызывает сомнения. Тридцать три человеку, а жизнь не сложилась. Точнее сказать, он сам не сложил свою жизнь. Еще точнее — однажды он выбился из наезженной и предназначенной колеи, а другой до сих пор не нашел... Однажды — это пятнадцать лет назад, когда Виталий бежал из института, а главное — от дома, где предавали его и друг друга, от родителей, разменявших, разрушивших свою жизнь ради преуспеяния и благополучия, в погоне за ними. Для отца единственной целью было продвижение, мать, не находя сил сопротивляться, тянулась за ним, детское сердечко разрывалось от муки заброшенности, затем омертвело от холода безразличия, наконец столкнулось впрямую с подлостью... Как раз эта часть, прошлое героя, написана у Курчаткина плотно, объемно, пластично, свидетельствуя о немалых возможностях писателя.

...С того времени сколько воды утекло, но и сегодня Виталий живет с отравленным сердцем. Мужества вырваться из затягивающего, мутного, подлого омута ему достало, но увидеть открытый путь в жизнь, разглядеть, где «исток», где «устье», где «берега», он так и не может.

«Жить... Просто жить. Смысл жизни в том, чтобы просто жить»,— в юности в этом ответе матери Виталий усмотрел, и справедливо, лицемерную попытку уйти, спрятаться от жизни, от совести. И вот уже половину прожитого он и мучается и мечется со стройки на комбинат, пытаясь уяснить, ухватить действительный смысл, язвя себя одной и той же мыслью: «В чем было мое предназначение, что было предначертано мне? Или надписи правильно прочтены мною, и все осуществилось волею высшей, волею высших закономерностей и связей, смысл которых, как отпечаток ушедшей жизни на сломе угля, можно прочитать лишь п о с л е, п о т о м, и я — лишь перегной, из которого должно взойти что-то иное, что-то новое, неведомое мне и непостижимое сейчас моим тщедушным разумом?»

Слышите, как в нем трепещет каждой клеточкой собственное «я»? (Не забудем, однако, что речь ведем не о созданном писателем образе, а, увы, лишь по поводу его заявки на подобный реальный характер.) Оно, это «я», затмило ему свет, и не может никак понять человек вторую, главную половину правды: смысл жизни в том, чтобы просто жить д л я д р у г и х.

Но неужели это возможно — столько мучиться и метаться, залетать в мыслях так высоко и одновременно так умалять себя,— и не понять такое простое? Более того — отвергать всем существом зло и существовать, не нося в душе порывов к добру и любви? А раз так — как не сделаться в конце концов самому носителем зла?

И здесь мы оказываемся перед вопросом: верить или не верить писателю?

2

И вот теперь, думается, уместно вернуться к начатому разговору о Маканине.

В уже упоминавшейся статье А. Курчаткин напоминает, в частности, о незаслуженно безвестной «Повести о Старом поселке» В. Маканина, о ее герое Ключареве, существующем в «своей московской жизни в каком-то потерянном состоянии, пугающемся некоей бессмысленности ее», живущем «мечтой о «припадании» к роднику, к истоку» — мечтой, как оказывается, бесплодной,— но, по словам Курчаткина, «дело в том, что автор с самого начала знал истинную цену мечты героя, он лишь «прикинулся», что разделяет ее с ним, дабы последовать за героем и показать крах его самообмана». (Здесь невольно возникает параллель с собственным курчаткинским героем, из другого уже поселка,— мы об этом еще скажем.)

Однако в позднейшем рассказе «Ключарев и Алимушкин» мы застаем этого человека в момент, когда его уже «снесло» и «несет». И конечным идеалом ему служит теперь то, что так противно душе Виталия Вылегжанина,— преуспеяние. А цена его достижения все та же, самая обиходная, самая естественная для такого идеала,— предательство. (Как видим, писателей «последнего» поколения всерьез тревожат нение общие и, видимо, далеко не мелкие проблемы реальной действительности.)

Для воплощения этой невольной, безобразной и беспощадной взаимообусловленности Маканин в рассказе избирает обстоятельства некоторым образом мистические: люди, о которых судьба наперед и надежно позаботилась, чтобы их взаимосвязи отсутствовали, были обрублены,— все равно, оказывается, воздей-

ствуют друг на друга. «Человек заметил вдруг, что чем более везет в жизни ему, тем менее везет некоему другому человеку,— заметил он это случайно и даже неожиданно. Человеку это не понравилось. Он не был такой уж отчужденный, чтобы праздновать праздник, когда за стеной надсадно плачут. А получалось именно так или почти так. И ничего переиначить и переменить он не мог, потому что не все можно переменить и переиначить. И тогда он стал привыкать... И тогда человек перестал думать об этом — в конце концов, сколько можно думать об одном и том же. В конце концов это утомляет. Вот, собственно, и вся история. Но тут важны подробности...»

Действительно, подробности здесь очень важны, и надо читать рассказ весь, целиком, как надо читать и другие нынешние рассказы Маканина, такие, как «Полоса обменов» и «Отдушина», или последнюю его повесть «Голоса».

Это настоящая, не вымученная проза, не набор первых попавшихся, хотя и узнаваемых наблюдений и подробностей,— это живая, четкая, глубоко осмысленная картина, написанная мазками сочными, емкими, хлесткими. Каждое слово прочно стоит на своем месте, потому что они отобраны, их необходимостью управляет ритм, открытый именно Маканиным в настоящей, живой жизни и в своем, созвучно с ней бьющемся сердце. Писатель не боится обнаружить себя, свое отношение, не скрывается за видимостью объективности,— чего скрывать, когда сердце и болит за своих персонажей и кипит ядом на них. А ирония, разлитая во многих строках,— это как раз способ выразить, донести одновременно эти переполняющие писателя боль и ненависть, сострадание и страдание за людей с маленькой, с уменьшившейся совестью, не делающих трагедий из жизни, не пропадающих в ней,— его герои предают друг друга деловито, обыденно, расчетливо.

«...Суть в том, что его, сорокалетнего преподавателя, с детства помешавшегося на стихах Лермонтова, тянет к Алевтине и именно к ней. Это как любовь, а может быть, это и есть любовь или вид любви. Отдушина — это отдушина, и никак не меньше; это, пожалуй, индивидуально и избирательно, и не всякая женщина годится в отдушины, как не всякая женщина годится в жены. А уж если тянет к стихам, не такое уж оно мелкое чувство, не прихоть и не блажь; тут своя боль, отдушина как-никак от слова «душа», и некоторые, например, старики на последнем своем больничном матрасе ни о чем более не думают, кроме как о той или иной отдушине; детство, между прочим, тоже отдушина».

И вот все они трое — и Михайлов, и Стрепетов, и первой сама Алевтина — тщательно выбирают, вымеряют, высчитывают себе отдушину и наконец начинают мену, торг, продавая и предавая вместе с душою чужую душу собственную, и уж они-то знают, к какому полюсу на другом берегу держат путь, знают, куда их несет, знают...

Ну, а герой Курчаткина? Если он неблагополучен, если гонки за преуспеянием его отталкивают,— что мешает ему перестать барахтаться и поплыть против течения, к истокам?.. Оказывается (и оказывается в самом конце повести), что он и шалопут еще — «без корней родился и пускать их не умеет». «...О, как не хватает, — тяготится Виталий, — рядом с твоей жизнью жизней твоих ушедших, скрывшихся во мгле прошлого предков, жизни твоей фамилии, твоего рода».

Как тут не посочувствовать: корни, истоки, память, безусловно, необходимы, куда как важны. Но вот, с другой стороны, у Ключарева в Старом поселке были корни, но надежда на них оказалась плоха; и странно, что о чужом герое Курчаткин это знает, а о своем забывает. Но что еще страннее: неужто корни — единственный источник любви и добра и иначе как без них невозможно увидеть берегов?.. Разве в окружающей, обтекающей Виталия живой жизни, сливающейся из миллионов истоков, не разлиты в каждой струйке и добро, любовь, правда и также, к несчастью, зло, ненависть, кривда? Их невозможно не почувствовать, а почувствовав, не сориентироваться, куда тебя несет; потому и бывают все люди хорошими или плохими, а обыкновенно — и хорошими и плохими вместе.

А Виталий ни плохой, ни хороший — никакой. И в этом — нелестная разгадка этого якобы характера из повести Курчаткина.

Ведь если он мечется и мучается, живет с опустошенной душою, не хватает в ней места для других, значит — не хватает в нем человеческого, ушло, умерло оно в нем, не проявившись. А свято место пусто не бывает: не хватает человека — значит, есть нечеловек, а уж он-то обязательно проявится. И потому Виталия должно сносить все ниже и ниже.

Неблагополучным, несчастным он писателю только кажется, вернее, писатель стремится нам таким его представить. На самом же деле для того, чтобы определить, каков человек, надо свести его с другими и посмотреть, как он себя поведет, а писатель этого не делает. За исключением выяснения отношений с отцом, который не идет у Виталия в счет из-за груза предательства, висящего на нем, Курчаткин не просто уберегает своего героя от любой стычки (в очереди ли за пивом или еще в одной похожей ситуации), он еще подставляет ему также не по видимости неблагополучных, а по сути никаких партнеров, вроде «любимой» Марии, или приятеля Половникова, или коменданта-инвалида.

Что же остается в результате? Слова, слова, слова — и голая схема, укрепленная именем Гамлета. Да-да, именно к тому, о чем мы забыли и думать — никак не всплывала подобная ассоциация,— писатель вновь возвращает нас предпоследней строкой на концентрированно-заключительной странице: «Гамлет я без шпаги, вот я кто».

Что ж, по некотором размышлении понимаем, что хотел сказать этим автор. Преследуемый призраком подленького благополучия, Виталий, словно принц датский, мстит — мстит неизвестно кому своей нескладной жизнью. Но мстит не борясь, не сражаясь, то есть он хотел бы таким образом мстить, на самом же деле так можно только отступать... А писатель этого не замечает.

3

Не секрет — не многие критики регулярно обращаются к творчеству новых авторов. Недаром все чаще слышны обиженные голоса: «прозябаем без критической опеки...» Тому, однако, есть и свои основательные причины. Например, читатель, быть может, вспомнит годовалой давности наши заметки на этих страницах — «Контуры жизни»: четыре новые фамилии, пять книг,— и действительно, лишь контуры, схема, в лучшем случае — тема или замысел, не получившие органического развития, но никак не живая жизнь. Но и если иметь прежде всего в виду удачные книги, все равно остается фактом, и критика тут на редкость единодушна: не появилось в минувшем десятилетии произведений новых авторов, что могли бы встать вровень с книгами, определившими лицо прозы 70-х годов,— такими, как «Царь-рыба» В. Астафьева, «Белый пароход» Ч. Айтматова, «Берег» Ю. Бондарева, «Усвятские шлемоносцы» Е. Носова, «Другая жизнь» Ю. Трифонова, «Прощание с Матерой» В. Распутина, последние произведения В. Шукшина.

И потому, видимо, могло казаться: если вдруг кто-то неизвестный приблизится к подлинному открытию в искусстве и в жизни, достигнет высокой художественности и правды, высокой правды и художественности,— то не важно, в общем-то, кто первым назовет такое открытие открытием,— главное, чтобы оно состоялось.

Но оказывается другое: внезапно с особой силой приходит понимание, какую стену воздвигаешь между собою и жизнью, не вбирая опыт нового, наступающего и наступившего, оставляя за бортом пусть негромкое, но свое, живое слово о времени и человеке, новое ощущение и знание действительности. Они ведь есть, есть у приходящих на наших глазах в литературу; второе дело, что пока им редко (реже, чем их предшественникам) удавалось выразить их художественно убедительно, тем более вдохновенно.

В своей статье «Бремя штиля» А. Курчаткин пробует определить основную примету «новой прозы» таким образом: «Проза, сформированная шестидесятыми, основывается на изображении, описании — воссоздании мира, и через это воссоздание идет постижение его; идет постижение основополагающих ценностных составляющих его бытия. Эта же новая проза как бы еще за пределами первой страницы произведения уже «умудрена» жизнью, мир в его нынешней данности как бы заранее постигнут ею, осознан и осмыслен, и главной ее целью в итоге оказывается не постижение ценностных составляющих в изображаемом процессе жизни, а поиск в ходе этого изображения некоего ценностного идеала».

Сказать по совести, Курчаткин нас запутал: в какой момент что воссоздается, а что постигается; что же такое у него основополагающие ценностные составляющие, и есть ли у них идеальная общечеловеческая равнодействующая... Со своей стороны, повторим: идеалы ныне, думается, ясны как никогда, зато труднее стало их достигать; жизнь стала лучше, но сложнее, ответственнее, от человека требуется бо́льшая самоотдача; новые авторы и стремятся выразить именно эту народившуюся коллизию, воплощая не поиск идеала, а сложности пути к нему, трудности борений с жизнью. Бег жизни усилился, одолевать ее приходится с большей затратой душевных сил, — немудрено, что тот или иной все чаще предпочитает избегать, уклоняться столкновений с ее течением, благо (конечно, благо, жить-то стало легче) все чаще и не висит над ним никакая в том необходимость, кроме моральной, человеческой.

Понятно, что в таких бес- или малоконфликтных, реально «штилевых» (воспользуемся этим определением, хотя и выбранным Курчаткиным по другому поводу) ситуациях писателя реже подстерегает удача в отличие от более — и это действительно так — выигрышных: когда правда дает бой кривде, когда добру четко противостоит зло.

Не потому ли все заметнее тенденция брать новые коллизии не впрямую, не в лоб, а в обход, иронически, например (как часто у В. Маканина или в «Победителе» Р. Киреева), или даже иносказательно, как сделал в своей новой повести «Живая вода» («Новый мир» № 8, 1980) Владимир Крупин.

4

Жил-был Кирпиков. Обыкновенно поселковые звали его, несмотря на почтенный возраст, Сашкой, и только когда подходила пора сажать картошку, пахать огороды и вся надежа была на лесбазовского мерина да Кирпикова, по должности володевшего им, начинали величать Александром Ивановичем, «наперебой угощали, лучше сказать, поили авансом, и, что важнее для него, выслушивали».

«Не в бархатный сезон, как сказал поэт, пришел в мир наш герой,— представляет читателю его Крупин,— прожил жизнь, как велели, и неужели кто-то осудит, что в эти минуты он сидит за кружкой пива?»

Так что же это за человек?

«...Он первый лез в воду на сплаве, работал в лесу еще при лежневках, когда не было котлопунктов, спать обычно бывало некогда, ждала работа. Не видя выхода, он придумал, что он трехжильный, что суровая жизнь есть закалка. Одна жила, говорил он, у всех, две кой у кого, а три у тех, на кого вся надежда». («Но что такое беспредельная закалка,— спрашивает тут же писатель,— как не изнурение?»)

За что просит бога простить его жена Варвара? «За то, что всю жизнь хребтину ломал, за это? За то, что пятерым детям образование дал? За то, что воевал? А? Что чужой копейки не взял? За это?»

Да, фантастическая, можно сказать, жизнь у них. «О, не одно европейское государство разместилось бы на поле, вспаханном Кирпиковым, какой альпинист взобрался бы на стог сена и соломы, наметанный Кирпиковым, какой деревянный город можно было выстроить из бревен, им заготовленных, сколько товарняков нужно было б, чтоб перевезти дрова, напиленные и расколотые им за всю жизнь, сколько людей согрелось бы у тепла этих дров!

А Варвара? Сколько перестирала она одного только белья — веревка сохнущих детских постирушек, мужниных рубах опоясала бы земной шар; студеной воды, перетасканной ею, хватило бы налить большое озеро».

Кого напоминает нам Кирпиков, так это Федора Кузькина по прозвищу Живой из одноименной повести Б. Можаева да Ивана Африкановича Дрынова из славной повести В. Белова с его вечным присловием: «Дело привычное. Жись...»,— такими же были, такими же и стали б, когда двадцать годков минуло... И так же, как они, душевно чувствует Кирпиков жизнь, окружающее... Или это еще и писатель вместе с ним, когда читаем:

«Вот так все и уходит, как уходит плывущая под нами земля, когда мы смотрим на облака. Родная земля моя, как спасает меня воспоминание о тебе. Северные моря мои — лесные озера, сладкий виноград мой — горькая рябина, сосны мои — корабельные мачты с натянутым парусом неба, стоящие в земле, как в палубе корабля. Укачай меня, судьба, я дитя в корабле-колыбели. «...взвейтеся, кони, и несите меня с этого света!.. вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном?..»

Догорел костер. Кирпиков еще долго лежал, смотрел в небо. Успокоение пришло к нему. Давно-давно сказал ему отец: «Ты ничего плохого не делал? Не обманывал? Не воровал? Тогда смотри всем прямо в глаза!»

Кирпиков и смотрел прямо и шел прямо по жизни, работая и живя прежде всего для других: «Он крепко следовал рассуждению, что если все будут ученые, то кто же будет ученых кормить? Кирпиков знал, что жил честно, а значит, хорошо, но если бы спросили, желает ли он такой жизни детям, он ответил бы: нет. Потому и выучил. И сверстники его учили детей, а те, подумал он с усмешкой, воротили морды от родителей. Но это другой вопрос».

Такие, как он,— истинно, без обмана, живая вода народа, земли родной.

Но сам Кирпиков этого никогда не сознавал;

не догадывался, что всей жизнью своей постиг ее высший смысл, ее правду; не сознавал и потому, наверное, что мало знал счастья: много всем отдавал, мало получал взамен от других. И ведь немного-то ему и нужно, и раньше, и теперь особенно: чтобы было для кого жить. Для всех, для других — да, но и для одной хоть родной души, для любимой внучки Машеньки... Но нет ее рядом, и привычно спасается Кирпиков вместе со всеми «живой водой» в пристанционном буфете.

Да, «живая вода» несет у Крупина и другой, противоположный смысл. Повесть и открывается присказкой о том, как заглянул к ним, к вятским мужикам, прохожий, посмотрел да и сказал: «Чего это вы так плохо живете? Живой воды, что ли, не пивали?» Ну, мужики расстарались, достали водицы — оказалось, не вода, а водка... Так что с первой же страницы открывается, что «живая вода» — обман, но с ним легче забывать себя и надеяться на чужого дядю, на чудо в конце концов. И когда Кирпиков задумался наконец (прихватило его спьяну так, что чуть не умер) над этим: не спасает «живая вода», наоборот, только облик свой теряем,—решил обновиться, измениться сам, потом изменить других,— соседи его не понимают, более того, не хорош он им стал. Тогда решил он уйти от них, углубиться в себя, дойти до правды, до смысла всего... Пока доходил — явилось-таки чудо. Один по его примеру тоже стал докапываться — и докопался до источника новой «живой воды», безалкогольной. Но если от старой они лицо теряли, то от новой сделались на одно лицо.

Опять обманулись мужики, Кирпиков опять совестит их. Он-то выбрался из «живой воды», а они? И жалко, и смешно, и правда...

«— Нищее сердце, не бейся: все мы обмануты счастьем! — кричал Вася и пускал слезу...
— Мелкие люди,—сказал Кирпиков.— Я вас всех по колено вброд перейду.
Он пошел к выходу, открыл дверь... и услышал, как язвительно крикнули:
— Сам-то глубокий!
Он задержался и спокойно ответил:
— Нет.
— Ну так чего?— Он узнал Зотова.
—За всех вас столько горя приняли.
— Я не просил,— ответил Зотов.
— Такую чашу выпили.
— Мы, может, побольше выпьем, откуда ты знаешь?— ответил Зотов...»

Так и всюду в повести — низкое мешается с высоким, пошлое оказывается рядом с подлинно человеческим. Кажется, смех да и только тут,— но это смех сквозь слезы... Да, мелкие, да, не трехжильные, не на них надежда,— но ведь и сам Кирпиков сколько дожидался звонка с того света?

И как в жизни, оказывается, смешаны высокое и низкое значения «живой воды», так постоянно ощущается в повести не двусмысленность, а два глубоких и противоречивых смысла — и боль и свет...

Крупин не замыкает действительность на обитателях поселка: рядом с ними люди, хранящие красоту, оберегающие лес, природу, твердо стоящие на земле, верящие не в чудо, а в людей, таких же, как они. И это прекрасно. Но прежде всего повесть органична единством мироощущения, с которым закрываешь последнюю страницу: боль проходит, свет остается; остается грустная и светлая, обнадеживающая улыбка:

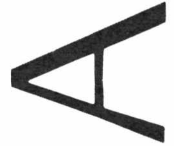
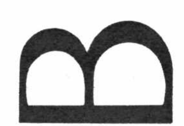
«Никакая тучка не мешала солнцу греть землю и все, что есть на ней. Но такие дни посылаются не только для радости, они и для работы. Надо обязательно делать что-то хорошее и нужное, чтобы делом своим, пусть маленьким, отблагодарить за такой день. Но самое смешное, что делать в такие дни ничего не хочется...

И было бы спокойно думать, что те, кто был до тебя, видели такие дни, и хорошо бы, чтобы те, кто будет после, увидели бы их тоже».

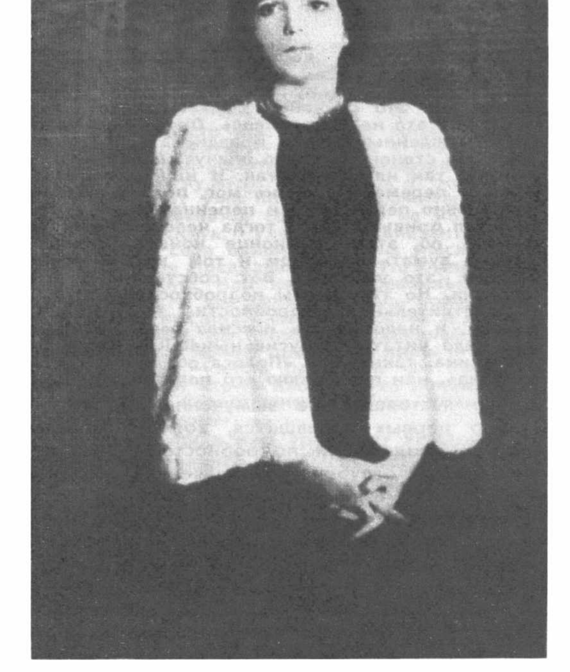
* * *

Новые авторы, спешащие за сегодняшним днем, их книги, только что бывшие совсем новыми, герои этих книг — люди, не справившиеся с течением жизни... Будем с нетерпением ждать новых книг, что познакомят нас с героями, которыми действительно славно наше время, — героями подлинными, ибо время требует героизма и самопожертвования, ибо жизни всегда очень нужны люди, живущие для других.

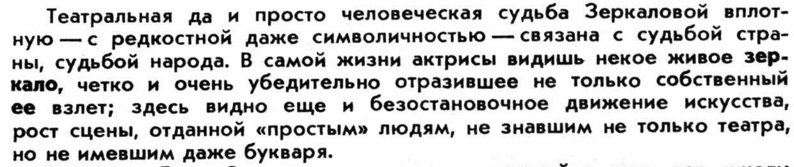
К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЗЕРКАЛОВА

Б. Иогансон.
ПОРТРЕТ АКТРИСЫ.

Театральная да и просто человеческая судьба Зеркаловой вплотную — с редкостной даже символичностью — связана с судьбой страны, судьбой народа. В самой жизни актрисы видишь некое живое **зеркало**, четко и очень убедительно отразившее не только собственный ее взлет; здесь видно еще и безостановочное движение искусства, рост сцены, отданной «простым» людям, не знавшим не только театра, но не имевшим даже букваря.

Впрочем, Даша Зеркалова, оставшаяся сиротой в семь лет, школу окончила: способную, красивую девочку пожалели добрые люди и устроили учиться бесплатно; она была «последышем», младшим ребенком в большой, многодетной семье, потерявшей отца-кормильца...

Учиться Даше нравилось. И училась она легко. Первые же прочитанные книги, выученные стихи девочка декламировала «с выражением», а в тринадцать лет стала «артисткой настоящей», будучи приглашена сыграть Анютку в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

Толстовский спектакль был устроен обществом «Трезвость» в Одессе, где жили Зеркаловы; общество это имело огромную популярность в народе и на свои представления собирало множество публики, самой разношерстной. На том спектакле вся публика равно пришла от Анютки — Зеркаловой в восторг; сама же Даша окончательно утвердилась в выборе будущей профессии.

Одесская театральная труппа охотно приняла девушку в свой состав: амплуа инженю удавалось ей как бы само собой, без всякой подготовки. Правда, удачное вроде бы начало артистической карьеры пока еще отнюдь не сулило серьезного продолжения: в случайном, проходном репертуаре первых лет революции редко попадались роли значительные. Но Зеркалова даже в пустяковых поделках ухитрялась отыскивать и создавать характеры живые, инстинктивно обогащая всякую роль приметами собственной яркой натуры.

Зато, когда и самый театр окреп, когда и спектакли стали серьезными, когда начались поездки актрисы по стране, когда появилось множество новых впечатлений, запоминающихся важных встреч и со зрителями и с крупными деятелями советского театра, артистический рост Зеркаловой стал поистине стремителен. В Москву, в Центральный театр Красной Армии, она поступила, уже имея достаточно прочную сценическую биографию — свой облик, более всего выявленный к этому времени работой в театрах Киева и Харькова. Особенного успеха актриса добилась, сыграв погодинскую Анку в «Поэме о топоре»; прежние «девчонки», у которых была лишь молодость и красота Зеркаловой, получили духовность и внутреннюю энергию, высокий **рабочий** смысл жизни.

На сцене ЦТКА, где Зеркалова играет в пьесах Островского, Горького, Корнейчука, диапазон ее творчества становится по-настоящему широким. Репертуар актрисы богат и многолик; в нем отражены судьбы разные, но все — значительные: Тугина в «Последней жертве», Елена в «Мещанах», Оксана в «Гибели эскадры»...

В Малый театр актриса приходит уже как зрелый, опытный мастер, осознанно владеющий своими богатыми возможностями, зная до тонкости те секреты создания образа, которые прежде она отыскивала интуитивно, ощупью.

Огромное внутреннее разнообразие, несхожесть героинь Зеркаловой заставляют зрителей восхищаться ими, помнить их.

В самом деле, свойства взаимоисключающие, полярные несут в себе, например, бальзаковская Евгения Гранде и Элиза Дулитл в «Пигмалионе» Б. Шоу; героини Островского — Глафира в «Волках и овцах» и Кручинина в «Без вины виноватые», Елена в пьесе Л. Леонова «Волк» и Рашель в горьковской «Вассе Железновой»... А ведь все они — и каждая по-своему — требуют не только нравственного, но, кажется, даже и физического перевоплощения. У Зеркаловой так и было: что ни роль, то явление новое, живое, незнакомое. Ни малейшего заимствования из того, что уже было создано, что появилось на сцене ранее.

Актриса-новатор, актриса-мастер, актриса—труженик и общественник... Большими буквами вписала свое имя в историю советской сцены Дарья Васильевна Зеркалова, народная артистка СССР. Поблагодарим же ее. И пожелаем ей долгих лет, доброго здоровья.

Н. ТОЛЧЕНОВА

1

1

О. Уайльд. «Веер леди Уиндермиер».

2

«Человек бросает якорь» Имрана Касумова. Зеркалова в роли Шамамы.

3

А. Н. Островский: «Волки и овцы». На сцене Малого театра — вместе с А. А. Яблочкиной...

4

«Евгения Гранде» (по Бальзаку). Зеркалова в заглавной роли; Шарль — М. И. Царев.

5

Б. Шоу. Элиза Дулитл в «Пигмалионе».

2

3

4

5

интервью «огонька»

НЕ БОЙТЕСЬ НЕДОСПАТЬ

Нет, думается, языка и наречия, в котором не бытовало бы пословиц и поговорок, связанных со сном. В русском языке, во всяком случае, их десятки, сотни: «Сон милее отца и матери», «Милая подружка-подушка», «Сон правду скажет, да не всякому», «С горем переспать — горя не видать»... Чуть ли не с детства занимают нас вопросы: зачем человеку сон, обязательно ли отдавать ему треть жизни, то есть двадцать — двадцать пять лет; когда лучше вставать и ложиться; в каком положении спать; как образуются и объясняются сновидения... В последнее время в связи со всевозможными стрессами, огромными информационными и эмоциональными перегрузками изучению сна уделяется все больше внимания. Ведь по анкетным данным, чуть ли не половина всех людей недовольны своим сном, в мире поглощаются миллионы снотворных таблеток, транквилизаторов, седативных средств. Работают специальные научные центры, институты, лаборатории, выпускаются книги и брошюры на тему человеческого сна...

Профессор А. М. ВЕЙН

— И все-таки ученые еще далеко не все знают о природе столь важного для жизни состояния человека, — говорит один из ведущих советских исследователей в области физиологии и патологии сна и бодрствования, доктор медицинских наук, профессор Первого московского медицинского института Александр Моисеевич ВЕЙН.— Неизвестно пока, например, отчего человек зевает. Великолепно изучены мышечные механизмы зевоты, но почему, когда в автобусе, электричке или в комнате, допустим, перед телевизором зевает один, чаще всего начинают зевать и другие? Существует предположение, что зевком в давние времена наши предки подавали племени сигнал ко сну, не умея еще говорить. Но почему зевает человек и утром и днем на скучной лекции или в кинотеатре, почему зевает спортсмен перед стартом? Некоторые считают — от недостатка кислорода. Но откуда этот недостаток?

Да и вообще не установлено еще точно, зачем нужен человеку и всему живому сон.

— Для того, чтобы отдохнуть от дневных трудов и забот, наверное?

— А суслику, спящему девять месяцев в году и все ночи подряд в остальные три месяца? А младенцу, спящему две трети суток? А жирному коту на диване? Не говоря уж о вовсе не подвижных растениях, которые спят от зари до зари...

Мысль о том, что не бодрствование, а сон — исходное состояние жизни, — естественна, и за последние полтора века ее многие высказывали. Установлено было и то, что во сне ослаблены лишь те жизненные процессы, которые имеют отношение к связи организма со средой. Работа же кровеносной системы и пищеварения не ослаблена, а видоизменена. В начале прошлого века сформировалась циркуляторная теория. Ее сторонники связывали сон с застоем крови в мозгу, а застой считали следствием горизонтального положения тела. Но после того, как выяснилось, что в работающих органах сосуды расширяются, и к ним притекает больше крови, сон стали рассматривать как результат анемии, то есть отлива крови от мозга, его отдых. В конце прошлого века так называемая химическая теория выдвинула тезис о том, что организм — это фабрика ядов и во сне очищается от накопленных за день засорений. Но швейцарский ученый Эдмунд Клапаред возразил на это: часто мы засыпаем, не будучи утомленными, а сильная усталость не всегда дает нам заснуть. Куда же деваются яды при бессоннице? Да и невозможно представить, что ежедневное отравление не приносило бы никакого вреда организму...

Теорий и догадок было очень много. Но по-настоящему изучение сна началось, можно считать, с открытием энцефалографии: ученые получили возможность заглянуть в мозг человека. Точно было установлено, что представления о сне как о пассивном процессе или каком-то торможении лишены основания. Сон — сумма сложнейших процессов. Во сне многие нейроны даже усиливают свою спонтанную активность, выделяются гормоны роста, продолжается синтез белка... Одну из своих статей я так и назвал: «Сон — это работа».

— И сколько часов такой своеобразной работы практически нужно среднему современному человеку?

— Точных цифр назвать нельзя. Младенцы спят шестнадцать часов в сутки, в шестилетнем возрасте человек спит часов одиннадцать, потом девять, и после двадцати лет — семь-восемь часов. В старости человек ночью спит меньше, но любит поспать днем, после обеда. Это известные данные. Но ведь Петр I, Наполеон, Гумбольдт, Мирабо, Шиллер, Гете, Бехтерев и академик Вавилов спали по четыре-пять часов в сутки, а Эдисон — три, а то и два часа... И тут же к месту, мне думается, вспомнить рассказ Миклухо-Маклая о папуасах, которые спят очень много и засыпают в любых положениях. Безусловно, излишне много спят люди с довольно низким интеллектом, инертные. Но, как говорится, хозяин-барин, каждому свое. Любые рекомендации в этом вопросе были бы бесполезны. Человек деятельный, энергичный просто не сможет спать больше, чем требует его организм.

— В большинстве южных стран весьма распространен обычай спать днем, так называемая сьеста. Да и в нашей полосе многие не против в середине дня прикорнуть часа на полтора-два. Что вы думаете по этому поводу?

— Что касается южных стран, то главная причина — жара. Люди очень рано встают, рабочий день начинается почти на рассвете, пока еще не слишком припекает, а ложатся поздно. Ритм, включающий недолгий сон днем, вырабатывался на юге тысячелетиями. И в средней полосе привычка спать днем никому не мешает. Уинстон Черчилль, доживший до глубокой старости, регулярно спал днем, причем ложился в постель раздетым. Так же поступают и некоторые известные ученые, даже если имеют в распоряжении не больше получаса. По их мнению, только такой сон приносит необходимый отдых. Если ночной сон был полноценным, то дневной вовсе не обязателен. Но врачи, конечно, не собираются отговаривать от дневного сна тех, у кого есть для него возможность, кто привык к нему.

— На улицах, в городском транспорте часто можно видеть дремлющих и полудремлющих людей. Особенно осенью или зимой, в пасмурную погоду... Что это? Недосыпание или какая-нибудь болезнь?

— Сонливость может быть патологической, но чаще всего мы встречаемся в обычной жизни с другим. Дремлют те, кому скучно, кто ничем не увлечен, для кого день за днем тянутся нескончаемой и нудной вереницей. Способствует этому однообразие занятий, однообразие в заботах, встречах, одежде... Человека творческого, кем бы он ни был по профессии — художником или инженером, модельером или стеклодувом, человека, постоянно что-то изобретающего, сочиняющего, переживающего за что-то или за кого-то, редко можно видеть сонным... «Сон неумеренный вреден», — говорит Одиссею божественный свинопас Евмей.

— Кажется, у Марины Цветаевой:

«В мозгу ухаб пролёжан,—
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны».

Сновидения в жизни человека играют немалую роль, судя хотя бы по произведениям мировой литературы. У того же Гомера Ахиллес советует Агамемнону узнать, чем раздражен Аполлон, пославший мор на лагерь ахеян, у толкователя снов. Вспомним сонники «Три тысячи снов», «Ворожею», «Морфея», «Мартына Задеку» или даже произведения Толстого, Пушкина, Чернышевского, Гончарова, Хемингуэя, старику которого, бедному и неудачливому, постоянно снились львы... Без снов ведь, согласитесь, наша жизнь была бы бедней. Но некоторые их не видят, тем более если на сон отводится немного...

— Спать без сновидений человек не может. Иногда он их просто не помнит. С тем, что сновидения играют в нашей жизни большую роль, согласен.

В основе знаменитой теории сновидений Зигмунда Фрейда лежали мысли, высказанные до него, в частности, русским ученым И. Г. Оршанским, опубликовавшим в 1878 году книгу «Сон и сновидения с точки зрения ритма». В сновидениях биолог выделил те самые «придавленные» влечения, с которыми человек постоянно борется — зависть, тщеславие, сладострастие — и на которых построил свою теорию Фрейд. У австрийского ученого «осадок» дня переплетается с воспоминаниями, переливается в образы, дающие выход подавленным, в основном сексуальным и агрессивным влечениям. Но в эти рамки человеческий сон, конечно, не укладывается, и ученики Фрейда поняли это. Во сне человек, его мозг продолжают решать проблемы, не решенные днем, и они гораздо разнообразней. Можно мучительно думать о том, где бы что-то «достать», а можно сочинить канон, уснув в карете, как это случилось с Бетховеном, или найти наиболее подходящее место для резервного полка в ночь перед битвой... Менделеев увидел во сне окончательный вариант

Розы и сигара. (Филиппины.)

ELLEGRINO
imonata

своей таблицы. П. В. Анненков утверждает, что строчки из стихотворения «Лицинию» — «Пускай Глицерия, красавица младая, равно всем общая, как чаша круговая...» — Пушкину приснились. «Проснувшись наутро, — писал Фейхтвангер о Гойе,— он уже твердо знал, что будет делать. Замысел стоял перед ним видимый, осязаемый...» Причем увиденное во сне может быть закодировано в сложнейших образах и даже цветовых гаммах.

— А многие видят только черно-белые сны.

— Да, цветные и сложные сновидения видят чаще натуры артистические, эмоциональные. А помнят свои сны лучше и вообще чаще видят их женщины.

— А неприятные — погони, муки, выжженные земли, предательства, кровавые корриды? Что они означают?

— Это может быть следствием нервного расстройства. Но особенно огорчаться из-за подобных снов не стоит. Неприятные сны снятся нам вдвое чаще, чем приятные, и в этом есть биологическая необходимость: происходит нечто вроде катарсиса в древнегреческом театре, то есть очищение благодаря какому-то сильному переживанию. Лучше ведь столкнуться с неприятностями и даже горем во сне, чем наяву.

Но мы немного отвлеклись. Сновидения, в некотором смысле, отдельная тема. Мы говорили о том, что активного, интересно живущего человека редко можно видеть сонным...

— А напряженное бодрствование — наиболее дефицитное для человека состояние, в котором он особенно интенсивно использует резервы эмоциональной сферы, — не грозит ли оно истощением? Тем более сейчас, при современных перегрузках...

— Нет. Практически организм деятельного человека способен утраивать и даже учетверять свою энергию без всякого риска истощения, без ущерба. А кроме того, есть много способов восстановления работоспособности в очень короткое время. Например, аутогенная тренировка научит вас расслаблять мышцы, управлять своим дыханием, изменять температуру кожи рук. Научит вас вызывать у себя состояние пониженного бодрствования, в котором исчезает всякое эмоциональное напряжение. И для этого не нужно обладать какими-то сверхъестественными данными. Ведь уснуть нам чаще всего мешают не шум, не свет, не прочие внешние помехи, а наше к ним отношение. Мешают не грохот трамвая, не пианино за стеной, а то, что мы обращаем на них внимание, взвинчиваем себя. Нужно уметь не слышать и не видеть. Известно, что Юрий Гагарин умел заставить себя отключиться, заснуть на некоторое время в любой обстановке. Джон Кеннеди спал иногда в перерывах между заседаниями в своем кресле минут десять — пятнадцать и, освеженный, по его собственным словам, лучше, чем самой крепкой чашкой кофе, продолжал работать. И примеров таких много.

Помните тот момент в телефильме «Семнадцать мгновений весны», когда Штирлиц засыпает в машине неподалеку от Берлина, приказав себе проснуться через двадцать минут, и просыпается ровно через двадцать минут. Ничего особенного в этом нет, хотя, конечно, наряду со здоровой нервной системой и тренировкой воли нужна определенная способность. Если она есть, нельзя дать ей угаснуть.

— Но способностью этой, к сожалению, обладают далеко не все. Я, например, в своей жизни подобных людей не встречал. Не каждого даже будильник может разбудить. А чтобы заснуть, некоторым требуется совершить чуть ли не обряд какой-нибудь: принять, допустим, теплую ванну, или выпить чаю, или непременно выронить из рук толстую и скучную книгу...

— Нейрофизики, кстати, считают, что утомление мышц, двигающих глазные яблоки, способствует сну. Управляющие этими мышцами мозговые центры соседствуют с регуляторами сна и бодрствования. Чтение в постели портит глаза, должно быть, но зато сохраняет нервную систему и сон. Бывают люди, которые или боятся есть перед сном, чтобы не пополнеть, или просто не испытывают такого желания, а бывают такие, у которых аппетит разыгрывается только к вечеру, и, не поужинав плотно, они не уснут. С одной стороны, переполненный желудок давит на диафрагму, а та — на сердце, но с другой — еда перед сном регулирует содержание сахара в крови, что многим даже полезно. В общем, никаких четких рецептов, по-моему, здесь быть не может. Нужно полностью доверять своим привычкам. Они не случайны, даже если другим кажутся странными. Чарльз Диккенс во всех гостиницах и домах, в которых ему приходилось жить, ставил свою кровать так, чтобы голова была обязательно обращена к северу. Он знал, что волны магнитного поля Земли распространяются с севера на юг, и был уверен, что во сне должен соблюдать это расположение.

— Но несмотря на все привычки и ухищрения, больше половины человечества жалуется на свой сон, и с каждым годом,— об этом ясно говорит статистика — таких людей становится все больше. От бессонницы страдают...

— Извините, перебью. Я принципиальный противник термина «бессонница». Расстройства, нарушения сна...

— Почему?

— Потому, что бессонницы в прямом смысле слова не существует. Есть, конечно, сообщения о людях, не спящих вообще. Один югославский крестьянин в раннем детстве получил серьезную черепно-мозговую травму и в результате перестал спать и вдобавок проявил великолепные способности к математике. В журнале «Русская старина» за 1886 год сообщалось об одном из приближенных императрицы Елизаветы Петровны, который, охраняя ее покой, круглые сутки бодрствовал. Пражский рабочий, крестьянка из Андалузии... Но знаете, истории эти больше похожи на легенды. Психолог Пьерон справедливо писал, что не спит никогда тот, кто спит постоянно. Видимо, необходимое организму количество сна скапливается из коротких периодов полудремоты и сна, не улавливаемых порой спящими. Ведь есть животные и птицы, которые спят стоя, с открытыми глазами, или на лету. Орнитологи долго полагали, что перед отлетом на зиму в южные края аисты высыпаются впрок. Но потом выяснилось, что за несколько дней или недель до отлета их охватывает что-то вроде дорожной лихорадки, и лишь изредка они оставляют свои дела, чтобы вздремнуть. Чтобы узнать, спят ли аисты в полете, ученые прикрепили трем птицам на грудь приборы, записывающие работу их сердца, крыльев и кровеносной системы, и результаты передавались на бесшумно летевший неподалеку от птиц планер. Выяснилось, что аисты в полете дремлют, утомившаяся птица перелетает в центр косяка и закрывает глаза. При этом слух аиста обостряется, он слышит свист и щелканье крыльев и не теряет высоты, направления и скорости. Через десять минут аист уступает место в центре косяка другому.

— Это мне напоминает долгие армейские переходы. Пока не сбивается ритм, пока все идут в ногу и с одинаковой скоростью, можно умудриться и поспать немного...

— Совершенно верно. Так или иначе, а человек приспосабливается. Тот же Наполеон вдобавок к своим легендарным четырем часам дремал днем в седле. Но это случаи исключительные. Нормальные же люди в нормальных условиях жалуются врачам на долгие засыпания, страшные сны, кошмары, неглубокий сон, частые и ранние пробуждения...

Вместе с другими формами исследования мы распространяем среди москвичей и анкеты, в которых иногда до ста вопросов: возраст, профессия, состав семьи, перенесенные болезни, домашние условия... Судя по результатам, женщины жалуются на плохой сон гораздо чаще, чем мужчины, женскому сну больше мешают конфликты в личной жизни, мужскому — в общественной. Много жалоб от пенсионеров и домашних хозяек. Среди тех, кто не состоял в браке, преобладали мало спящие, среди состоявших — неглубоко и плохо спящие. Больше всего плохо спящих оказалось среди вдов и вдовцов.

— И этим данным можно доверять вполне?

— Нет, конечно, но субъективная оценка очень важна. Ведь от нее зависят и работоспособность и настроение... Хотя энцефалограмма часто опровергает жалобы. Человек, например, уверяет, что совсем не спит или спит ужасно мало, а энцефалограмма доказывает, что он ошибается.

Больше всего жалуются на позднее засыпание. Какие-нибудь пятнадцать — двадцать минут кажутся чуть ли не половиной ночи, тянутся бесконечно, но только для того, кто думает об этом. Не дай бог еще где-нибудь за стеной, в соседней квартире часы с боем, — они могут стать человеку настоящим врагом. Закона здесь никакого вывести нельзя, но практика показывает, что не само по себе позднее засыпание мешает человеку, а боязнь его, так же, как боязнь частого пробуждения... Пациентов, жалующихся на это, просили ручкой делать на бумаге отметки во время каждого пробуждения. И что же? К утру лист, лежавший рядом с кроватью, оставался совершенно чистым.

— То есть вы полагаете, что в большинстве случаев расстройство сна — результат человеческой мнительности? Но бывают же и настоящие расстройства, болезни...

— Безусловно! Нарушения сна у людей можно разделить на пять групп. Одни из них связаны с поражениями отделов головного мозга, участвующих в регуляции сна и бодрствования, другие — с заболеваниями внутренних органов, третьи — с психическими заболеваниями и различными формами депрессии, вызванной внутренними причинами. Бывают случайные нарушения сна. Но самая многочисленная все-таки группа — люди с функциональными нарушениями нервной системы, обращающие на свои ощущения слишком большое внимание, легко возбудимые, неуравновешенные...

— И что бы вы могли посоветовать людям, условно отнесенным к этой пятой группе?

— Во-первых, — об этом много говорят в мире в последнее время — не слишком доверяться химии, таблеткам, какими бы они ни считались безвредными. Побочные явления почти всегда неизбежны. Сейчас заметен и интерес к так называемому немедикаментозному воздействию на организм: психотерапии, гипнозу... И опять-таки я возвращаюсь к взаимосвязи, взаимодействию сна и бодрствования. «Хорошо прожитый день, — писал Леонардо да Винчи, — дает спокойный сон». Хорошие помощники сну — физические упражнения, свежий воздух. И опять я возвращаюсь к тренировке воли...

Безусловно, очень было бы хорошо учитывать при выборе профессии и места работы индивидуальные свойства людей, которые, как известно, делятся на так называемых «сов» и «жаворонков». Первые встают рано и с удовольствием, плодотворно работают по утрам, а вторые — напротив, лишь к вечеру и засыпают обычно за полночь. Лев Толстой и Хемингуэй вставали рано, на рассвете и интенсивно работали до обеда, а потом занимались делами менее творческими. Лев Николаевич отвечал на письма, встречался с людьми, американский писатель охотился, ловил рыбу или просто сидел в баре. Байрон, Достоевский, Флобер производительно работали лишь ночью.

С каждым годом человек все больше узнает о себе, о своем организме, о законах, по которым он живет. Тысячи брошюр, статей, «круглых столов», дискуссий на страницах газет и журналов по поводу разнообразных похудений, погружений в себя и так далее... С одной стороны, это закономерно, наука развивается в спорах, требует популяризации. Но, с другой стороны, ясно, что чем больше внимания человек обращает на свою персону, чем больше ищет в себе недомоганий, тем больше, естественно, и находит. Так что палка, как всегда,— о двух концах... Недаром, испокон века говорят, что богу — богово, а кесарю... Доверьтесь ученым и врачам. А еще лучше — себе, своему организму. Не думайте о болезнях, о расстройствах — живите в полную силу, радуйтесь, огорчайтесь, доказывайте, боритесь, созидайте, переживайте — мы и не знаем еще, сколь огромны резервы человеческого организма, нервов, эмоций. Не бойтесь недоспать — вот главный мой совет.

Беседу вел Сергей МАРКОВ

Конец империи. (Рим. Колизей.) * Японские жемчужницы.

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

То, что дряхлевший «разгребатель грязи» назвал «бумерангом», послужило вскоре сюжетом для ряда специальных статей и даже книг. В них делались попытки доказать, будто в отместку за покушения на Фиделя Кастро кубинцы организовали убийство Джона Кеннеди. Главным носителем этой насквозь лживой антикоммунистической версии был и остается Джо Эдвард Эпштейн, пишущий явно со слов ФБР и ЦРУ, от которых, судя по всему, почерпнул информацию ранее и Дрю Пирсон. К Эпштейну примыкает и некий английский адвокат Майкл Эддос, который летом 1980 года затеял подозрительную шумиху, требуя эксгумации Освальда. Он утверждал, что в могиле... никого не окажется или же там будут «останки агента коммунистической державы», а вовсе не Освальда, который, дескать, был на два дюйма выше ростом захороненного «Освальда». Но, как ни странно, эта насмешка над здравым смыслом получила поначалу одобрение властей, пока брат Освальда не потребовал прекратить издевательство над покойным.

Большинство независимых расследователей убийства Джона Кеннеди убедительно показывали, что наиболее вероятными соучастниками преступления в Далласе были сотрудники ЦРУ, кубинские контрреволюционные эмигрантские отряды и представители мафии, у которых ничего не вышло с планами покушения на Фиделя Кастро и которые решили отомстить президенту за его отход в тот период (им казалось, навсегда) от политики активного военного давления на остров Свободы.

В 1980 году эхо обвинения против братьев Кеннеди прозвучало вновь и необычайно резко. Дело в том, что незадолго до смерти бывший президент Линдон Джонсон сказал своему бывшему помощнику Я. Джаношу, а тот написал об этом в конце 1972 года в журнале «Атлантик»:

«Я,— говорил Джонсон,— никогда не верил, что Освальд действовал в одиночку, хотя я могу допустить, что он нажал на спусковой крючок». И далее Джонсон сказал, что когда он принял власть, то обнаружил, что «мы содержали проклятую «Мердер инкорпорейтед» [1] в Карибах».

Так вот, в 1980 году, незадолго до съезда демократической партии, на котором младший Кеннеди — сенатор Эдвард Кеннеди добивался выдвижения его кандидатуры в президенты, Гэйри Уиллс, журналист весьма правого толка, получив приглашение выступить на страницах модного либерального журнала «Нью рипаблик» (такие метаморфозы сейчас в порядке вещей в Америке), писал, что Джон и Роберт Кеннеди не только дирижировали заговорами с целью убийства Фиделя Кастро, но и принадлежали к «проклятой «Корпорации убийц» в Карибах», о которой говорил Л. Джонсон».

В свое время сам Фидель Кастро в интервью американскому телевидению заявил, что у кубинского правительства нет данных, свидетельствующих о причастности братьев Кеннеди к покушениям на его жизнь. Теперь бывший пресс-секретарь сенатора Роберта Кеннеди Фрэнк Манкевич в письме в журнал «Нью рипаблик» назвал упражнения консервативного журналиста Гэйри Уиллса «дезинформацией», «непристойным пасквилем на мертвых».

В связи с этим уместно вспомнить, что в начале 70-х годов Говард Хант по заданию свыше проник в архивы государственного департамента и сфабриковал две телеграммы, из которых следовало, что не кто иной, как Джон Кеннеди, отдал якобы приказ о перевороте в Сайгоне и уничтожении в октябре — ноябре 1963 года Нго Динь Дьема и его брата Нью.

Паутины интриг непрестанно плетутся в Вашингтоне. Белый дом интригует против конгресса, сенат против палаты представителей, ФБР против ЦРУ, Пентагон против государственного департамента и т. д. В этих условиях вашингтонская элита пытается лишь не допустить перерастания межведомственной грызни в войну, выдвигая лозунг: «Живи и дай жить другому». Рознь рознью, а пауков в вашингтонской банке сплачивают стратегические интересы. Но Роберт Кеннеди, не нарушая стратегических заповедей верхушки, своими тактическими новшествами, нежеланием покрывать мафию и наиболее ярых расистов внес какой-то переполох. Получилось, будто в стройном оркестре кто-то взял ноты не из того произведения. При этом дирижер — его старший брат — прощал ему такую игру.

Особенно переполошились, как мы видели, мафия, расисты, верхушка ФБР, ну, и, конечно же, ЦРУ. Задача неофициального контроля над разведкой создала такую же неразрешимую дилемму в отношениях между Робертом Кеннеди и ЦРУ, как и задача официального конституционного контроля со стороны министра юстиции над ФБР. Оба ведомства — ФБР и ЦРУ — просто не привыкли к тому, чтобы их кто-то контролировал.

В сверхсекретном докладе президенту Д. Эйзенхауэру Роберт Ловетт и Дэвид Брус — члены президентского совета консультантов по вопросам разведывательной деятельности за границей — писали: «Никто, кроме непосредственно занятых оперативной работой в ЦРУ, не знает ничего о том, чем они занимаются изо дня в день. Орды сотрудников ЦРУ заполонили нашу планету, в результате скрытая деятельность ЦРУ оказывает значительное, почти одностороннее влияние на практическую выработку нашей внешней политики, о чем зачастую бывает совершенно неизвестно нашим послам».

Доклад содержал критические положения относительно практики ЦРУ, осуждал предпочтение, которое отдавалось тайным подрывным операциям над сбором разведданных. Однако Эйзенхауэр лишь передал доклад Аллену Даллесу, а тот положил его под сукно. Репутация «невидимого правительства», завоеванная ЦРУ, с каждым годом росла.

Во время вторжения в Заливе свиней в апреле 1961 года братья Кеннеди столкнулись со случаями прямого неповиновения, обмана, закулисных маневров ЦРУ.

«Я,— говорил президент Кеннеди Артуру Шлезингеру в дни после провала вторжения,— допустил ошибку, поставив Бобби в министерство юстиции. Это потеря для нас. Байрон Уайт мог бы блестяще справиться с обязанностями министра юстиции. Бобби должен быть в ЦРУ... Дьявольски трудно учиться чему-то новому, но я понял одну вещь из всего этого дела, а именно — нам придется заниматься ЦРУ. Макнамара взял в руки министерство обороны, Раск — государственный департамент, но никто не взялся за ЦРУ».

Джон Кеннеди говорил другому своему помощнику, что еще одно такое фиаско, как в Заливе свиней, и на его президентстве можно ставить крест.

«Вскрытие трупа», как называли проводившийся по приказу Белого дома анализ причин фиаско, сопровождалось, судя по всему, градом суровых вопросов к сотрудникам ЦРУ со стороны Роберта Кеннеди и его помощников. Ибо вряд ли случайно Говард Хант назовет их позднее в своей книге «Пошли нам сей день» инквизиторами. Хант работал в тот момент личным помощником Аллена Даллеса. В его обязанности входило предоставлять «документированные и другие ответы на вопросы — точнее, обвинения — инквизиторов». Читатель, наверно, помнит, что «инквизитор» была кличка Роберта Кеннеди еще с конца 50-х годов.

При президенте Дж. Кеннеди из Белого дома ушло циркулярное письмо послам США «контролировать всю внешнеполитическую деятельность правительства США». Это в какой-то мере подчиняло политическую сферу деятельности разведки послам, но на практике отнюдь не означало прямого политического контроля над ЦРУ, как утверждали некоторые американские авторы.

У ЦРУ были, согласно приказу, изъяты тайные «полувоенные» операции. Это было неприятным психологическим ударом по самодовольной разведке. Однако братья Кеннеди не были последовательными. Забрав часть этих операций у ЦРУ в Южном Вьетнаме и передав их там Пентагону, они не тронули инфраструктуры «полувоенных» операций в Лаосе, где, согласно Уильяму Колби, около 500 агентов ЦРУ руководили более чем 30-тысячной наемной армией горцев из племени мео.

Самоуверенное «невидимое правительство» было уязвлено, когда сотрудники ЦРУ услышали от министра юстиции, что они не отрабатывают свои зарплаты, что их результаты не соответствуют их расходам. И хотя их призывали к борьбе с коммунизмом, с социалистическими странами и национально-освободительными движениями (собственно, призывать и не нужно было, так как эти цели всегда стояли у них на первом месте), поставив под сомнение их профессиональную компетентность, их способности джеймсов бондов, им нанесли нестерпимое оскорбление. И они его не забудут никогда ни одному из братьев, ни одному из их ближайших советников.

Вспомнить хотя бы случай с решением только что избранного в 1976 году президентом Джимми Картера выдвинуть на пост директора ЦРУ Теодора Соренсена, вначале ближайшего советника Джона Кеннеди, а затем сенатора Роберта Кеннеди в период его борьбы за Белый дом. Как-то Роберт сказал Соренсену полушутя-полусерьезно, что, связав себя с ним, он взял на себя и все его «грехи». ЦРУ восстало против этой кандидатуры, и под его нажимом сенат вынудил Картера отказаться от своей идеи. Слова Роберта Кеннеди сбылись. Журнал «Тайм», ставя точку над «i», писал: «Соренсен не подошел потому, что он лютый патриот клана Кеннеди, что он требовал умеренной роли для ЦРУ и сокращения его тайных подрывных операций».

Да, братья Джон и Роберт Кеннеди пытались заниматься ЦРУ, пытались взять ведомство «плаща и кинжала» в руки. Но они запутались в паутине интриг ЦРУ, тем более что своей двойственной политикой обновления методов и проталкивания старых целей они лишь уплотняли паутину, вынуждали «невидимое правительство» приспосабливаться и отыскивать иные, неведомые еще способы заполонять своими ордами планету и господствовать на Потомаке.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—13.

[1] «Корпорация убийц».

К ЧЕМУ ВЕДУТ РАСКОЛЫ В ОБЩЕСТВЕ

Ни один биограф Роберта Кеннеди не пытался идеализировать его. Не тот, как говорится, «строительный материал». Его «жестокость» и «безжалостность», внушаемое им чувство подозрения к себе и со стороны консерваторов и со стороны либералов хорошо известны. В нем уживались фанатическая враждебность к коммунизму и реалистическое понимание неизбежности мирного сосуществования двух противоположных общественных систем. Одни называют совокупность всех этих противоречивых качеств оппортунизмом, другие — способностью Роберта Кеннеди быстро перестраиваться, не меняя принципов.

Одному из авторов этого повествования Роберт Кеннеди объяснял свое кредо так: «Моя жизнь — в политике. В политике у меня нет друзей, а есть только временные союзники». «Как, неужели у вас нет постоянных союзников?» «Почти нет».

Но с этим взглядом Роберта Кеннеди на себя, на отношение к окружающему его политическому миру не был согласен, как это ни парадоксально, человек, который по идее был действительно вычеркнут всем ходом развития событий из числа друзей сенатора. Речь идет о Юджине Маккарти — основном сопернике Роберта Кеннеди на выборах 1968 года. В ночь на 5 июня 1968 года сенатор Юджин Маккарти говорил о смертельно раненном Роберте Кеннеди:

«Среди тех, кто хорошо знал Роберта Кеннеди и общался с ним за пределами политической арены, он пользовался глубокой и постоянной дружбой. Эти дружеские отношения были отмечены большой теплотой и лояльностью, не знавшими границ возраста и политики. Его лояльность, приверженность, самопожертвование в отношении старшего брата были хорошо известны всем сенаторам и американскому народу. Хорошо был известен и его послужной список после смерти президента Кеннеди, когда он принял на себя уникальную ношу, груз, который был поднят его братом. В том же духе он стал вымерять новые обширные пространства, заполненные нуждой и тревогой».

В поисках ответа на вопрос, что было побудительной причиной решения Роберта Кеннеди добиваться избрания президентом, наблюдаются заметные колебания. Но мало кто, как и Юджин Маккарти, упускает из виду такую причину, как лояльность к старшему брату, попытка пронести вперед груз, поднятый Джоном. Друг Роберта Кеннеди поэт Роберт Ловелл выразил это по-своему в посмертном стихотворении. Вот отрывок из него:

Весь роковой ты пропитан борьбою,
Как ею пропитан могучий ваш клан.
Жребий до гроба семейству был дан.
Ради него ты, красивый, бесстрашный,
В утренний час покидал свою башню,
В грязь окунаясь, всегда был ты чист.
Мало мне слов, хоть весьма я речист,
Нужен Плутарх, чтобы петь о тебе,
Вечно присущем в нашей судьбе[1].

Роберт Кеннеди вел искусную, можно сказать, даже хитрую борьбу за кресло в Белом доме. Взять хотя бы его позицию в отношении проходившего в 1967 году новоорлеанского судебного процесса, проводившегося Джимом Гаррисоном над обвиненными им в заговоре с целью убийства президента Джона Кеннеди.

В публичных заявлениях Р. Кеннеди отмежевывался всеми силами от Гаррисона, выражал даже скептицизм в отношении его методов и мотивов. Однако в конце 1967 года независимый расследователь Марк Лейн дал информацию в печать и интервью для радио, из которых явствовало, что Гаррисона навещали в Новом Орлеане «два эмиссара» сенатора Роберта Кеннеди. Они приезжали к нему по отдельности, интересуясь его следствием. Журналисты бросились к Гаррисону. Тот не отрицал фактов, назвав, однако, приезжавших к нему не «эмиссарами», а общими знакомыми. Уже после убийства Роберта Кеннеди Гаррисон сообщил, что они поделились с ним информацией конфиденциального характера. Из нее следовало, что Роберт Кеннеди не верил в вывод Комиссии Уоррена об убийце-одиночке, считал, что его старший брат пал жертвой заговора. В случае, если бы он стал президентом, Р. Кеннеди собирался поддержать расследование Гаррисона или начать свое собственное.

Рассматривая в ретроспективе этот эпизод, трудно отделаться от мысли, что разглашение «сенсационной» информации о контактах между Гаррисоном и Робертом Кеннеди могло подтолкнуть заговорщиков на путь преступления.

Проговорился ли Лейн бессознательно в конце 1967 года или он недооценил могущество антикеннедиевских сил, решив, что разглашение тайных контактов между Гаррисоном и Р. Кеннеди не причинит сенатору вреда, остается неясным.

Примечательно другое. Указанный эпизод совпал по времени с периодом очень сложной и нелегкой подготовительной работы, которую лагерь сенатора Кеннеди проводил в преддверии 1968 года — года избрания президента. Но тогда силы реакции были в какой-то мере спокойны, полагая, что ничто не помешает президенту Линдону Джонсону добиться переизбрания. Их в особенности устраивала вьетнамская политика Джонсона, который жал на все педали эскалации войны. В тот момент Роберт Кеннеди, причислявшийся большой прессой к лагерю «голубей» по Вьетнаму, не принимался всерьез как возможный претендент на президентство. По законам американской политики не подлежало бросать вызов президенту и идти на раскол демократической партии. Эту роль взял на себя «неоортодокс» — сенатор Юджин Маккарти, позднее к нему присоединился и Роберт Кеннеди.

В ходе «праймериз» (первичных выборов) Роберт Кеннеди начал маневрировать или, попросту говоря, юлить по вьетнамской проблеме. Чтобы успокоить «ястребов», он частично сбросил «голубиное» оперение, но круги военно-промышленного комплекса и военная партия в ЦРУ не поверили этим метаморфозам, будучи убеждены, что, став президентом, Р. Кеннеди пойдет на деэскалацию войны в Индокитае. В памяти этих кругов еще свежи были соответствующие попытки его старшего брата. Об одной из них стоит напомнить.

Дж. Кеннеди дал распоряжение представить ему план вывода 1000 американских военнослужащих из Южного Вьетнама. На совещании военных в Гонолулу нехотя и с оговорками был разработан соответствующий оперативный план. На 24 ноября 1963 года был намечен деловой ленч с глазу на глаз между Джоном Кеннеди и американским послом в Сайгоне Генри Кэботом Лоджем. Но 22 ноября пули сразили президента, и вместо этого 24 ноября в Вашингтоне было созвано совещание руководителей американского правительства, включая государственного секретаря Раска, министра обороны Макнамару, директора ЦРУ Маккоуна, генералов из комитета начальников штабов.

Оперативный план, выработанный в Гонолулу, был отменен. Вместо этого было принято принципиально иное решение — продолжать военный нажим на силы национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Профессор Калифорнийского университета Джон Дейли Скотт в своей книге «Военный заговор» подчеркивает, что до сих пор неизвестен инициатор этого скоропалительного совещания в момент, когда Джон Кеннеди еще не был погребен. Принятые на нем установки были характерны для всего послевоенного курса правящих кругов США в Юго-Восточной Азии, орудиями которого были на первом этапе главным образом ЦРУ и военная разведка, а затем развернутый в количестве более полумиллиона человек экспедиционный корпус Пентагона, поддерживаемый авиацией и флотом.

Что привлекало американский империализм в Индокитае? Во-первых, перспектива открытия огромных залежей нефти в прибрежных водах Южного Вьетнама и Камбоджи. Партнер рокфеллеровского нефтяного концерна, директор ЦРУ Аллен Даллес и владелец пакета акций на сумму в 1 миллион долларов в нефтяной компании «Стандард ойл оф Калифорния», преемник А. Даллеса на посту директора ЦРУ Джон Маккоун рассчитывали, разгромив национально-освободительные движения в Индокитае, создать там марионеточные режимы, при которых их клиентам удастся бесцеремонно хозяйничать там.

Показательно, что в период с 1968 по 1970 год, то есть с момента пика эскалации войны в Южном Вьетнаме и вскоре после устроенного ЦРУ переворота в Камбодже, приведшего к власти Лон Нола, количество пробуренных скважин в прибрежном шельфе Индокитая утроилось. Верным союзником нефтяных корпораций в деле завоевания Индокитая стали компании электронной индустрии, которые еще в 50-х годах увидели в активизации американской разведки в этом регионе верную гарантию роста заказов на всевозможную аппаратуру для ведения тайных войн. Впоследствии их надежды еще более возросли: Пентагон расширил эти заказы, сделав Индокитай «бэттл-граунд» (полем битвы), на котором испытывались новые методы ведения войны с широчайшим применением электронной техники авиацией, флотом и сухопутными силами.

Не последней причиной активности американской разведки было и то, что наиболее одиозная группировка в ЦРУ, вступив в контакт с мафией и национальным синдикатом преступности, пожинала баснословные доходы с такого «черного рынка», как торговля наркотиками, выращивавшимися прежде всего в Лаосе, Бирме, Таиланде и других странах этого региона окопавшимися там чанкайшистами и местным хуацяо, действовавшими в тесном контакте с армиями лаосских и других генералов, находившихся на службе ЦРУ. К торговле индокитайскими наркотиками были причастны гангстеры Траффиканте и М. Ланский. Американский публицист Маккой в серии своих статей описал «нечестивое братство» ЦРУ и преступного мира, делавшего бизнес на азиатском героине. ЦРУ предпринимало лихорадочные усилия в начале 70-х годов, чтобы не допустить выхода статей и книг Маккоя, однако, как считает профессор Скотт, другим группировкам в ЦРУ было выгодно по каким-то своим соображениям снабжать Маккоя фактами, и они в конце концов стали достоянием гласности, вызвав поистине фурор в США.

Босс национального синдиката преступности Мейер Ланский, который не мог простить братьям Кеннеди «потерю» Кубы, где был ранее центр его операций с наркотиками, в 1968 году мог быть доволен, видя, как разворачиваются операции в Индокитае. Появление Роберта Кеннеди в Белом доме грозило положить конец ставшей опять безмятежной жизни для гангстеров. Поэтому медлить они не хотели и не могли. Не здесь ли следует

[1] Перевод Вадима Ардатовского.

искать мотивы убийства в отеле «Амбассадор»?

Политическая карьера Роберта Кеннеди поучительна, таким образом, во многих отношениях. Он сталкивался с беспрецедентными расколами в американском обществе, вызванными живучестью расизма, непопулярной войной в далекой Азии. Эти расколы не обошли и правящую элиту. Роберт Кеннеди шел в Белый дом под флагом ликвидации раскола, вызванного войной во Вьетнаме. Но разве не исторический факт, что вместе со своим старшим братом президентом он в начале 60-х годов потворствовал разведке и Пентагону в зловещих схемах «вползания» в гражданские войны в Лаосе и Южном Вьетнаме!

Историки могут сказать, что эта политическая и государственная близорукость, проявленная Джоном и Робертом Кеннеди на первых порах, стала уступать место более реалистичному и взвешенному подходу к международным делам. Но так же верно и то, что свернуть государственный корабль с курса, одобренного и поддерживаемого военно-промышленным комплексом, оказалось им не под силу. Предшественник Джона Кеннеди по Белому дому президент Д. Эйзенхауэр в прощальном послании стране предупреждал американский народ, что военно-промышленный комплекс ставит свои интересы выше интересов общества, располагая к тому же мощными средствами для проведения их в жизнь.

Раскол в правящей элите, вызванный ненасытной жадностью военно-промышленного комплекса, привел в конце 60-х — начале 70-х годов к невиданным брожениям и катаклизмам в США. Преодолеть их на путях пресловутой «новой политики» и пытался было Роберт Кеннеди, призывая американцев объединиться. Этой теме было посвящено и его самое последнее выступление, прозвучавшее в Лос-Анджелесе в ту роковую ночь:

«Я думаю, что мы можем ликвидировать расколы, выпавшие на долю Соединенных Штатов. Для меня совершенно ясно, что мы можем объединиться в работе.

Что же происходит в Соединенных Штатах в последние три года? Раскол, насилие, разочарование в нашем обществе. Раскол между черными и белыми. Между бедными и состоятельными. Между возрастами. Раскол из-за войны во Вьетнаме. Мы можем вместе взяться за работу. Мы — великая страна, бескорыстная страна, мы способны на сострадание. И это положено мною в основу борьбы за...»

Ему не дали договорить слово «президентство». Две тысячи разгоряченных мужчин и женщин взорвались аплодисментами. Им нравилось его умение перемежать речи неожиданными острыми, нелестными для США политическими признаниями и возвышенными фразами из школьных учебников. Он действительно умел манипулировать словами, легко перебрасывать мостики между «новой политикой», входившей тогда в моду и которую он вместе с Юджином Маккарти олицетворял, и старым традиционным политиканством. Это и обеспечивало ему перевес в голосах, ибо он устраивал и молодых политиков и многих ветеранов.

Роберт Кеннеди поднял вверх большой палец правой руки. Символический жест, призывающий к победе в президентской гонке, он подкрепил словами: «Мое спасибо всем вам, и вперед на Чикаго. Давайте выиграем там сражение».

До съезда демократической партии в Чикаго было еще далеко. Здесь же при окончательном подсчете голосов калифорнийских демократов Роберту Кеннеди досталось 1 445 880, Юджину Маккарти — 1 305 728. Вряд ли может быть два мнения о том, что произошло бы в Чикаго в результате дуэли Кеннеди — Маккарти. Но дуэли не произошло, и победа досталась вице-президенту Хэмфри. В своей книге «Год народа» Ю. Маккарти оценит лос-анджелесские события следующим образом: «Убийство Роберта Кеннеди явилось трагедией, которая набросила траурный покров на калифорнийские «праймери» и в ретроспективе на весь год президентских выборов».

4 июня, когда калифорнийцы повалили густой толпой на избирательные участки, чтобы засвидетельствовать свое предпочтение тем или иным претендентам в президенты США, в сенаторы, конгрессмены, темноволосый юноша с оливковым лицом упражнялся в стрельбе из своего «Айвер Джонсона» на полигоне «Ружейного клуба долины Сан Габриэль». Смотритель Генри Кэрреон привык к тому, что любители стрельбы не спеша заряжали, не спеша целились, не спеша рассматривали следы на мишенях. Но темноволосый парень палил без передышки, и вскоре все на стрельбище таращили глаза в его сторону. Возле него выросла гора гильз — свыше 400. Не запомнить его было нельзя.

Роберт Кеннеди, как и его покойный брат, был убежденным фаталистом. Французскому писателю Ромэйну Гери он сказал: «Я знаю, что рано или поздно на мою жизнь совершат покушение. Возможно, даже не столько по политическим причинам, сколько под вредным влиянием».

Роберт Кеннеди, видимо, постоянно ждал покушения. В Сан-Франциско незадолго до рокового рандеву с Сирханом он пережил неприятный момент. Митингуя в китайском квартале, он услышал звуки пальбы. Сенатор вздрогнул, побелел. «Но это же фейерверк в вашу честь»,— успокоили его. И только тогда он слабо улыбнулся.

Во время предвыборной кампании сенатор по прибытии в очередной город отказывался от полицейской охраны. Приближенные, выполняя роль добровольных телохранителей, держали его постоянно в живом кольце. Но отсутствие полицейских, как это все понимали, облегчало возможность покушения, хотя бы уже тем, что придавало смелости потенциальным убийцам.

Пока темноволосый стрелок упражнялся на стрельбище, Роберт Кеннеди позволил себе небольшой отдых. Он без передышки носился несколько недель по западному побережью, выступая перед многотысячными и малочисленными аудиториями, обрабатывая на свою сторону функционеров демократической партии, раздавая направо и налево интервью. После бесконечных переездов и речей он с удовольствием окунулся в нежно-голубой волне на знаменитом пляже Малибу. Заядлый спортсмен-альпинист, гребец, бегун — Роберт быстро восстанавливал силы. Он побыл немного на стоявшей у пляжа вилле голливудского режиссера Джона Франкенхеймера, снявшего по просьбе Джона Кеннеди в начале 60-х годов антивоенный фильм «Семь дней в мае». Затем в «роллс-ройсе» своего друга певца Энди Уильямса он поспешил в Лос-Анджелес. Там его ждал номер в отеле «Амбассадор». По неписаной традиции американских «праймери» кандидаты следят за ходом голосования из гостиниц. Они развертывают там свои штаб-квартиры, размещают пресс-центры.

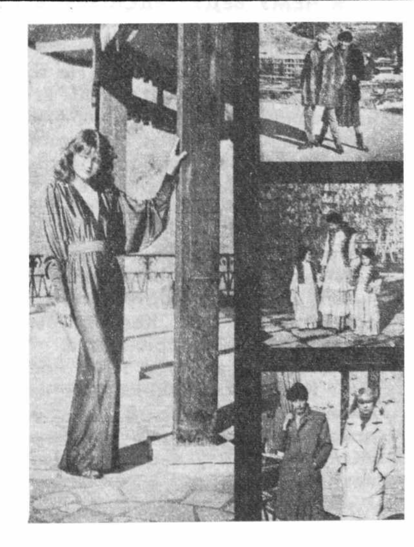
Было четыре часа после полудня, когда сенатор вошел в вестибюль «Амбассадора». По сторонам, почти прижимаясь к нему, ни на шаг не отставали бывший агент ФБР, а ныне негласный руководитель охраны Билл Бэрри и звукооператор Джерри Костиган, в чью обязанность входило записывать на магнитофонную пленку все выступления и заявления Роберта Кеннеди.

Когда они уже почти приблизились к лифту, к ним пытался подойти невысокого роста темноволосый человек. Его отогнал Костиган, которого насторожило то, что в руке у незнакомца было «что-то свернутое».

В номере 512, занятом Кеннеди и его свитой, царило приподнятое настроение. Американские телевизионные компании по заведенному обычаю создают специальные электронно-вычислительные центры, куда поступают данные из «типичных округов». Они обрабатываются и уже на основе 5, 10, 15 процентов проголосовавших телевизионные комментаторы выводят «тенденции», «проектируют» победителей. Предварительные подсчеты складывались в пользу Кеннеди, он устойчиво опережал своего соперника — сенатора Юджина Маккарти — на 4 процента.

Приподнятость в номере 512 переросла в радостное возбуждение, когда поступила весть, что на «праймери» в штате Южная Дакота Роберт Кеннеди приобрел 50 процентов будущих делегатов национального съезда демократической партии.

Окончание следует.

В. МОРОЗОВА

После войны семья старых потомственных москвичей Доброхотовых-Майковых, как и многие, осталась без отца. Александр Сергеевич погиб, и Людмиле Алексеевне предстояло одной поднимать на ноги дочерей Таню, Иру и Наташу. Девочки росли дружными, самостоятельными, не чувствуя неудобств московских коммунальных квартир, нехваток первых по-

ЧУТКОС

слевоенных лет. Их жизнь была наполнена до предела встречами, открытиями, первыми девичьими тайнами и передавшейся от отца, профессионального художника, любовью к живописи. Да и обстоятельства складывались удачно. В квартире на улице Маркса-Энгельса жили две билетерши из «Пушкинки», как называют москвичи Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Там впервые познали они красоту большого мира, там был их родной дом. Людмила Алексеевна, сама натура, одаренная художественным чутьем, всячески поощряла увлечения дочерей и отдала их в художественную школу Строгановского училища. Однако, когда перед каждой из них стала проблема выбора жизненного пути, ни одна из девочек не подумала, что изберет профессию художника. Таня поступила в педагогический, Наташа на химфак Московского университета. Но, видно, от судьбы не уйдешь, и, немного поработав, обе снова взялись за рисунок и стали профессиональными художниками-графиками. Ира оказалась ближе к своей будущей профессии. Но тем не менее, начав учиться в Московском текстильном институте, занималась поначалу тканями, производством.

В годы учебы произошла встреча с замечательным человеком Раисой Владимировной Захаржевской, ставшей другом всей семьи и на всю жизнь. Она читала в институте историю костюма, историю стиля. Человек удивительно тонкий, наделенный большими знаниями и душевной щедростью, Раиса Владимировна очень располагала к себе людей. Встреча с

ней, бесспорно, повлияла на впечатлительную, живую студентку. К тому же два года работы на швейных фабриках укрепили Иру в решении перейти на факультет моделирования. В те годы острой нехватки квалифицированных кадров частыми были разного рода новшества, эксперименты. В Московском текстильном институте тоже решили весь дневной поток со второго по четвертый курс перевести на вечернее обучение с обязательной постоянной работой на фабриках. Эти два года много дали Ире, чтобы разобраться в себе, определить свою будущую профессию.

Итак, 1963 год. Ира приезжает в Алма-Ату на преддипломную практику. Жадно набрасывается на работу, с головой окунувшись в изучение тонкостей самобытного национального искусства Казахстана, занимаясь интерпретацией его. Шаг за шагом приближалась она к созданию собственного образа, своему пониманию, проникновению в культуру другого народа. Дипломная работа выполнена с блеском, и Ире как отличнице было предоставлено право выбора при распределении. Так Ирина Александровна Доброхотова-Майкова оказалась в Казахстане, она главный художник республиканского Дома моделей одежме моделей, тысяча сто — тысяча двести выполняется по непосредственным заявкам производственников. Взаимные договоры, встречи, самые тесные контакты, четкая координация, совместные эстетические комиссии, семинары — таков сейчас стиль работы с предприятиями.

Работать в Алма-Атинском Доме моделей не просто. Каждый художник тут должен «выдать» по 120—150 моделей в год, одежды красивой, удобной и самой разной.

Зато какое это удовольствие — встречать людей в городе, одетых тобой!

— В республике почти пятнадцать миллионов жителей с самыми различными вкусами, привычками, образом жизни, возможностями и потребностями. Удовлетворить всех, одеть красиво, добротно, современно — наша первостепенная задача,— считает И. Доброхотова.— И мы ее постепенно решаем. А витать в облаках нам не разрешает просто жизнь. Именно поэтому мы сразу взяли курс моделировать на типовые фигуры. А я так просто люблю одевать полных женщин, у крупных женщин есть особое обаяние. Оглядываясь назад, когда я только приехала в Казахстан, можно было бы сказать, что

ТЬ МОДЕЛЬЕРА

ды. Совсем недавно праздновалось 25-летие его создания, но с уверенностью можно сказать, что его сегодняшняя активная жизнь началась во многом с приезда в этот город Ирины Александровны, обладающей, как выяснилось позже, не только чисто профессиональными знаниями, но и сильным характером истинного руководителя.

Практически швейная промышленность Казахстана начала развиваться в годы войны на базе эвакуированных с запада предприятий. Но действенной слаженной системы моделирования в республике не было. Каждое предприятие часто работало само по себе. Это порой приводило к курьезам. Когда вошли в моду шорты, сразу три казахские фабрики взялись их выпускать, не подумав, что ассортимент этот чужд Казахстану, лишен реального потребительского спроса. А потом не знали, куда от них деваться.

С приходом нового художественного руководителя в Алма-Атинский Дом моделей подули новые ветры. Почувствовали это не только ближайшие коллеги Ирины Александровны, но в первую очередь фабрики, швейные и текстильные предприятия. Круто и решительно был взят курс на промышленное моделирование. Республиканский Дом моделей стал методическим центром, моделирующей лабораторией всех швейников Казахстана. Поначалу это не всем нравилось, но многолетняя практика такого жесткого руководства работой предприятий убедила и самых несговорчивых. Из полутора тысяч моделей, создаваемых сейчас ежегодно в Досделано немало. Наши модели охотно принимаются фабриками да и в магазинах не залеживаются. Но спрос населения еще не удовлетворяется полностью. В нарядной одежде спасает обращение к неиссякаемому источнику — народному творчеству. Казахский национальный костюм отличается простотой форм, он скупее на первый взгляд по сравнению с узбекским, таджикским. Зато он дает большой простор для фантазии художника. В последние годы многие его элементы часто появлялись в международной моде: сочетания меха и кожи, брюки, заправляющиеся в сапоги, пушистые лисьи малахаи, стеганые жилеты, халаты. Казахское искусство близко, созвучно моей душе. Как хороши, как удивительны орнаменты на кошмах, какую бездну идей навевают они! Народный костюм возник, отстоялся в неразрывной гармонии с идеалом физической красоты народа. Поэтому у нас много манекенщиц-казашек. Наш опыт оправдался в первый же выезд за рубеж. Когда в Болгарии на международном смотре моды появилась наша красавица казашка Гуля в юбках, платьях, украшенных аппликациями по национальным орнаментам, по национальным мотивам, она выглядела так органично, так красиво, что ее признали самой интересной манекенщицей болгарского симпозиума моды. Нас тут же со всей коллекцией пригласили в Италию, ГДР, Чехословакию.

Скучает ли Ирина Александровна по Москве? Наверное, да. Но сейчас в Алма-Ате ее семья, работа, вся ее жизнь. Казахстан ее вторая родина.

Театр

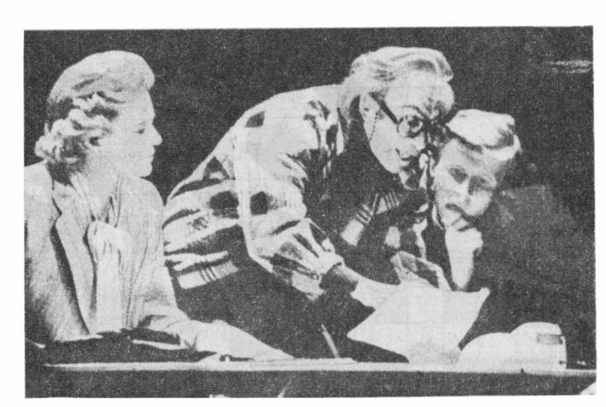

Фото А. Кристалова

НРАВСТВЕННЫЙ ПОИСК

Финал этого спектакля, поставленного в «Современнике», не похож ни на один финал, который мне когда-либо приходилось видеть в театре. Ни в советском, ни в зарубежном.

На затемненной сцене высвечен старинный портрет Петра Первого. Слышен чуть хрипловатый голос, записанный на магнитную ленту: «Дорогие русские друзья... Передаю в день премьеры «Поиска 891» уникальную картину старинного художника «Петр Великий». Мне удалось спасти ее во время аукциона в Париже в 1979 году, уплатив пятнадцать тысяч франков, чтобы не дать ей бесследно исчезнуть...»

Это говорит гражданин Швейцарии барон Эдуард фон Фольц-Фейн, член Комитета честности по отношению к произведениям русского искусства, похищенным нацистами.

Писатель Юлиан Семенов, долгое время изучавший судьбы выдающихся произведений русского искусства, награбленных фашистами в годы Великой Отечественной войны, написал острую, динамичную и глубоко нравственную пьесу «Поиск 891». Московский театр «Современник», режиссеры-постановщики Галина Волчек, Валерий Фокин и Михаил Али-Хусейн точно прочитали пьесу и создали яркий, запоминающийся спектакль.

...К Степанову, корреспонденту советской газеты в Бонне, приходят супруги Форсты — Фриц и Ева. Работая в архивах, Форст отыскал документы, проливающие свет на судьбу произведений искусства, вывезенных нацистами из России. Двенадцать железнодорожных составов! Все награбленное должно быть возвращено России — в этом у Форста — его с большой психологической достоверностью, очень тактично играет артист Валентин Никулин — ни на мгновение не возникает сомнений. Простому честному человеку, не наделенному признаками исключительности — а Форст именно таков, простой честный немец,— всегда необходима поддержка. И эту поддержку он находит в Еве Форст, своей жене. Лауреат Государственной премии СССР актриса Елена Козелькова провела эту роль — роль ласковой, любящей женщины — очень естественно, без нажима.

Лишь некоторым из тех заключенных, с чьей помощью фашисты прятали вывезенные ценности, удалось выжить. Мы слышим их голоса, записанные Форстом на магнитофон.

Казалось бы, найдена ниточка, зацепившись за которую можно будет найти хотя бы часть спрятанных картин. Но путь к истине никогда не бывает прост и легок. Особенно там, где есть люди, которые боятся ее пуще огня.

В своих поисках Форсты и Степанов наталкиваются на шантаж, угрозы, равнодушие. Бывшие нацисты, причастные к судьбе похищенных ценностей, служат теперь в аппарате тайной полиции и разведки. Это так естественно,— «ведь муха чувствует себя в наибольшей безопасности на кончике хлопушки!».

Кстати, как это ни парадоксально, мне показалась удачей спектакля безликость всех этих персонажей-теней. Их безликость естественна для их образа жизни. Появление на свету всегда сопряжено у них с облачением в маску.

Молодого журналиста Степанова играет артист Валерий Шальных. Так и представляешь себе недавнего выпускника факультета журналистики или института международных отношений, все еще пребывающего на котурнах, трогательного в своей легкой браваде. Но Степанов увлечен, предан делу, идее. Он энергичен и смел, он живой человек.

В спектакле использованы кадры кинохроники времен Великой Отечественной войны. Кадры яркие, трагические, злые, показывающие зверства фашистов словно пляску мертвецов Базельского собора. Но чувство меры здесь изменило постановщикам и в некоторые моменты внимание зрителя невольно отвлекается от того, что происходит на сцене.

Форст гибнет, приговоренный автором и, что, несомненно, много важнее,— самой действительностью, логикой событий. Ведь грабители еще живы, а сокровища не найдены! Вспомните хотя бы Янтарную комнату, полистайте довоенные каталоги ограбленных фашистами музеев!..

Заслуга Юлиана Семенова, немало сделавшего, чтобы пролить хоть какой-то свет на их судьбу, не раз выступавшего на эту тему в печати, состоит в том, что ему удалось привлечь ряд известных писателей и общественных деятелей Запада к активным действиям за возвращение нашего культурного достояния. И вот создан спектакль, в основу которого положены подлинные события. Спектакль непростой, как не проста, многослойна и сама проблема. Ведь возвращение вывезенных ценностей — это не только поиски самих картин, скульптур и икон. Это глубокий нравственный поиск. Поиск в душах людей. Ушли из жизни покаранные судом или судьбой многие из грабителей художественных сокровищ. Да и не все награбленные ценности лежат мертвым грузом где-то в подвале кирхи или в штольне шахты. Дорогие для нас экспонаты русских, украинских, белорусских, литовских музеев рассеяны по Европе и даже по Америке. Порой они в руках наследников нацистских грабителей, порой — в коллекциях случайных владельцев... Сумеют ли эти люди найти в себе силы и поступить так, как поступил барон фон Фольц-Фейн, и вернуть утраченное истинному владельцу?

Я помню, с каким волнением рассказывала мне Вера Мария Ротенберг, доктор искусствоведения, сотрудница Берлинской Национальной галереи, о поисках принадлежавших немцам и разграбленных войной картин и скульптур. Сколько горечи и гнева было в ее рассказе о том, как в тяжелые послевоенные годы различные темные дельцы тайком продавали шедевры искусства из берлинских музеев американским бизнесменам. А каким праздником стал для немецкого народа день передачи Советским правительством картин Дрезденской галереи!

Шедевры искусства живут лишь тогда, когда у них есть соавтор — зритель. Когда они согреты пытливым и восхищенным взглядом человека, потрясенного гением. Пока же скрыты от глаз, они мертвы. Поэтому вдвойне аморально и преступно держать за семью замками похищенные из Советского Союза произведения искусства. Шедевры должны быть возвращены на Родину. Кампания честности продолжается!

С. ВЫСОЦКИЙ

Летят «гуси»...

ФЕЛЬЕТОН

Б. ПРОТОПОПОВ

Сижу над очередным фельетоном. Стук в дверь. Открываю — стоит молодой человек.

Что-то неуловимо знакомое в облике.

— Слушаю вас...

— Дверь обобьем? Тридцать ре. Материал наш. Можно черным, можно желтым, можно... Дядя Боря, это вы?!

Как быстро идет время.

— Шурик, сколько зим! Да заходи же!

— Некогда,— солидно сказал Шурик (впрочем, какой там «Шурик» — бородка, усики, животик...) — Некогда, напарник ждет!

— Напарник?.. Да, а при чем здесь дверь? Ты же инженер!

— Диплом ничуть не мешает,— весело сказал мой знакомый,— свои три года я, между прочим, честно оттрубил по назначению. А дверь... У нас в стране любой труд почетен...

— Санька, черт бы тебя подрал, чего ты там дискуссии разводишь, не хочет обивать — не надо, в другую квартиру зайдем!— донесся голос с лестницы.

«Инженер» Санька виновато развел руками и бросился вниз по лестнице, стуча каблуками, как копытами.

— Что случилось, с работы, что ли, сына выгнали?—спросил я при встрече Шурикова отца.

— Нет...— смущенно сказал он.— Аттестации у него были самые отличные. Сам ушел. Не могу, говорит, работать «от и до», психику угнетает. Толкует, что он вольный сын эфира, а калым — четвертной в день... Чего ты удивляешься? Мой Сашка не один такой, что ли? Когда у меня радикулит разыграется, я к нашему дворнику Костику обращаюсь, он же врач-невропатолог. Отлично живет! Двор подметет, потом сидит в дежурке и шерстяные носки вяжет. Чем, говорит, с шизофрениками в больнице разговаривать, я лучше на чистом воздухе физической работой займусь. Нервы в первозданном состоянии сохраняются, да и носочки по пятерке нарасхват идут!.. Хорошо, что все-таки при деле. А то мой сосед третий год удобной вакансии ждет. До полудня на кровати с книжечкой лежит. Потом физзарядку сделает, в библиотеку сходит. Вечером с глазу на глаз с телевизором. Давеча спрашивает: «Вы, Иван Петрович, на испанской выставке не были? Эх, вы, я пять часов в очереди отстоял, но насладился!» Большой интеллектуал!..

Да-да, мой знакомый не выдумывает. Такой вот необъяснимый парадокс — безработицы в стране нет, а безработные есть.

Вы про «перелетных гусей» слыхали?

Мне довелось с ними познакомиться.

...В Москве, когда поезд Москва — Сочи тронулся, парень с рыжими баками оставался на перроне. Но едва, щурясь от яркого южного солнца, я вышел из поезда в Сочи, первое, что бросилось в глаза,— рыжие бакенбарды. Мистика. Фата моргана!

— Какими судьбами?!— спросил я у него.

— Дело в том...— начал было он, но вдруг съежился и с преувеличенным вниманием стал рассматривать фреску на портике вокзала.

Упругой походкой к нам подходил сержант милиции.

Еще мгновение, и рыжие баки замелькали где-то среди радостной толпы отдыхающих.

— Узнали преступника или просто интуиция?— поинтересовался я у блюстителя порядка.

— Какая там интуиция,— пробормотал сержант.— Это же Жорка, гусь перелетный. Его все Черноморье знает... Две недели назад паспорт новый выдали взамен утерянного, билет купили до места жительства, а он опять объявился.

— Зачем?

Милиционер сердито посмотрел на меня и пожал плечами:

— Пойди пойми его, зачем...

И я пошел. Любопытство привело меня в здание, известное под названием «Спецприемник-распределитель УВД Сочинского горисполкома».

— Скажите, откуда берутся такие... гуси?

Начальник спецприемника не был расположен к философии. «Выбирайте любого и выясняйте сами»,— сказал он сухо и достал из стола папки с надписью «Дело №...»

«Быков Владимир Иванович. Город Ачинск. Плотник. Возраст — 35 лет...»

В анкете, которую заполнил Владимир Иванович, одни «не»: документов, удостоверяющих личность, не имеет, общественно полезным трудом не занимается, инвалидом не является, пенсию не получает, не женат, мер к трудоустройству не принимает, что намерен делать в дальнейшем, не знает...

Я подготовил себя к большому разговору на моральную тему. И вот в кабинет приводят здоровенного детину с ясными голубыми глазами.

— Вы, простите, кто будете?— начинает он сразу.— Ах, корреспондент... Никто, товарищ корреспондент, меня скитаться не заставляет. Стройки везде. И всюду мои руки нужны. Идешь по улице, читаешь — требуется, требуется, требуется... А ты — мимо. Только решишься на работу поступить, а тут весна или же, скажем, осень, и нет мне покоя — крик какой-то журавлиный в душе: «На юг, на юг!» Стыдно мне, товарищ корреспондент... Но теперь уже все: зарок дал...

— Вы антимонии-то не разводите,— холодно говорит начальник приемника,— никак, девятый раз вас здесь вижу!

— Точно говорю, в последний!— отвечает ему Владимир Иванович, лучезарно улыбаясь.— Еще вопросы есть, товарищ корреспондент, а то сейчас сигареты будут выдавать, не прозевать бы...

Коваленко Сергей Прокофьевич. Годочков ему побольше, чем предыдущему оратору,— 39. По профессии инженер-строитель. Но суть та же: нигде не работает, бродит по городам и весям. Зачем? Ответить не может. Клятвенно заверяет, что все осознал, продумал. Как выйдет из приемника — сразу за работу!

Лесков Иван. Сварщик. 28 лет. Определенного места жительства нет, но документы есть. Правда, не при себе: трудовая книжка в медвытрезвителе, паспорт у официантки адлерского ресторана, военный билет у дежурного по вокзалу в Гаграх.

И опять та же песня:

— Разве ж я не понимаю? Стыдно людям в глаза смотреть... Но уж теперь все, хватит!..

Долго пролежал у меня втуне блокнот с записями доверительных бесед с «перелетными гусями». Стоило взяться за перо, как передо мной возникали подернутые влагой глаза собеседников, а в ушах начинали звучать их страстные обещания начать новую жизнь. А может быть, думал я, тот же сварщик Лесков висит сейчас в люльке над бурной сибирской рекой, озаренный синими искрами, и суровый ветер БАМа овевает его одухотворенное лицо?

И полный веры в человека я откладывал перо.

Но когда однажды снова посетил спецприемник, то на первой же папке прочитал: «Лесков Иван. Задержан за бродяжничество»...

Вот и другой знакомец: Коваленко Сергей Прокофьевич. Последняя должность — переборщик картофеля. А ведь это человек с высшим образованием.

Но довольно о «гусях». Разрешите еще одно интервью. На этот раз здесь, в столице.

Павел... Отчество неизвестно. Кличка — «Мотыль».

Он обычно стоит в тени табачного киоска у входа на Тишинский рынок. Продает мотыль для рыболовов. Семьдесят пять копеек спичечная коробочка.

— Не надоело, Паша? Судя по внешнему виду, коммерция больших доходов не приносит.

— Привык,— ответствует Паша,— а надоест, на завод пойду, не хуже других буду работать!

Как видим, суть одна и та же.

А должны ли мы терпеливо ждать, когда всем этим паразитам надоест жить, как они живут, питаться кое-как, ночевать черт знает где, опускаться все ниже и ниже, дожидаться, пока они докатятся до тюрьмы?

Ведь не особенно верится, что тот же Мотыль или тот же Быков без посторонней помощи станет человеком.

И другое, не менее веское соображение: ведь в конечном счете все они живут за наш счет.

К слову, содержание «перелетных гусей» в спецприемниках обходится государству в десятки тысяч рублей ежегодно.

Да, тунеядцы, не желающие для общества палец о палец ударить, требуют немало забот. Для них ежедневно готовится завтрак: чай, сахар, пшеничный хлеб. Обед: борщ или суп, котлеты с гарниром; выдаются сигареты. Если, не дай бог, у кого заболит живот, срочно посылают за врачом.

Содержать «гусей» в приемнике положено не более тридцати дней. За это время сотрудники милиции обязаны выяснить их настоящие имена и подлинность документов, если таковые имеются. До седьмого пота трудятся тысячи людей, работают кибернетические машины и другая передовая техника, разбирая, сличая, проверяя все, что этим бездельникам заблагорассудится наболтать о себе.

Но вот нужные сведения собраны. Сразу отсеиваются преступники, по которым объявлен всесоюзный розыск, отправляются на скамью подсудимых закоренелые бродяги — те, кто подписывал предупреждения о бродяжничестве не менее трех раз.

Остальные либо получают направление на трудоустройство по месту жительства, либо (чаще всего) выпускаются на все четыре стороны, потому что в Краснодарском крае, например, не так уж много предприятий, которые должны принимать людей по путевкам спецприемника.

Наступила весна, и уже сейчас тысячи бездельников начинают сбиваться в стаи, собираясь «лететь» кто на юг, а кто и на север.

Да-да, и на север! Все эти безвестные молодцы, бродящие по тайге с охотничьими ружьями, для которых никакие промысловые законы не писаны, или околачивающиеся в портах, стали уже настоящим бичом для северян.

...Нельзя допускать, чтобы «перелетные гуси» смотрели на нашу работу только с высоты своего затянувшегося перелета.

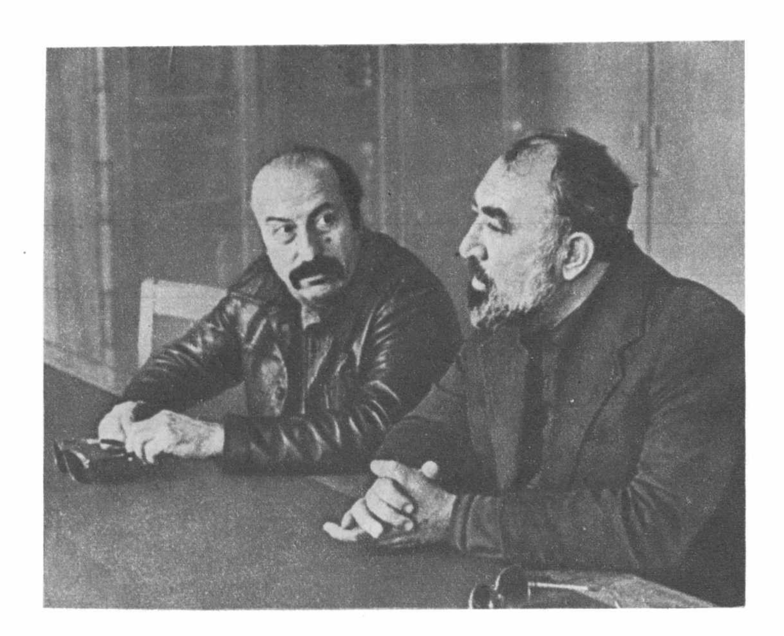
комментарии излишни

Уважаемые товарищи из «Огонька!» Разрешите пригласить всех вас на свадьбу. Когда, куда и к кому? Мне бы хотелось, чтобы на этот вопрос ответили в «Союзпечати». Дело вот в чем заключается. В конце января этого года мне вручили бланк приглашения на свадьбу в газетном киоске № 16, что на перроне станции Иловайское. Вложили его во второй номер «Огонька», отчего цена номера подскочила сразу до пятидесяти копеек. Может быть, вы имеете непосредственное отношение к чьему-то будущему бракосочетанию?

С нагрузкой продаются и «Неделя» и «За рубежом». Так, в киевском киоске «Союзпечати» № 145, что около цирка, меня не только куда-то пригласили, но еще и с днем рождения поздравили. Разумеется, за дополнительную плату. Удивительная находчивость. В подтверждение сказанного высылаю открытки и приглашение на свадьбу.

П. ТКАЧУК

Киев.

гости «огонька»

Болгарский журнал «Отечество» появился в киосках всего пять лет назад, но у него уже широкий круг постоянных читателей и в Болгарии и в СССР. Недавно главный редактор журнала, известный болгарский писатель Серафим Северняк (на снимке справа), а также московский корреспондент газеты «Народна младеж» Константин Дуфев были гостями нашей редакции. Состоялся заинтересованный разговор о дальнейшем сотрудничестве «Отечества» и «Огонька».

юморинки

Семен ВИШНЕВСКИЙ,
народный поэт
Марийской АССР

ХВОРОБА... ЛЕЧИТ

— Подхалим,
а не юлит!
— Не велит...
радикулит.

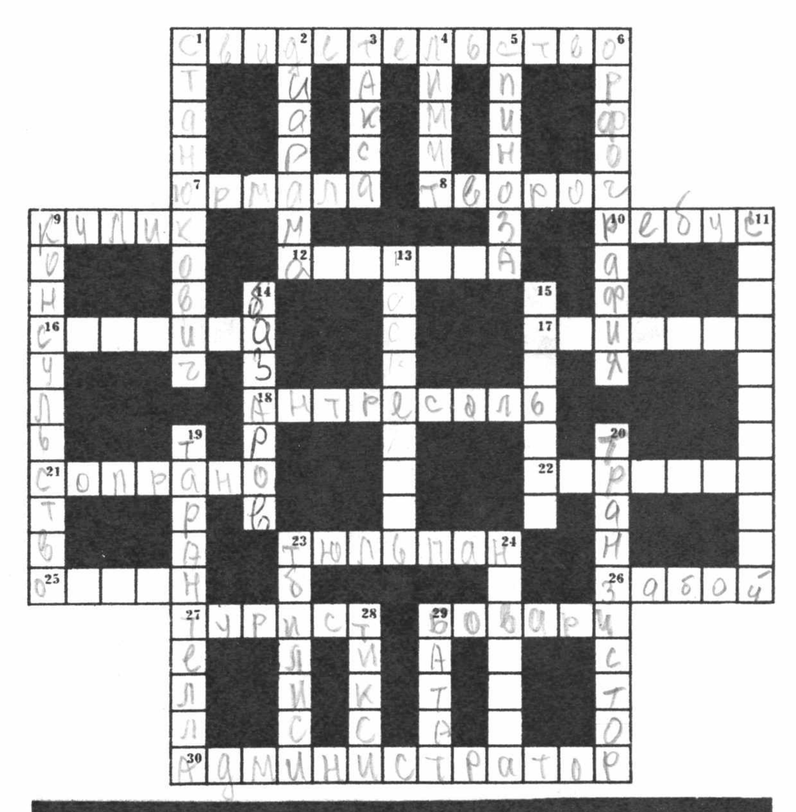
ПРОЗАСЕДАВШИМСЯ

Заседайте... стоя:
здоровей для тела
и полезней
втрое
для успеха дела!

ПЕНЬ

Пень
хоть шелком разодень,—
пнем останется,
раз пень...
И когда садится пень
на служебную ступень,—
пнем
торчит,
пока не пнем...

Перевел с марийского
Иван ЗАКОНОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Официальный документ, подтверждающий факт, право. 7. Курорт в Латвии. 8. Молочный продукт. 9. Небольшая болотная птица. 10. Загадка. 12. Горный массив в Абхазии. 16. Промысловая морская рыба. 17. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 18. Настил под потолком для вещей. 21. Высокий женский голос. 22. Транспортный самолет. 23. Луковичное растение, цветок. 25. Экваториальное созвездие. 26. Рабочее место горняка в шахте. 27. Путешественник, спортсмен. 29. Героиня романа Г. Флобера. 30. Ответственный распорядитель.

По вертикали: 1. Русский писатель, автор «Морских рассказов». 2. Вид изобразительного искусства. 3. Охотничья собака. 4. Предельная норма. 5. Нидерландский философ-материалист XVII века. 6. Правописание. 9. Дипломатическое представительство. 11. Советский филолог, академик. 13. Французский физик. 14. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 15. Венгерский композитор. 19. Итальянский народный танец. 20. Полупроводниковый прибор. 23. Столица союзной республики. 24. Рассказ А. П. Чехова. 28. Бухта моря Лаптевых. 29. Сладкий картофель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 1. Писарев. 4. Макаров. 7. Магазин. 8. Кокарда. 9. Домкрат. 11. «Прозаседавшиеся». 15. Манн. 16. «Лето». 17. Комиссаржевская. 21. Антоним. 22. Лактоза. 23. Алаколь. 26. Вологда. 27. Опахало.

По вертикали: 1. Перископ. 2. Росомаха. 3. «Варяг». 4. Мороз. 5. Карандаш. 6. Виктория. 8. Коломыйка. 10. Тектоника. 12. Рондо. 13. Дозор. 14. Сылва. 17. Китоглав. 18. Семаранг. 19. «Вельможа». 20. Ярошенко. 24. Астра. 25. Огайо.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Электрослесари В. П. Беляков и В. М. Корольков готовят к работе лазерную установку. * Вакуумная камера. * Нанесение порошкового покрытия. (См. в номере материал «Всесильные порошки».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели художников Алма-Атинского Дома моделей одежды. (См. в номере материал «Чуткость модельера».)

Фото И. Куксова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 16.03.81. Подписано к печати 1.04.81. А 00354. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 781. Заказ № 242.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Пародия на одного из западных певцов. В сценке участвует поэт Отто Ардер, постоянный автор песен ансамбля.

по просьбе читателей

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Как-то вечером я оказалась на большом эстрадном концерте, в котором участвовали различные вокально - инструментальные ансамбли, солисты (в том числе и зарубежные). Звучали неплохие песни, красивая музыка, а публика почему-то скучала. Не оживилась она и при появлении иностранного дуэта. Парень и девушка вышли в броских, переливчато-перламутровых комбинезонах, они профессионально пели, синхронно отплясывали под современные ритмы, ловко манипулируя микрофонами... «Неблагодарные» зрители по-прежнему пребывали в сомнамбулическом состоянии. «И это мы видели, и это слыхали», — казалось, говорили их молчаливые сомкнутые ряды и слабенькие хлопки после очередного номера. Не хотелось верить, что так оно и будет до конца. Я надеялась — и, думаю, не только я — на какое-либо чудо.

И оно действительно произошло — когда на сцену после антракта вышел эстонский ансамбль «Апельсин».

...«Видишь, как хорошо, что мы остались. А хотели уходить!» — услышала я потом разговор двух зрительниц. Их лица сияли...

И мне показалось, что здесь, на концерте, я поняла, в чем секрет успеха «Апельсина». Прошло то время, когда вокально-инструментальным ансамблям достаточно было профессионально освоить электроинструменты и правильно спеть, чтобы заинтересовать слушателя и, быть может, ему понравиться. Теперь хорошее исполнение не редкость и его одного мало, так же как и недостаточно найти свой музыкальный стиль. Ансамблям надо думать о жизни и мысли на эстраде, о том, как обрести свое живое лицо. Тем более что многие ВИА выступают с двухчасовыми программами.

Поскольку эстрада всегда относилась к числу легких жанров, то и «Апельсин» старается говорить со своим слушателем легко, непринужденно, весело. Их песни, реплики, сценки пронизаны юмором, часто с элементами пародийности. Тут пародии на некоторых западных дискозвезд, бессмысленно вихляющихся под звуки столь же бессмысленной музыки, а также на «модные» музыкальные течения, точнее, на стандартную, массовую, коммерческую музыку. Тут и пародии на отечественные шлягеры — те песни, что, как говорится, ни уму ни сердцу. Ансамбль не хочет только смешить. На смену шуткам приходят серьезные раздумья о нашем времени, о человеческих взаимоотношениях, о труде — словом, о жизни со всеми ее сложностями. У «Апельсина» есть свои поэты, свои сатирики, коллектив уделяет особое внимание словам песен, их смыслу (скоро в Таллине выйдет сборник песен «Апельсина»). По-моему, это чуть ли не единственный у нас в стране ВИА, который сочиняет и исполняет еще и сатирические песни «на злобу дня». Но, повторяю, все это подается в самой непринужденной, немного эксцентричной манере, ненавязчиво, изящно.

Причем каждый исполнитель — их девять человек — артистичен, это прежде всего характер, типаж. Мы увидим среди них и жизнерадостного добряка, и тихого меланхолика, и гордого красавца мужчину, и равнодушного наблюдателя... Эти персонажи постоянно находятся во взаимодействии, общении, что и рождает на сцене забавные эпизоды, взятые как бы из самой жизни. И в то же время создает непрерывность действия, ощущение целого спектакля. Мы уже не говорим о том, что все участники ансамбля — прекрасные музыканты, владеющие любым стилем. Их творческая фантазия словно безгранична, ни один номер не похож на другой. Оттого-то «Апельсин» с удовольствием слушаешь не только в концертах, где немалое значение имеет эффект присутствия, но и в записи. (Что касается последнего, то, к сожалению, фирма «Мелодия» пока не предоставляет любителям эстрады такой возможности — послушать ансамбль, хотя вообще давно собирается выпустить большой диск «Апельсина».)

— «И все-таки почему «Апельсин?» Так нередко спрашивают нас, — рассказывает руководитель ансамбля Тыну Ааре. — Объясню: однажды шли мы по Таллину и вдруг видим — продают апельсины. Вы, наверное, знаете, в облике нашего города преобладают в основном серые, темные и холодноватые тона, и на этом фоне гора оранжевых фруктов так радостно и весело сверкала, что мы сразу же решили: назовемся «Апельсин» и постараемся вот так же радовать всех. Тогда, семь лет назад, мы еще только-только начинали, впервые спели на телевидении несколько юмористических песен. После этого пришло очень много писем... Нас было четверо: я, Антс Нуут, Яан Ардер и Гунар Криик.

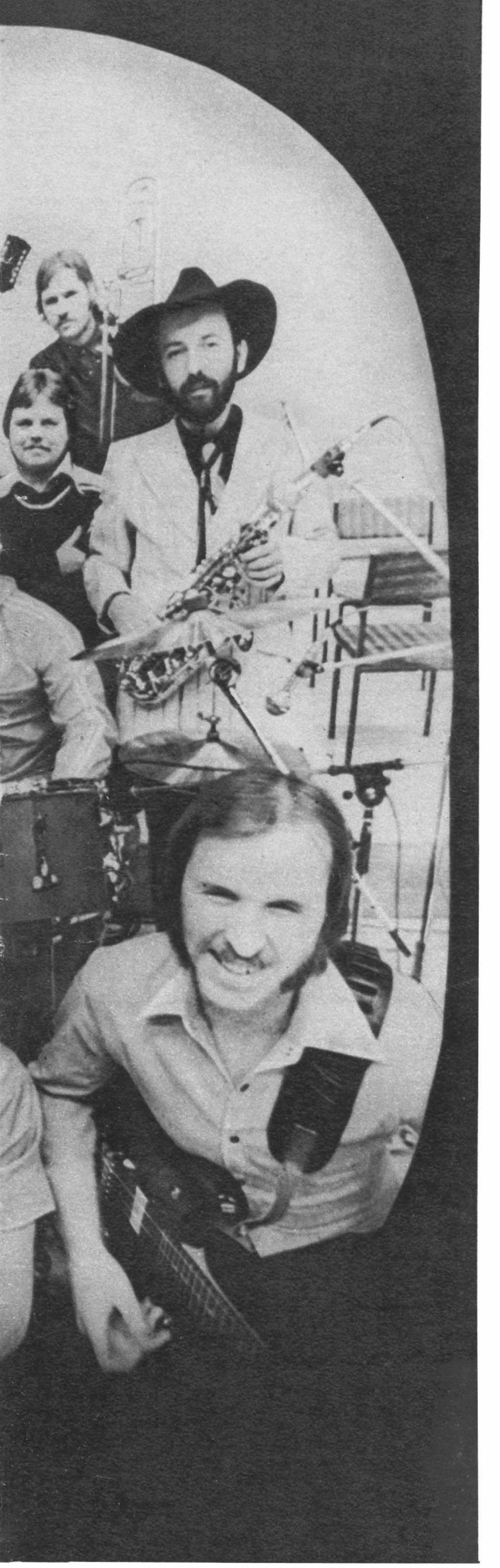
Они, эти четверо, некоторое время считались самодеятельной группой, ребята выступали и работали. Двое — терморегулировщиками на велотреке, один — в кочегарке, а четвертый играл в симфоническом оркестре.

Сейчас ВИА «Апельсин» работает в Таллинской филармонии, а также в Росконцерте, так что артисты объехали с гастролями почти всю Россию: Ленинград, Ростов, Куйбышев, Тольятти. Челябинск, Свердловск, Омск... ВИА «Апельсин» — лауреат всесоюзных и международных джазовых фестивалей.

— Тогда, семь лет назад, — продолжает Тыну, — нам казалось, что веселить людей очень просто и легко. Теперь нам уже так не кажется. Для того, чтоб в зале было весело, надо очень серьезно работать. И чем лучше принимают нас зрители, тем труднее: ответственность больше. Порой мне приходится сдерживать и себя и других ребят. Когда готовим новую программу, каждый вносит свою лепту. Идей полно, и тут главное — чувство меры. Не переиграть, не пересмешить, вовремя остановиться, унять свои фантазии. Но, конечно, всегда искать и находить что-то новое!

Тыну Ааре, Владимир Шарипов, Борис Леппсоо, Яан Ардер, Ян Кирсс, Хельмут Анико, Велло Юртон, Гунар Криик, Антс Нуут — из этих девяти «долек» и состоит «Апельсин»...

МУЗЫКАЛ

Концерт. Исполняется лирическая песня.

Минуты отдыха. Зеркало гримерной отражает Тыну, который никогда не расстается с гитарой.

Незаменимый человек — звукорежиссер Энн Лайдрэ.

...ЬНЫЙ «АПЕЛЬСИН»

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

ISSN 0131—0097

